

СОЧИНЕНІЯ

ВЪ

ПРОЗѢ И СЪНДРАХѢ

К. БАТЮШКОВА.

ЧАСТЬ
ПЕРВАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1834.

СОЧИНЕНІЯ
БАТЮШКОВА.

РИЕНПРОЗ

ПАТОНОВ

КОНСТАНТИНЪ НИКОЛАЕВИЧЪ
БАТЮШКОВЪ.

СОЧИНЕНІЯ
КОНСТАНТИНА БАТЮШКОВА.
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

рис. А. Брунновъ.

грав. С. Таракановъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1834.

102.2.

BIBLIOTHECA

REGIA

MONACENSIS.

СОЧИНЕНІЯ

ВЪ

ПРОЗѢ И СТИХАХЪ,

Константина Батюшкова.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ.

Et quand personne ne me lira, ay ie perdu mon temps, de m'estre entretenu tant d'heures oysifves à pensemens utiles ou agréables?

MONTAIGNE.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

ВЪ ТИПОГРАФІИ И. ГЛАЗУНОВА.

1834.

СОРНИН

BIBLIOTHECA
REGIA
MONACENSIS.

Печатать позволяется,

съ тѣмъ, чѣмъ, по напечатаніи, предспавлены были въ
Ценсурный Комитетъ *три* экземпляра. Санктпешербургъ,
19 Октября, 1833 года.

Ценсоръ А. Никитенко.

ПОДАНІЕ ВТОРОЕ

Et dans l'attente de la décision du
ministre de l'Intérieur, j'ai l'honneur
de vous adresser ci-joint le
manuscrit de l'ouvrage.

Monsieur

САНКТИ-ПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Типографіи Н. Губина

1834

ОТЪ ИЗДАТЕЛЕЙ.

Сочиненія Батюшкова — одно изъ лучшихъ украшеній Русской Словесности и примѣръ Изящнаго для молодыхъ Авторовъ — были въ первый разъ изданы въ 1817 году, подъ скромнымъ названіемъ *Опытовъ въ стихахъ и прозѣ*. Съ тѣхъ поръ любители его очаровательной (къ сожалѣнію, умолкшей) лиры долго и тѣпело ждали новаго ихъ появленія. Удовлетворяя общему желанію просвѣщенной Публики, мы нынѣ представляемъ ей сіи сочиненія, дополнивъ оныя нѣкими піесами, которыя или не вошли въ первое изданіе или уже послѣ написаны имъ и явились отдѣльно въ разныхъ Журналахъ и Альманахахъ. Читатели между сими піесами замѣтятъ въ спискахъ: *Вечеръ, Элегію, Отрывокъ изъ Элегіи, Къ Тассу, Отрывки изъ*

Освобожденнаго Иерусалима и изъ Шиллеровой Трагедіи, Посланія Карамзину, А. И. Т — ву, Н Н. и Кн. Шаликову, Басню Пастухъ и Соловей, Подражаніе Аріосту, Къ Маишь, На смерть Лауры изъ Пепрарки, Изреченіе Мельхиседека, при Эпиграммы, Надгробіе Русскому младенцу, умершему въ Неаполѣ, Эпитафію, (подъ No XV), Сравненіе двухъ Полководцевъ, Стихи на смерть Даниловой, и переводъ нѣсколькихъ піесъ изъ Греческой Антологіи; а въ прозѣ: Повѣсть Предслава и Добрыня и разныя письма и опривки.

С. ПЕТЕРБУРГЪ,

17 Іюля 1834 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стр.</i>
I. Нѣчто о Морали, основанной на Философіи и Религіи	1
II. О лучшихъ свойствахъ сердца	23
III. Рѣчь о вліяніи легкой Поэзіи на языкъ	32
Примѣчанія	47
IV. Нѣчто о Поэти и Поэзии	50
V. О характерѣ Ломоносова	63
VI. Вечеръ у Кантемира	71
VII. Письмо къ И. М. М. А. о сочиненіяхъ Г. Муравьева	96
VIII. Прогулка въ Академію Художествъ	123
IX. Опрывокъ изъ писемъ Русскаго Офицера о Фин-	
ляндіи	158
X. Путешествіе въ Замокъ Сирей	170
XI. Двѣ Аллегоріи	187
XII. Похвальное слово сну	193
XIII. Аріостъ и Тассъ	216
XIV. Петрарка	230
XV. Гризельда, повѣсть изъ Боккаччо	251
XVI. Предслава и Добрыня, старинная повѣсть	268

ПИСЬМА и ОТРЫВКИ:

I. Къ Д. В. Д.	296
II. Къ С.	305
III. Къ В. Л. Пушкину	318

II О Г Л А В Л Е Н І Е.

	Стр.
IV. Къ А. И. Т.	323
V. Къ А. И. Т.	324
VI. Къ А. И. Т.	327
VII. Къ С. С. У.	332
VIII. Къ В. А. Ж.	335

1	I. Истинно о Морави, основанной на Философii и Религии
29	II. О различіи свойствъ сердца
33	III. Разъясненіе о вѣдѣніи истинной Познати на вѣдѣніи
47	IV. Истинно о Познати и Истинѣ
50	V. О христіанствѣ, Любопытствѣ
63	VI. Вѣдѣніе о Климатѣ
71	VII. Писаніе къ Н. М. А. о совершенствѣ Т. М. Религии
96	VIII. Пророчество въ Акадѣмическомъ Ученствѣ
127	IX. Оправданіе истиннаго Религіознаго Овѣщанія о Философii
138	X. Истинно о вѣдѣніи въ Замкѣ Свѣта
170	XI. Дѣла Акадѣмическія
187	XII. Показаніе своего сущаго
197	XIII. Вѣдѣніе и Тѣло
216	XIV. Истинно о вѣдѣніи
230	XV. Пророчество, повѣствованіе на вѣдѣніи
231	XVI. Истинно о вѣдѣніи, сущности повѣствованія
268	

ПИСЬМА и ОТВѢТЫ:

296	I. Къ А. В. А.
305	II. Къ С.
318	III. Къ В. А. Истинно

НЬИТО О МОРАЛИ.

основной на русском языке.

П Р О З А.

Содержание: 1. Повесть о том, как один человек... 2. Рассказ о том, как один человек... 3. Повесть о том, как один человек... 4. Рассказ о том, как один человек... 5. Повесть о том, как один человек... 6. Рассказ о том, как один человек... 7. Повесть о том, как один человек... 8. Рассказ о том, как один человек... 9. Повесть о том, как один человек... 10. Рассказ о том, как один человек...

Содержание: 1. Повесть о том, как один человек... 2. Рассказ о том, как один человек... 3. Повесть о том, как один человек... 4. Рассказ о том, как один человек... 5. Повесть о том, как один человек... 6. Рассказ о том, как один человек... 7. Повесть о том, как один человек... 8. Рассказ о том, как один человек... 9. Повесть о том, как один человек... 10. Рассказ о том, как один человек...

ПРОЗВ.

I.

НѢЧТО О МОРАЛИ,
ОСНОВАННОЙ НА ФИЛОСОФІИ И РЕЛИГІИ.

Есть необыкновенная эпоха въ жизни; иные ранѣе, другіе позже испытали мученіе и сладость, ей особенно свойственныя. Я хочу говорить о томъ времени, въ которое человѣкъ, посредствомъ опыта и спрашей, получаетъ новое нравственное существованіе; когда, раздравъ завѣсу сомнѣній, онъ открываетъ новое поприще, спавиши-ся на новый рубежъ, озираетъ съ него прошек-шее и будущее, сравниваетъ одно съ другимъ и рѣшается прошекать ошальное поприще жизни съ свѣщильникомъ Вѣры или мудрости, оставая за собою предразсудки легкомыслія, суешныя надежды и толпу блестящихъ призраковъ юности.

Скоро и невозвратно исчезаетъ юность, это время, въ которое человѣкъ, по щастливому выраженію Кантемира, еще новый житель міра сего,

съ любопытствомъ обращаетъ взоры на Природу, на общество и пребудетъ однихъ сильныхъ ощущеній; онъ съ жаждою пьетъ тогда въ источникъ жизни, и ничто не можетъ утолить сей жажды: нѣтъ границы наслажденіямъ, нѣтъ мѣры пребываніямъ души, новой, исполненной силы и неослабленной ни опытносцію, ни трудами жизни. Тогда все дѣлается спрашцію, и самое чпеніе. Щасливъ тотъ, кто найдетъ наставника опытнаго въ оное опасное время, наставника, коего попечительная рука опклонишь отъ порочнаго и суешнаго; щасливъ тотъ еще болѣе, кого сердце спасетъ отъ заблужденій разсудка: ибо въ юности сердце есть лучшая порука за разсудокъ. Одна опытность даетъ разсудку и силу и дѣятельность. Во время юности и огненныхъ спрашекъ каждая книга увлекаетъ, каждая система принимается за истину, и чиншеть, неруководимый разумомъ, подобно гражданину въ бурныя времена безначалія, переходить то на одну, то на другую сторону. — Сомнѣніе не существуетъ и не можетъ существовать: ибо оно уже есть слѣдствіе сравненія, для котораго нужны понятія, цѣлый запасъ воспоминаній. Тѣ моралисты, копорые говорятъ сердцу, одному сердцу, тѣ полишники, копорые нападаютъ софизмами на всѣ предразсудки безъ изъясненія и поражаютъ зло

спрѣлами сапиры или палицею желѣзнаго человѣка (*), не взирая ни на лица, ни на условія и законы общества, суть самыя опаснѣйшіе. Блескъ остроумія исчезаетъ; одно убѣдительное краснорѣчіе спраспей, или возбуждающее ихъ, оставляетъ въ сердцѣ сіи глубокіе слѣды, часто не изгладимые (**).

Но время чтенія исчезаетъ: ибо пресыщенное любопытство упомляется. За симъ слѣдуетъ непосредственно эпоха сомнѣній. Сомнѣніе мучительно; оно есть необыкновенное состояніе души, и продолжительно не бываетъ. Надобно рѣшившись мыслящему человѣку принявъ свѣдѣніе мудрости (пой или другой школы); надобно запастись мудростію человѣческою или небесными упышеніями: ибо онъ видитъ, онъ чувствуетъ, что для самой ограниченной дѣятель-

(*) Смори мечпанія Мерсье подъ названіемъ: ГАп 2440.

(**) Вотъ почему чтеніе Вольтера менѣе развратило умовъ, нежели пламенные мечпанія и блестящіе софизмы Руссо: одинъ говоритъ безпрестанно уму, другой сердцу; одинъ угождаетъ суестьи и скоро упомляется остроуміемъ; другой никогда не можетъ наскучить, ибо всегда пѣняетъ, всегда убѣждаетъ или прогааетъ: онъ во сто разъ опаснѣе.

ности въ обществѣ, надлежитъ имѣть нѣсколь-
ко постоянныхъ нравственныхъ истинъ въ опору
своей слабости. Къ несчастію, — или къ счастью
можетъ быть, ибо кто извѣдалъ всѣ пути Про-
мысла? — мы живемъ въ печальномъ вѣкѣ, въ
которомъ человѣческая мудрость недоспапчна
для обыкновеннаго круга дѣятельности самаго
простого гражданина: ибо какая мудрость мо-
жетъ утѣшить несчастнаго въ сіи плачевныя
времена, и какое благородное сердце, чувстви-
тельное и доброе, спанетъ довольствоваться сухими
правилами Философіи, или захочетъ искать гру-
быхъ земныхъ наслажденій посреди ужасныхъ раз-
валинъ столицъ, посреди развалинъ еще ужаснѣй-
шихъ — всеобщаго порядка, и посреди страда-
ній всего человѣчества, во всемъ проевѣщенномъ
мірѣ? Какая мудрость въ силахъ дать постоян-
ныя мысли гражданину, когда зло поржествуетъ
надъ невинностію и правотою? Какъ мудрости
не обмануться въ своихъ математическихъ рас-
четахъ (ибо всякая мудрость человѣческая осно-
вана на расчетахъ), когда всѣ ея замыслы сами
себя уничтожаютъ? Къ чему прибѣгаетъ умъ,
пребующій опоры? Къ какимъ постояннымъ пра-
виламъ, или расколамъ древней или новой Фило-
софіи, по какой системѣ расположитъ свои по-
ступки, связанные споль пѣсно съ ходомъ идей

полипическихъ, превращенныхъ и шапкихъ? и что успокоить его? Какіе свѣтскіе моралисты внушаютъ сію надежду, сіе мужество и поснорянство для настоящаго времени споль печальнаго, для будущаго споль грознаго? Ни одинъ, смѣло отвѣчаю: ибо вся мудрость человѣческая принадлежитъ вѣку, обстоятельствамъ. Она подобна шѣмъ нѣжнымъ расптѣніямъ, которыя прозябаютъ, цвѣтутъ и украшаются плодами подъ природнымъ небомъ, но въ землѣ чуждой; окруженныя несвойственными расптѣніями, при вѣянїи малѣйшаго вѣтерка, скудѣютъ лиспьями и вянутъ безпре-спанно. Слабость человѣческая неизлечима, вопреки Споикамъ, и всѣ произведенія ума его носятъ оппечатоки оной. Признаемся, что смертному нужна мораль, основанная на небесномъ Опкровоенїи: ибо она единспвенно можетъ быть полезна во всѣ времена и при всѣхъ случаяхъ: она есть щитъ и копье добраго человѣка, которыя не ржавѣютъ отъ времени.

И къ чему всѣ опыты мудрости человѣческой? Къ чему совѣты и наблюденія зоркаго разума? Доспапочны ли они для человѣчества вообще и для человѣка часпно во время его спранспвованія по бурному морю жизни? Къ чему, на примѣръ, сельскому жипелю вся мудрость и опытность Дюкло? Къ чему шонкія замѣчанія Ларош-

Фуко, кошпорога книга, по словамъ и самихъ свѣпскихъ людей, сушитъ сердце? Къ чему всѣ эписпины, основанныя на ложныхъ поняпїяхъ? Ибо для мудрецовъ сихъ и дружба, и любовь, и чувство сына къ опцу, и нѣжнѣйшее чувство матери къ своему рожденію, однимъ словомъ, благодарность, безкорыстіе и все, что человѣчество имѣетъ драгоцѣннаго, прекраснаго, великаго, всѣ позывы великой души, всѣ невольныя движенія и тайныя пожертвованія благороднаго сердца — все есть слѣдствіе *корысти*.

Другіе свѣпскіе моралисты повпоряли однѣ и тѣ же мысли, или (напр. Гельвецій) давали имъ обширнѣйшее распротраненіе, но вѣчно ложное (*). Они опечалили человѣчество, они ограбили его, сіи дерзкіе и суешные умы: ибо что говорили они? *Будь щастливъ по нашимъ правиламъ.* — Согласенъ, слѣдую имъ слѣпо; но я все не доволенъ ни судьбою, ни сердцемъ своимъ. Что же мнѣ остается? — Терпѣніе, отвѣчали они, и отсылали насъ къ Споикамъ.

(*) Число поняпїй моральныхъ и политическихъ — говоритъ Ансильонъ — весьма ограничено; вообще мало поняпїй въ обращеніи. Каждое поколѣніе выбиваетъ монету, или, лучше сказать, перемѣняетъ только штемпель, а медалъ все по тѣ же. —

Вошъ, въ чемъ совершенно заключаеися вся нравственная теорія новѣйшихъ мечтателей, которую опровергъ другой мечтатель (*), опешупникъ опъ Вѣры, опешупникъ опъ Философiи. Ни слова въ утѣшенiе: ибо гдѣ обрѣсти его? Въ совѣсти! кричали они. — Согласенъ; но кто утѣшилъ эшу мать, прижавшую къ груди своей прелепнаго младенца, бѣгущую изъ столицы, обѣятой пламенемъ? Кто утѣшилъ этого опца, супруга, который подъ развалинами дома своего осматриваетъ все, что имѣлъ: и дѣшей, и жену, и всѣ блага жизни, всѣ надежды свои? Здѣсь совѣсть будетъ существо отрицательное. Она будетъ спокойна у невиннаго спрадальца, но слезы его прольются на прахъ разрушеннаго щаспiя.... взоры его обращаяся къ небу; памъ найдетъ онъ опвѣстъ на вопросы опчаяннаго сердца, или оно погибнетъ: здѣсь нѣтъ середины.

Споиическая система ложна, ибо мораль ея основана на одномъ умешвованiи, одномъ оприцанiи; она ложна потому, что безпрестанно враждуетъ съ нѣжнѣйшими обязанностями семейственной, которые основаны на любви, на благоволенiи. Пусть будетъ она лучшая изъ древнѣйшихъ системъ: ибо она внушаетъ человѣку пвер-

(*) Руссо.

доспѣ, мужеспиво, поспоянспиво, безъ которыхъ
нѣспѣ добродѣтели; ибо она указуспѣ смерпному
высокую цѣль и Бога на концѣ поприща жизни,
проведенной въ правдѣ, въ прудахъ, въ оприца-
ннн самого себя; но сердцу — она ничего не ска-
зываетъ. Всѣ моральныя испины должны менѣе
или болѣе къ нему опноспѣся, какъ радіусы къ
своему центру: ибо сердце еспѣ источникъ спра-
спей, пружина морального движенія. Умъ долженъ
имѣ управлѣспѣ; но и самый умъ (у людей щасп-
ливорожденныхъ) любитъ опдавать ему опчепѣ,
и сей опчепѣ ума сердцу еспѣ то, чпо мы осмѣ-
лимся назваспѣ лучшимъ и нѣжнѣйшимъ цвѣшомъ
совѣспн (*). Еспѣ другой родъ моралисповъ: они
принадлежатъ къ школѣ Эпикуровой (Новѣйшнѣ

(*) Вотъ въ чемъ заключали все ученіе Спюнки: „Еспѣ
Богъ, слѣдспвенно Онъ создалъ человѣка. Онъ создалъ
его для себя, создалъ шакowymъ, чпобы онъ содѣлался
правосуднымъ и щастливымъ на земахъ; слѣдспвенно
человѣкъ можетъ познаспѣ истину и можетъ посред-
спвомъ *мудрости своей* возвыспѣся до Бога, которнй
еспѣ верховное благо.“ — Мы приглашаемъ прочи-
таспѣ опроверженіе Моншаня системы Эпиксповой,
и Паскалево опроверженіе Моншаня и Эпикспета.
Христіанскій мудрецъ сравниваетъ обѣ системы; за-
спавляетъ боропѣся Моншаня съ Эпикспетомъ и обо-
ихъ поражаепѣ неопоримыми доводами. —

пѣ, которые не руководствовались испинами Опроверженія и повѣряли только сказанія Древнихъ (*). Французскіе Писатели осьмагонадесять вѣка большею частію расположили мораль свою по ученію сего мудреца; они желали распространить ея вліяніе на всѣ сословія, на всѣ случаи жизни, могущіе постигнуть человека въ обществѣ. Система Эпикурова заключается въ слѣдующемъ предложеніи: »Человѣкъ не можетъ возвыситься до Существа Верховнаго; его склонности безпрестанно противорѣчатъ закону: онъ влечется невольно къ видимымъ благамъ и ищетъ въ нихъ благополучія, даже въ вещахъ самыхъ гнуснѣйшихъ. И такъ, все не вѣрно: истинное благо подлежитъ сомнѣнію, и это ведетъ насъ къ познанію, что не можно имѣть постоянного правила для нравовъ, ни точности въ Наукахъ.« Монтань, великій защитникъ сего, представлялъ намъ Спокойную добродѣтель въ видѣ ужаснаго пугалища; а свою науку называлъ игривою, чистосердечною, простою и проч. Слѣдуя тому, что ей нрави-

(*) Во всемъ, говоритъ Монтань (если не ошибаюсь), мы влечемся по слѣдамъ Древнихъ, какъ малыя дѣти за школьнымъ учителемъ на гуляньѣ. Въ недавнемъ времени въ Германіи воскресили всю мечпательную Философію Платона подъ другимъ именемъ.

ся, говоришь онъ, играетъ она небрежно съ дурными и щасливými случайностями жизни, покоится сладосно на лонѣ праздности, откуда показывается людямъ пущь къ истинному на землѣ благополучію. Невѣдѣніе и нелюбопытство, восклицаетъ онъ, — вотъ два мягкія изголовья для головы щасливо образованной!

Убѣжденная въ сей истинѣ толпа Философовъ Эпикурейцовъ, отъ Моншана до самыхъ бурныхъ дней революціи, повпоряла человѣку: Наслаждайся! Вся Природа твоя: она предлагаетъ тебѣ всѣ сладости свои, всѣ упоенія уму, сердцу, воображенію, чувствамъ; все, кромѣ надежды будущаго, все твое, минувшее, но вѣрное. — Но гдѣ же сіи сладости, сіи наслажденія непрерывныя, сіи дни безоблачныя, сіи часы и минуты, сошканные усердною Паркою изъ нѣжнѣйшаго шелка, изъ запаха и розъ сладострасія? гдѣ они, спрашиваетъ сластолюбивый въ шинѣ спрашей своихъ. Гдѣ и что такое эти наслажденія, убѣгающія, обманчивыя, непостоянныя, оправленные слабостію души и тѣла, помраченныя воспоминаніемъ, или грустнымъ предвидѣніемъ будущаго? Къ чему ведутъ эти суежныя познанія ума, Науки и опытность, шрудомъ пріобрѣтенныя? — Нѣтъ опѣва, и не можетъ быть!

Заглянемъ въ самое сердце человѣка просвѣ-

ціннаго и щасливаго по понятіямъ міра. Напримѣръ: кто былъ просвѣщеніе и щасливѣе Гоція, и кто спрадалъ подобно ему? Природа лелѣяла его, какъ любимое дитя свое. Мы знаемъ его жизнь. Судьба, испытавшая его въ юности, осыпала всѣми дарами и славы и богатства въ зрѣлыя лѣта. Дружество Августа и Меланапа, наслажденія роскошнаго двора, общее уваженіе къ великому шланпу, здоровье неизмѣняющее, друзья любезные сердцу и уму, и въ вѣрности подобные благосклонной форшунѣ, прелестныя женщины, гошова увѣнчашъ миршами любимца Монархова и Музъ, и что всего лучше, мудрость, удовлетворительная для всѣхъ случайностей щасія, мудрость, которая открыла золотую середину во всѣхъ вещахъ, истинный Философскій камень: чего бы не доставало? Но щасливецъ, при всѣхъ дарахъ форшунѣ, при всей Философіи, скучалъ: ибо сердце человеческое имѣетъ нѣкоторый избытокъ чувствъ, который не рѣдко бываетъ источникомъ живѣйшихъ терзаній. Наслажденіе насъ съѣдаетъ, говоритъ Монпанъ; сердце скоро пресыщается. »Юноша, наливающій Фалерское, дай горькаго!« восклицаетъ Капула, увѣнчанный розами, пресыщенный на пиршесствѣ:

Minister vetuli, puer, Falerni

Inger'mi calices amariores.

Такъ создано сердце человѣческое, и не безъ причины: въ самомъ высочайшемъ блаженствѣ, у испочника наслажденій, оно обрѣтаетъ горечь. И это испыталъ Горацій. Нигдѣ не могъ онъ найти спокойствія: ни въ влажномъ Тибурѣ, ни въ цвѣтущемъ убожищѣ Мецената, ни въ градѣ; ни въ объятіяхъ любовницы, ни въ самыхъ наслажденіяхъ ума и той Философіи, которую украсилъ онъ неувядаемыми цвѣтами своего воображенія: ибо если Науки и Поэзія улаживаютъ нѣсколько часовъ въ жизни, то не оспавляютъ ли онѣ въ душѣ какой-то пустоты, которая охлаждаетъ насъ къ видимымъ предметамъ и набрасываетъ на Природу и общество печальную тѣнь (*)?

(*) „Въ Египтѣ я зналъ жреца, который, испустивъ всю жизнь свою на познаніе начала и конца вещей міра сего, сказалъ мнѣ съ глубокимъ вздохомъ: горе тому, кто захочетъ снятъ покрывало съ лица Природы! горе тому, для кого уже не существуетъ то очарованіе, которое предразсудки и нужды навели на предметы міра! Вскорѣ душа его, поблеклая и помная, въ самой жизни найдетъ ничтожество, ужаснѣйшее изъ всѣхъ наказаній... При сихъ словахъ слезы навернулись на глазахъ, и онъ сокрылся въ густотѣ лѣса.“ —

Путешествіе Младшаго Анахарсиса.

Это пылкое состояніе души нерѣдко бываетъ извѣстно людямъ добрымъ и образованнымъ. Чѣмъ избавитъ ихъ отъ сего мученія? — Религія.

Гдѣ же истинное блаженство? Увидимъ да-
лѣе. — Мы испытали, что Эпикурейцы не обрѣ-
ли его за чашею наслажденія, ни Стоики въ без-
страстіи и въ непреклонной суровости нравовъ
(ибо человекъ созданъ любить). Никто не на-
шелъ блаженства: ни умный, ни сильный, ни бо-
гатый въ чертогахъ, ни бѣдный въ хижинѣ сво-
ей: ибо и поэтъ, кто блистаетъ въ пурпурѣ, и
поэтъ, кто тратитъ всю жизнь свою въ убогомъ
шалашѣ, говоритъ Горацій, не могутъ назваться
щасливыми.

Гдѣ же это совершенное благополучіе, копо-
раго пребудетъ сердце, какъ тѣло пищи? Оно
нигдѣ не находится вполне, ошвѣчаетъ опы-
тость всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ. Человекъ
есть странникъ на землѣ, говоритъ святой Мужъ:
чужды ему грады, чужды веси, чужды нивы и ду-
бравы: гробъ его жилище во вѣкъ. — Вотъ по-
чему всѣ системы и Древнихъ и Новѣйшихъ недо-
стапчны! Онѣ ведутъ человека къ блаженству
земнымъ путемъ и никогда не доводятъ; Сиспе-
матики забываютъ, что человекъ, сей царь ли-
шенный вѣнца, брошенъ сюда не для щастія ми-
нутаго; они забываютъ о его высокомъ назна-
ченіи, о копоромъ Вѣра, одна святая Вѣра ему
напоминаетъ. Она подаетъ ему руку въ самыхъ
пропастяхъ, изрытыхъ спрастями или непріяз-

неннымъ рокомъ; она изводишь его невредимо изъ преволненій жизни, и никогда не обманывается: ибо она переносишь въ вѣчность все надежды и все блаженство человека. Лучшіе изъ древнѣйшихъ Писателей приблизились къ симъ вѣчнымъ истинамъ, копорыя святое Ошкровеніе явило намъ въ полномъ сіяніи. —

И горе тому, кто отвращаетъ взоры свои! Собственное сердце его накажетъ: чѣмъ оно чувствительнѣе, чѣмъ благороднѣе, тѣмъ болѣе и сильнѣе будутъ его терзанія: ибо ни дары счастья, ни блескъ славы, ни любовь, ни дружество, ничто не удовлетворитъ его вполне. Въ новѣйшія времена Руссо, одаренный великимъ гениемъ, тому явный и краснорѣчивый примѣръ. Онъ нигдѣ не обрѣталъ благополучія: ибо всю жизнь искалъ его не тамъ, гдѣ надлежало. Слава учинилась ему бременемъ, люди и общество ненавидимыми: ибо онъ оскорбилъ ихъ неограниченною гордостью. Любовь земная не могла насытить его жаднаго сердца; самая дружба его терзала. Оскорбленный, расперзанный всеми спорами, онъ покидалъ общество, пребывалъ счастья въ объятіяхъ Природы, вопрошалъ безмолвные лѣса, скипался при шумѣ клубящихся водопадовъ, въ часы румянаго утра и прохладнаго вечера; но не могъ успокоить своего сердца. Въ обществѣ на-

прасно облакается онъ въ мантию Споиковъ, напрасно подражаетъ имъ въ пвердоспи; собственное сердце ему измѣняетъ. Одна Религія могла утѣшить и успокоить спрадальца; онъ зналъ, онъ чувствовалъ эту истину и, жертва неизлечимой гордоспи, опклонялъ безпрестанно главу свою опъ легкаго и спасительнаго ярма. Красно-рѣчивый защитникъ истины (когда истина не противорѣчила его спраспямъ), пламенный обожатель и жрецъ добродѣтели, среди величайшихъ заблужденій своихъ, какъ часто измѣнял онъ и добродѣтели и истину! Кто соорудилъ имъ великолѣпнѣйшіе алтари, и кто оскорбилъ ихъ болѣе въ печеніе жизни своей и дѣломъ и словомъ? Кто заблуждался болѣе въ лабиринтѣ жизни, неся свѣпильникъ мудроспи человѣческой въ рукѣ своей? Ибо свѣпильникъ сей недоспапченъ; одинъ лучъ Вѣры, слабый лучъ, но постоянный, показываетъ намъ вѣрнѣе путь къ истинной цѣли, нежели полное сіяніе ума и воображенія.

Покланяясь добродѣтели и измѣняя ей, бытъ почипателемъ истины и не обрѣпаетъ ее, — вопъ плачевный удѣлъ нравспвенноспи, копорая не опирается на якорь Вѣры. Одно заблужденіе раждаетъ другое. Руссо началъ софизмами, кончилъ ужасною книгою; — онъ пожелалъ оправ-

дашься передъ людьми, какъ передъ Богомъ, со всею искренностію чловѣка глубоко распроганнаго, но гордаго въ самомъ униженіи, тогда, когда надлежало исповѣдывать тайны единому Верховному Существу, не съ гордостью мудреца, который укоряетъ Природу въ своихъ слабостяхъ, но съ смиреніемъ Христіанина. Одинъ Богъ можетъ претерпѣть отъ насъ подобной исповѣди; люди не достойны оной. И что же? Оправдывая себя, онъ оскорбилъ и дружество, и любовь, и родство, и все, что чловѣчество имѣетъ священнаго, завышнаго для души благородной; онъ оскорбилъ шѣни своихъ друзей, давно забытыхъ согражданами, оскорбилъ ихъ самымъ несправедливымъ приговоромъ по невѣдѣнію: ибо истина на землѣ одному Богу извѣстна. Кто претерпѣвалъ у него сихъ признаній, сей спрашивай повѣсти цѣлой жизни? Не люди, а гордость его. Какое право имѣлъ онъ повѣдать міру о слабостяхъ женщины, которой дружество, столь нѣжное, столь безкорыстное, уладило юность и успокоило претерпимое сердце мечтателя? Такъ! чловѣкъ, рожденный для добродѣтели, учинилъ спрашивное преступленіе, неслыханное доселѣ, и это преступленіе родила мудрость чловѣческая... Десятилѣтній опрокъ, который помнитъ свой Капихизисъ, можетъ уличить его въ этомъ преступленіи. Бо-

же великій! что же такое умъ человѣческій въ полной силѣ, въ совершенномъ сіяніи, исполненный опытности и науки? Что такое всѣ наши познанія, опытность и самыя правила нравственности безъ Вѣры, безъ сего путеводителя и зоркаго, и спрогаго, и снисходительнаго (*)?

(*) Безъ смѣха и жалости нельзя читать признаній Женеваго мечтателя. Я не стану выписывать тѣхъ мѣстъ изъ книги его, которыя могутъ оскорбить нравственность самую свѣтскую, самую снисходительную: ихъ множество. Но одно мѣсто меня забавляетъ болѣе другихъ, когда я воображаю себѣ защитника правъ человѣчества и Философа, столько лакомаго въ молодости своей. У Г. Мабли, въ Лионѣ, если не ошибаюсь, исправляя должность учителя и наставника, онъ любилъ опдыхать въ своей комнатѣ и пить вино, заѣдая пирожками: шутъ нѣтъ еще большаго зла; но вино было краденое... Дѣло сдѣлано! говоритъ Философъ: *malheureusement je n'ai jamais pu boire sans manger... mais aussi quand j'avais ma petite brioche, et que bien enfermé dans ma chambre, j'allais trouver ma bouteille au fond de l'armoire; quelles bonnes petites buvettes je faisais là tout seul en lisant quelques pages de roman!* Можно ли удержаться отъ смѣха? Гдѣ шутъ достоинство человека и мудреца? О слогъ ни слова. Въ такомъ случаѣ слогъ есть вѣрное выраженіе души. И эпосъ человекъ имѣлъ столько любезныхъ качествъ, столько небесныхъ дарованій! И эпосъ человекъ чувствовалъ всю прелесть Религіи, и благотворное вліяніе

Вѣра и нравственность, на ней основанная, всего нужнее Писателю. Закаленные въ ея свѣдѣнія мысли его становятся постоянные, важные, сильные, краснорѣчие убѣдительно; воображеніе при свѣдѣніи ея не заблуждается въ лабиринтъ созданія; любовь и нѣжное благоволеніе къ человѣчеству дадутъ прелесть его малѣйшему выраженію, и Писатель поддержитъ достоинство человека на высочайшей степені. Какое бы поприще онъ ни пропекалъ съ своею Музою, онъ не унижитъ ее, не оскорбитъ ея снѣдливости, и въ памяти людей оставитъ пріятныя воспоминанія, благословенія и слезы благодарности: лучшая награда таланту.

Невѣріе само себя разрушаетъ, говоритъ краснорѣчивый Квинтилианъ нашихъ временъ, который зналъ всю слабость гордыхъ вольнодумцевъ: ибо онъ всю молодость свою провелъ въ станѣ непріятельскомъ. Одна Вѣра создаетъ мораль незыблемую. Священное Писаніе, продолжаетъ онъ, есть хранилище всѣхъ испинъ и разрѣшаетъ всѣ затрудненія. Вѣра имѣетъ ключъ отъ сего хранилища, замкнушаго для коварнаго любопытства;

онъ на общество и на человека частнаго!—Чего не доставало ему? Постояннаго убѣжденія, меньше гордости и спрассей, больше разсудительности и смиренія.

Вѣра обрѣщаетъ въ немъ свѣтъ спасительный. Невѣріе приносишь въ него собственные мраки, которые бывають тѣмъ гуще, чѣмъ они произвольнѣе. Чѣмъ бышь выше другихъ людей, оно становится на высоты, окруженныя пропастями. Ошуща взоръ его, смущенный и блуждающій, смѣшиваешь всѣ предметы. Невѣріе мыслишь обладать орлинымъ окомъ, и ничего не различаешь. Не случилось ли вамъ путешествовать при первыхъ лучахъ денницы путемъ, проложеннымъ по высокимъ горамъ, когда пары, опъ земли восходящія, проспирають со всѣхъ сторонъ шуманную завѣсу, скрывающую горизонтъ, гдѣ изображается множество мечтательныхъ предметовъ, опъ смѣшенія свѣта со тѣмъою происходящихъ? По мѣрѣ того, какъ вы сходите съ высотъ, сіе облако земное рѣдѣетъ, разсѣвается; вы проникаете чрезъ него и находите на себѣ малые слѣды влаги, скоро изсыхающей. Тогда открывается и расширяется предъ вами необъемлемый горизонтъ: вы видите близъ лежащія горы, жавы и спада ихъ покрывающія, селенія человѣческія и холмы надъ ними возвышенныя; вся Природа вамъ опдана снова: вопъ эмблема невѣрія и Вѣры. — Сойдите съ сихъ высотъ невѣрія, гдѣ вы ходите около пропастей неизмѣримыхъ, гдѣ взоръ вашъ встрѣчаетъ одни призраки; сойдите, говорю

+

вамъ; призванные и поддержанные смиренной Вѣрою, идите прямо къ симъ облакамъ, обманчивымъ, восходящимъ опъ земли (они скрываютъ опъ васъ истину и являютъ одни обманчивые образы); сойдите и пройдите сквозь сію ничтожную преграду паровъ и призраковъ; она уступитъ вамъ безъ сопротивленія; она исчезнетъ — и ваши взоры обрѣнутъ необъемлемую перспективу истинъ, всѣ утѣшенія сего змнаго жилища и горъ лазурь небесную. —

Но для насъ исчезли всѣ призраки мудрости человѣческой. Къ счастью нашему мы живемъ въ такія времена, въ копорыя невозможно колебаться человеку мыслящему; стоимъ только взглянувъ на происшествія міра и попомъ углубившись въ собственное сердце, что бы твердо убѣдился во всѣхъ истинахъ Вѣры. Весь запасъ остроумія, всѣ доводы ума, логики и учености книжной испощены передъ нами; мы видѣли зло, созданное надменными мудрецами, добра не видали. Щастливые обитатели обширѣйшаго края, мы не участвовали въ заблужденіяхъ племенъ просвѣщенныхъ: мы издали взирали на громы и молніи невѣрія, раздробляющіе и пронъ Царя и алтарь истиннаго Бога; мы взирали съ ужасомъ на плоды нечестиваго вольнодумства, на вольность, водрузившую свое знамя посреди окровавленныхъ

пруповъ, на челоуѣческво униженное и оскорблен-
ное въ священнѣйшихъ правахъ своихъ; съ ужа-
сомъ и съ гореснїю мы взирали на успѣхи нече-
спивыхъ легіоновъ, на Москву дымящуюся въ раз-
валинахъ своихъ; но мы не теряли надежды на
Бога, и оиміамъ усердія курілся не щепино въ
кадильницѣ Вѣры, и слезы и моленія не щепино
проливались передъ Небомъ: мы воспоржесство-
вали. Оборонъ единспвенный, безиримѣрный въ
лѣпописяхъ міра! Легіоны *непобѣдимыхъ* запре-
пешали въ свою очередь. Копье и сабля, окроплен-
ныя свяшою водою на берегахъ тихаго Дона, за-
сверкали въ обипели нечеспія, въ виду храмовъ
разсудка, братства и вольности, безбожіемъ соо-
руженныхъ: и знамя Москвы, Вѣры и чеспи во-
дружено на мѣспѣ величайшаго преспуленія про-
пивъ Бога и челоуѣческѣва (*).

Faut-il encore, faut-il vous rappeler le cours

Des prodiges sans nombre accomplis en nos jours?

(*) Назадъ тому нѣсколько лѣтъ Шапобріанъ сказалъ:
„храбросъ безъ Вѣры ничпожна. — Посмотримъ,
что сдѣлаютъ наши вольнодумцы пропивъ Казаковъ
грубыхъ, непросвѣщенныхъ, но сильныхъ Вѣрою въ
Бога?“ Всѣ журналисты вступились за честь
оскорбленной великой націи (*la grande nation*); но пред-
сказаніе сбылось.

Должно ли приводить на память послѣднія чудеса, новыя покушенія злобы и невѣрія, и сіяющее поржесство невинности, человеколюбія и Религіи? Сколько уроковъ уму! Сердце въ нихъ нужды не имѣетъ.

Съ зарею наступающаго мира, котораго мы видимъ сладостное мерцаніе на горизонтѣ политическомъ, просвѣщеніе сдѣлаетъ новые шаги въ Отечество наше: снова процвѣтутъ промышленности, Искусства и Науки, и всѣ сладостныя надежды сбудутся; у насъ, можетъ быть, родятся Философы, Политики и Моралисты, и, подобно свѣпильникамъ Эдмбургскимъ, долгомъ поставятъ основаніе ученіе на истинахъ Евангелія, крошкихъ, посюйныхъ и незыблемыхъ, досюйныхъ великаго народа, населяющаго страну необозримую; досюйныхъ Великаго человека, имъ управляющаго!

Нынь въ міръ царства шакъ проспранна,
Гдѣ-бъ можно споль добра пиворить (*)!

(*) Державинъ.

II.

О ЛУЧШИХЪ СВОЙСТВАХЪ СЕРДЦА.

Масье, воспитанникъ Сикаровъ, на вопросъ : что есть благодарность ? отвѣчалъ : память сердца. Прекрасный отвѣтъ, который еще болѣе дѣлаешь чести сердцу, нежели уму глухонѣмаго Философа. Эта память сердца есть лучшая добродѣтель человѣка, и не столь рѣдка, какъ полагають нѣкоторые спорогіе наблюдатели. Человѣкъ добръ по природѣ, кричалъ Женевскій мизантропъ, и клеветалъ общество : слѣдственно клеветалъ человѣка : ибо онъ созданъ жить въ обществѣ, какъ муравей, какъ пчела : всѣ его добродѣтели относительны къ ближнему, и опьяченно отъ онаго существованіи не могутъ, какъ рука, отдѣленная отъ тѣла. Человѣкъ есть созданіе злое, говорятъ другіе моралисты, и приводятъ множество свидѣтельствъ о развратѣ и злобѣ сердца нашего; но я не вѣрю имъ и не мо-

гу вѣришь, чшобы общество походило на скопище свирѣпыхъ звѣрей. Живутъ ли пигры вмѣстѣ? строятъ ли города?— Нѣтъ. Ясное доказательство, что злоба не связываетъ, но разлучаетъ. Кто живетъ въ обществѣ? Незлобныя созданія: голубь, муравей, бобръ, умный слонъ, и каждое изъ сихъ созданій имѣетъ какое нибудь *качество*, которое украшаетъ человѣка и есть одно изъ неизблѣмыхъ основаній общежительности.

Первый нашъ долгъ: благодарность къ Творцу. Но для исполненія его надобно начать съ людей. Провидѣнію угодно было связать чрезъ общество всѣ наши отношенія къ Небу. Быть виновникомъ бытія не есть достоинство передъ Богомъ и людьми; но принявъ младенца изъ рукъ матери въ минуту его рожденія, опъ колыбели до зрѣлыхъ лѣтъ служить ему защитою и опорою, передать ему въ наслѣдіе имя, званіе, сокровища, землю праотцами воздѣланную: вотъ обязанность отца. Благодарность есть обязанность дѣтей. На подобныхъ взаимныхъ обязанностяхъ основано все благосостояніе общества. Всѣ основанія его суть добро, и чѣмъ болѣе добра, тѣмъ шверже его основаніе: ибо одно добро имѣетъ здѣсь прочность и постоянность. Зло есть насильственное соспояніе. Подъ шумомъ ли бури или при сладостномъ сіяніи солнца зрѣютъ

нивы? Какъ сила плодородія имѣетъ свое основаніе въ теплотѣ, такъ сила гражданственности основана на добрѣ.

Многіе умы наблюдали человѣка въ одномъ нѣсномъ кругу, въ которомъ дѣйствовали сами. Ларошфуко, остроумнѣйшій изъ Писателей остроумнаго вѣка, основалъ мораль свою на подобныхъ наблюденіяхъ. Но я спрашиваю: если бы Напу-роиспытатель глядѣлъ на муравья, во время его спранствованія за былинкою или за зерномъ, наблюдалъ его ссоры съ товарищами, а забылъ заглянуть въ огромное гнѣздо, гдѣ все имѣетъ видъ порядка, стройности, гдѣ всѣ части относящіяся совершенно одна къ другой и составляющъ прекрасное цѣлое: то какое произнесъ бы онъ сужденіе о трудолюбивомъ наѣскомъ? Вошъ, что сдѣлалъ Ларошфуко, говоря о человѣкѣ и наблюдая за нимъ въ прихожей Тюльерійскаго замка. Но прихожая не есть вселенная, и человѣкъ придворный не есть лучшій изъ людей.

Впрочемъ, меня никто не увѣритъ, чтобы чувство благодарности было слѣдствіемъ нашего эгоизма, и я не могу постигнуть добродѣтели, основанной на исключительной любви къ самому себѣ. Напрошивъ того, добродѣтель есть пожертвованіе добровольное какойнибудь выгоды; она есть опреченіе опъ самаго себя. Есть добродѣ-

шли уму принадлежащія, другія сердцу: благодарносшь, лучшая изъ нашихъ добродѣтелей, или вѣрнѣе, опголосокъ многихъ душевныхъ качествъ, принадлежишь сердцу. » Ты мнѣ сдѣлалъ добро: слѣдовательно я тебя люблю, « такъ говоришь благородное сердце. Эгоистъ иначе: » ты мнѣ сдѣлалъ добро; но будешь ли мнѣ дѣлать добро и впредь? добро, побою сдѣланное, не пребудетъ ли пожертвованій съ моей стороны? « Вотъ слова эгоиста; они совершенно противны благодарности, которая нѣмъ прелестнѣе, нѣмъ свянѣе, чѣмъ менѣе разсуждаешь, чѣмъ менѣе торгуешься съ пользою личною и болѣе предаешься одному сердечному движенію.

Сердца, одаренныя глубокою или раздражительною чувствительностію, часто не знаютъ середины; для нихъ все есть зло или добро: видятъ совершенный порядокъ въ обществѣ, или описуемое онаго — скорѣе послѣднее. Чувствительный человѣкъ, спрдавшій въ печеніе всей жизни, дѣлается наконецъ мизантропомъ, и убѣгаетъ въ дремучіе лѣса отъ взоровъ людей неблагодарныхъ. Тамъ возносишь онъ клеветы на все человѣческое, оскорбившее его сердце, и въ гнѣвъ своемъ забываетъ, что онъ самъ есть человѣкъ, что есть, созданіе слабое, доброе, злое и

неразсудительное; лучъ Божества, заключенный въ прахъ; существо, порабощенное всѣмъ спихіямъ, всѣмъ измѣненіямъ нравственнымъ и физическимъ. Но пусть мизантропъ приведетъ себя на память всю жизнь свою отъ колыбельныхъ дней до той страшной эпохи, когда сердце его воскликнуло въ гнѣвъ: »человѣкъ золь и люди подобны пиграмъ!« пусть приведетъ онъ на память и младенчество, и юношество, и зрѣлый возрастъ, въ копоромъ воля и разумокъ начинали заглушать голосъ совѣстей; пусть онъ спроситъ себя: или я не нашелъ добрыхъ и честныхъ людей, въ теченіе цѣлой жизни? или я лучше и добрее всѣхъ людей, имѣю всѣ добродѣтели и всѣ качества, и чуждъ совѣстей, и чуждъ всего низкаго и порочнаго? Нѣтъ, скажетъ ему разумокъ и опытъ: и ты человѣкъ, и ты запланилъ человѣчеству данъ пороковъ, слабости и совѣстей; ты не ангелъ, ты и не чудовище. Опытъ и разумокъ показываютъ намъ рѣдкія добродѣтели, и часто въ сердцѣ порочномъ наблюдатель чудесъ нравственныхъ съ неизъяснимою радостію открываетъ яркіе лучи душевной доблести: великодушіе, состраданіе, презрѣніе къ корысти и тысячу прелестныхъ качествъ, копорыя примиряютъ его съ порочнымъ и съ Небомъ, создавшимъ человѣка не для однихъ пресупленій.

Кто изъ насъ, опложа всѣ предразсудки и всѣ предубѣжденія, не сощипаешь нѣсколько примѣрныхъ людей, утѣшившихъ собою челоуѣчество? Не спанемъ искать героевъ добродѣтели въ Истории; поищемъ ихъ вокругъ себя — и найдемъ конечно! — Курцій бросился въ пропасть; но Римъ на него смотрѣлъ. Леонидъ обрекаетъ себя смерти; но все Опечесство (и какое Опечесство? Спарта!) объ немъ въ страхъ и надеждѣ. Долгорукій раздираетъ роковую бумагу въ присутствіи разгнѣваннаго Монарха; но онъ совершаетъ подвигъ свой въ Сенатѣ, окруженный великими людьми, достойными его и перваго Владыки въ мірѣ. Прекрасные подвиги, достойные подражанія и слезъ удивленія — недокупныхъ, сладостныхъ, божественныхъ слезъ! — Теперь спрашиваю: если мы удивляемся великимъ дѣламъ на великомъ поприщѣ, — если вѣруемъ добродѣтели, твердоси-
душной, безкорыстной въ великихъ обстоятель-
ствахъ, то по чему не вѣровавъ имъ въ малыхъ? Добродѣтель подъ спудомъ не есть ли добродѣтель? Бѣдный, который дѣлился послѣдними крохами съ нищимъ, сестра милосердія, въ душевной больницѣ стоящая съ сосудомъ врачеванія приложъ врага ея Опечесства; смѣлый и челоуѣколюбивый врачъ, испытующій свое искусство и терпѣніе въ дальней хижинѣ дровосѣка, безъ свидѣ-

пелей своего добраго дѣла, кромѣ одного въ небесахъ и другаго въ груди своей: всѣ эти люди, обреченные забвенію, не суть ли добродѣтельные люди? И тогда, кѣмъ безприспращною рукою начерпываютъ имена ихъ въ книгѣ судебъ, не напишутъ ли ихъ на ряду съ именами Говарда, Ласъ - Казаса, Еропкина и другихъ людей, копорыхъ добродѣтель и челоуѣчество называютъ *своими*. Монпанъ замѣнилъ справедливо, что лучшіе подвиги храбрости теряются въ неизвѣстности; одинъ похищаетъ знамя: имя его гремитъ въ рядахъ, но сотни неуспрашиваемыхъ погибли передъ нимъ и кругомъ его. . . . Перенесите сей порядокъ въ міръ нравственный. Ласъ - Казасъ спасаетъ любезныхъ своихъ Американцевъ отъ рабства: онъ безсмертенъ; бѣдный Миссіонеръ въ снѣгахъ Канадскихъ бродитъ изъ шалаша въ шалашъ, изъ сѣпи въ сѣпь; окруженный смертію, проповѣдуетъ Бога и утѣшаетъ спраждующихъ: какихъ? семью дикаго или изгнанника, живущаго на неизвѣстномъ берегу безымянной рѣки или озера: сей смиренный воинъ Христа не есть ли великій челоуѣкъ въ полномъ нравственномъ смыслѣ? Но къ чему намъ переноситься въ дальнія страны? Здѣсь, кругомъ насъ, кѣмъ не испытано, что есть добрые люди, что въ обществѣ есть добродѣтели рѣдкія, посреди спрассей, посреди

разврата и роскоши: одно злое сердце можетъ въ нихъ сомнѣваться; одно жеспокое сердце не находило сердецъ нѣжныхъ.

И въ спранахъ опдаленныхъ и въ дебряхъ, незнакомыхъ взорамъ челоѣка, родящся цѣшпы: на дикихъ берегахъ Амура, среди мховъ и болошъ выходипть прелеспный цѣшпокъ, до сихъ поръ неизѣспный любопышному испышашелю Природы; медленно распускается онъ подъ крошкимъ вѣянiемъ лѣпняго вѣперка; наконецъ, украшенiе пуспыни, цѣшпокъ увядаешъ, —

Въ пуспынномъ воздухѣ перя запахъ свой!

Но сѣмена его, падая на землю, расцѣшпаюшъ съ первою весною въ новой красонѣ, въ новомъ убрансшвѣ. Вошъ испинная эмблема сей добродѣшели, неизѣспной челоѣкамъ, но не поперянной для челоѣчеспва: ибо ничшо доброе здѣсь не перяешъ, подобно какъ ни одна былинка въ Природѣ: все имѣешъ свою цѣль, свое назначенiе; все принадлежишъ къ вѣчному и проспранному чертежу, и входипть въ соспавъ цѣлаго въ нравспвенномъ мiрѣ. Въ роскошномъ Парижѣ, въ многолюдномъ Лондонѣ и Пекинѣ та же самая сумма, или шо же количеспво добра и зла, по мѣрѣ проспранспва, какое и въ юрпахъ кочующихъ народовъ Сибири, или въ землянкахъ Лапландцевъ. До-

бродѣпельный спарець (Мальзербъ) защищаеиъ
 Монарха, покинушаго друзьями, родспвенниками,
 дворянспвомъ, цѣлымъ народомъ; онъ защищаеиъ
 его подѣ лезвеемъ мечей, при проклятіи озлоблен-
 ныхъ пирановъ (но въ виду вселенной и, шакъ
 сказаиъ, въ присущепвіи попомесипва): въ ту же
 самую минуиу, сдѣлаемъ сіе предположеніе, Ла-
 пландецъ пробѣгаеиъ на лыжахъ необъяиное про-
 спранспво, въ прескучій морозъ, посреди ужа-
 сной вьюги: зачѣмъ? Чинобы принеспи нѣсколько
 пици бѣдному семейспву друга своего, упѣшииъ
 больную вдовицу и спаспи опѣ явной смерпи
 груднаго младенца. Мальзербъ и Лапландецъ равны
 передѣ шѣмъ, кшо ихъ создалъ, равны передѣ ли-
 цемъ Добродѣтели и Правосудія небеснаго: оба
 жертвуютъ жизнию для добраго дѣла.

III.

Р Ѣ Ч Ъ

**О ВЛІЯНІИ ЛЕГКОЙ ПОЭЗІИ НА ЯЗЫКЪ,
ЧИТАННАЯ ПРИ ВСТУПЛЕНІИ ВЪ ОБЩЕСТВО ЛЮБИТЕЛЕЙ
РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ ВЪ МОСКВѢ. Іюля ... 1816.**

Избраніе меня въ Сочлены ваши есть новое свидѣтельство, Мм. Гг., вашей снисходительности. Вы обращаете внимательные взоры не на одно дарованіе; вы награждаете слабые труды и малѣйшіе успѣхи: ибо имѣете въ виду важную цѣль: будущее богатство языка, столь тѣсно сопряженное съ образованностію гражданскою, съ просвѣщеніемъ, и слѣдственно — съ благоденствіемъ страны славнѣйшей и обширнѣйшей въ мірѣ. По заслугамъ моимъ я не имѣю права засѣдать съ вами; но если усердіе къ Словесности есть достоинство, то по пламенному желанію усовершенствованія языка нашего, единственно по любви моей къ Поэзіи, я могу смѣло сказать, что выборъ вашъ соотвѣтствуетъ цѣли Обще-

сва. Занятія мои были маловажны, но непрерывны. Они были предъ вами краснорѣчивыми свидѣтелями моего усердія, и доставили мнѣ щастіе засѣдать въ древнѣйшемъ святилищѣ Музъ общечеловѣческихъ, которое возраждается изъ пепла вмѣстѣ съ Столицею Царства Русскаго, и со временемъ будетъ достойно ея древняго величія.

Обозрѣвая мысленно обширное поле Словесности, необъятныя пруды и подвиги ума человеческого, драгоценныя сокровища Краснорѣчія и Спихотворства, я съ горестію познаю и чувствую слабость силъ и маловажность занятій моихъ; но утѣшаюсь мыслию, что успѣхи и въ малѣйшей отрасли Словесности могутъ быть полезны языку нашему. Эпопея, Драматическое Искусство, Лирическая Поэзія, Исторія, Краснорѣчіе духовное и гражданское пребываютъ великихъ усилий ума, высокаго и пламеннаго воображенія. Щастливы тѣ, которые похищаютъ пальму первенства въ сихъ родахъ: имена ихъ спановятся безсмертными: ибо щастливыя произведенія творческаго ума не принадлежатъ одному народу исключительно, но дѣлаются достояніемъ всего человѣчества. Особенно великія произведенія Музъ имѣютъ вліяніе на языкъ новый и необработанный. Ломоносовъ тому явный примѣръ. Онъ преобразовалъ языкъ нашъ, созидая образцы во всѣхъ

родахъ. Онъ то же учинилъ на трудномъ поприщѣ Словесности, что Пётръ Великій на поприщѣ гражданскомъ. Пётръ Великій пробудилъ народъ усыпленный въ оковахъ невѣжества; Онъ создалъ для него законы, силу военную и славу: Ломоносовъ пробудилъ языкъ усыпленного народа; онъ создалъ ему Краснорѣчіе и Спихотворство, онъ испыталъ его силу во всѣхъ родахъ и приготовилъ для грядущихъ талантовъ вѣрные орудія къ успѣхамъ. Онъ возвелъ въ свое время языкъ Русской до возможной степени совершенства — возможной, говорю, ибо языкъ идетъ всегда наравнѣ съ успѣхами оружія и славы народной, съ просвѣщеніемъ, съ нуждами общества, съ гражданской образованностію и людскостію. Но Ломоносовъ, сей исполинъ въ Наукахъ и въ искусствѣ писавъ, испытавъ Русской языкъ въ важныхъ родахъ, желалъ обогатить его нѣжнѣйшими выраженіями Анакреоновой Музы. Сей великій образователь нашей Словесности, зналъ и чувствовалъ, что языкъ просвѣщенного народа долженъ удовлетворять всѣмъ его потребностямъ, и состоятъ не изъ однихъ высокопарныхъ словъ и выраженій. Онъ зналъ, что у всѣхъ народовъ, и древнихъ и новѣйшихъ, легкая Поэзія, которую можно назвать прелестною роскошью Словесности, имѣла отличное мѣсто на Парнассѣ и да-

вала новую пищу языку спихопворному. Греки восхищались Омеромъ и прѣмѣ Трагиками, веле-рѣчіемъ Испориковъ своихъ, убѣдительнымъ и спремительнымъ краснорѣчіемъ Демосѣена; но Віонъ, Мосхъ, Симонидъ, Θεокристъ, мудрецъ Θεоскій и пламенная Сафо были увѣнчаны современниками. Римляне, побѣдишели Грековъ оружіемъ, не шаланшомъ, подражали имъ во всѣхъ родахъ: Цицеронъ, Виргилій, Горацій, Типъ-Ливій и другіе соспязались съ Греками. Важные Римляне, пошомки суровыхъ Коріолановъ, внимали имъ съ удивленіемъ; но Эропическую Музу Капулла, Тибулла и Проперція не отвергали. По возрожденіи Музъ, Пешрарка, одинъ изъ ученѣйшихъ мужей своего вѣка, свѣшпильникъ Богословіи и Полишпики, одинъ изъ первыхъ создашелей славы возраждающей Ишалии изъ развалинъ классическаго Рима, Пешрарка, немедленно шесшвуя за суровымъ Даншомъ, довершилъ образованіе великолѣпнаго нарѣчія Тосканскаго, подражая Тибуллу, Овидію и Поэзіи Мавровъ, исполненный воображенія и нѣги. Маро, Царедворецъ Франциска I, извѣспный по Эропическимъ спихопвореніямъ, былъ одинъ изъ первыхъ образовашелей языка Французскаго, котораго владычештво, почти пагубное, распространилось на всѣ народы, не достигшіе высокой спешени просвѣщенія. Въ Англіи Валлеръ, пѣвецъ

Захариссы, въ Германіи Гагедорнъ, и другіе Писатели, предшественники Творца Мессіады и великаго Шиллера, спѣшили жертвовать Граціямъ и говорить языкомъ справки и любви, любимѣйшимъ языкомъ Музъ, по словамъ глубокомысленнаго Монпана. У насъ, преемникъ лиры Ломоносова, Державинъ—копораго одно имя испинный талантъ произноситъ съ благоговѣніемъ, — Державинъ, вдохновенный Пѣвецъ высокихъ испинъ, и въ зиму дней своихъ любилъ опдыхать со спарцемъ Феосскимъ. По слѣдамъ сихъ Поэтовъ, множество Писателей опличились въ этомъ родѣ, по видимому споль легкомъ, но въ самомъ дѣлѣ имѣющемъ великія трудноти и преткновенія, особенно у насъ: ибо языкъ Русской, громкій, сильный и выразительный, сохранилъ еще нѣкоторую суровость и упрямство, несовершенно исчезающія даже подъ перомъ опытнаго таланта, поддержаннаго наукою и терпѣніемъ.

Главные достоинства стихотворнаго слога суть: движеніе, сила, ясность. Въ большихъ родахъ, чисташель, увлеченный описаніемъ справокъ, ослѣпленный живѣйшими красками Поэзіи, можетъ забыть недоспапки и неровноти слога, и съ жадностію внимаешь вдохновенному Поэту, или дѣйствующему лицу, имъ созданному. Во время представленія, какой холодный зритель бу-

депъ искапъ ошибокъ въ слогъ, когда Поликъ, лишенный вѣнца и внутренняго спокойствія, въ слезахъ, въ опчаяніи бросается къ стопамъ разгнѣваннаго Эдипа? Но сіи ошибки, поучительныя для дарованія, замѣчаетъ просвѣщенный Крипикъ въ пишинѣ своей учебной храмины: каждое слово, каждое выраженіе онъ взвѣшиваетъ на вѣсахъ спрогаго вкуса; отвергаетъ слабое, ложно блестящее, невѣрное, и научаетъ наслаждаться истинно прекраснымъ. — Въ легкомъ родѣ Поэзіи, чистота пребуеъ возможнаго совершенства, чистоты выраженія, стройности въ слогъ, гибкости, плавности; онъ пребуеъ истины въ чувствахъ и сохраненія спрожайшаго приличія во всѣхъ отношеніяхъ; онъ пошчасъ дѣлается спрогимъ судьбою, ибо вниманіе его ничѣмъ сильно не развлекается. Красивость въ слогъ здѣсь нужна необходимо и ничѣмъ замѣниться не можетъ. Она естъ тайна, извѣстная одному дарованію и особенно посшоянному напряженію вниманія къ одному предмету: ибо Поэзія и въ малыхъ родахъ, естъ Искусство трудное и пребующее всей жизни и всѣхъ усилій душевныхъ; надобно родиться для Поэзіи; этого мало: родясь надобно сдѣлаться Поэтомъ, въ какомъ бы то ни было родѣ.

Такъ называемый Эропической и вообще легкой родъ Поэзіи воспріялъ у насъ начало со вре-

мень Ломоносова и Сумарокова. Опыты ихъ предшественниковъ были маловажны: языкъ и общество еще не были образованы. Мы не будемъ исчислять всѣхъ видовъ, раздѣленій и измѣненій легкой Поэзіи, копорая менѣе или болѣе принадлежитъ къ важнымъ родамъ: но замѣтимъ, что на поприщѣ Изыщныхъ Искусствъ, подобно какъ и въ нравственномъ мѣрѣ, ничто прекрасное и доброе не теряется, приносятъ со временемъ пользу и дѣйствуютъ непосредственно на весь составъ языка. Спихотворная повѣсть Богдановича, первый и прелестный цвѣтокъ легкой Поэзіи на языкъ нашъ, ознаменованный истиннымъ и великимъ талантомъ; остроумныя, неподражаемыя сказки Дмиріева, въ копорыхъ Поэзія въ первый разъ украсила разговоръ лучшаго общества; посланія и другія произведенія сего спихотворца, въ копорыхъ Философія оживилась неувядающими цвѣтами выраженія; басни его, въ копорыхъ онъ боролся съ Лафонтеномъ и часто побѣждалъ его; басни Хемницера, и оригинальныя басни Крылова, копорыхъ остроумныя, щастливыя стихи сдѣлались пословицами, ибо въ нихъ видѣнъ и тонкій умъ наблюдающаго свѣта и рѣдкой талантъ; спихотворенія Карамзина, исполненныя чувства, образецъ ясности и стройности мыслей; Гораціанскія оды Капништа; вдохновенныя спрасію пѣ-

сни Нелединскаго ; прекрасныя подражанія Древнимъ Мерзлякова ; баллады Жуковскаго, сіяющія воображеніемъ, часто своенравнымъ, но всегда пламеннымъ, всегда сильнымъ; спихопворенія Воспокова, въ кошорыхъ видно опличное дарованіе Поэпа, напишаннаго чпеніемъ древнихъ и Германскихъ Писапелей ; наконецъ спихопворенія Муравьева, гдѣ изображается, какъ въ зеркалѣ, прекрасная душа его; посланія К. Долгорукова, исполненныя живоспи ; нѣкошорыя посланія Воейкова, Пушкина и другихъ новѣйшихъ Спихопворцевъ, писанныя слогомъ чистымъ и всегда благороднымъ (*): всѣ сіи блестящія произведенія дарованія и оспроумія, менѣе или болѣе приближились къ желанному совершенству, и всѣ — нѣптъ сомнѣнія — принесли пользу языку спихопворному, образовали его, очиспили, ушвердили. Такъ свѣптые ручьи, пекущіе разными излучинами по одному посшоянному наклоненію, соединяясь въ долины, образуютъ глубокія и обширныя озера: благодѣшельныя воды сіи не изсякаютъ оптъ времени ; напропивъ шого, онѣ возраспаютъ и увеличивающіяся съ вѣками, и вѣчно сущесшвуютъ для блага земли, ими орошаемой !

Въ первомъ періодѣ Словесности нашей со временъ Ломоносова, у насъ много написано въ

(*) Смощри примѣчаніе А.

легкомъ родѣ; но малое число стиховъ спаслось
отъ общаго забвенія. Главною тому причиною
можно положить не одинъ недоспашокъ таланта
или измѣненіе языка, но измѣненіе самаго обще-
ства, большую его образованность и, можетъ
быть, большее просвѣщеніе, пребующія отъ
языка и Писателей большаго знанія свѣта и со-
храненія его приличій: ибо сей родъ Словесности
безпрестанно напоминаетъ объ обществѣ; онъ
образованъ изъ его явленій, спранныхъ, пред-
разсудковъ, и долженъ быть яснымъ и вѣрнымъ
его зеркаломъ. Большая часть Писателей, мною
названныхъ, провели жизнь свою посреди обще-
ства Екаперинина вѣка, споль благопріятнаго
Наукамъ и Словесности; тамъ заимствовали они
эту людскость и вѣжливостъ, это благородство,
копорохъ оппечашокъ мы видимъ въ ихъ творе-
ніяхъ: въ лучшемъ обществѣ научились они уга-
дывать тайную игру спраспей, наблюдають нра-
вы, сохраняють всѣ условія и отношенія свѣскія
и говориють ясно, легко и пріятно. Этого мало:
всѣ сіи Писатели обогатились мыслями въ при-
лѣжномъ чтеніи иностранныхъ Авторовъ, иные
древнихъ, другіе новѣйшихъ, и запаслись обиль-
ною жатвою словъ въ нашихъ старинныхъ кни-
гахъ. Всѣ сіи Писатели имѣють истинный та-
лантъ, испытанный временемъ; истинную любовь

къ лучшему, благороднѣйшему изъ Искусствъ, къ Поэзiи, и уважающъ, смѣю сказать, богопворяшъ свое Искусство, какъ лучшее достоянiе чловѣка образованнаго, истинный даръ Неба, который доставляетъ намъ числѣннѣе наслажденiя посреди заботъ и тернiй жизни, который даетъ намъ то, что мы называемъ безсмертiемъ на землѣ — мечту прелестную для душъ возвышенныхъ!

Всѣ роды хороши, кромѣ скучнаго. Въ Словесности всѣ роды приносятъ пользу языку и образованности. Одно невѣжественное упрямство любитъ и старается ограничить наслажденiя ума. Истинная, просвѣщенная любовь къ Искусствамъ снисходительна, и, такъ сказать, жадна къ новымъ духовнымъ наслажденiямъ. Она ничѣмъ не ограничивается, ничего не желаетъ исключить и никакой опрасли Словесности не презираетъ. Шекспиръ и Расинъ, драма и комедiя, древнiй эпиграмма и ямбъ, давно присвоенный нами, Пиндарическая ода и новая баллада, эпопея Омера, Ариоста и Клоушюка, столь различныя по изобрѣшенiю и формамъ, ей равно извѣстны, равно драгоценны. Она съ любопытствомъ замѣчаетъ успѣхи языка во всѣхъ родахъ, ничего не чуждается, кромѣ того, что можетъ вредить нравамъ, успѣхамъ просвѣщенiя и здравому вкусу (я беру сіе слово въ обширномъ значенiи). Она съ удоволь-

спвіємъ замѣчаешъ дарованіе въ толпѣ Писателей и гопова ему подашь полезныя совѣты: она, какъ говоришь Поэтъ, гопова обняшь

Въ опважномъ мальчикѣ грядущаго Поэта!

Ни расколы, ни зависъ, ни приспращіе, никакіе предразсудки ей неизвѣстны. Польза языка, слава Опечеснва: вотъ благородная ея цѣль! Вы, Мм. Гг., являете прекрасный примѣръ, созывая дарованія со всѣхъ сторонъ, безъ лицепріятія, безъ приспращія. Вы говорите каждому изъ нихъ: несице, несице свои сокровища въ обипель Музъ, опверзпую каждому шаланпу, каждому успѣху; совершите прекрасное, великое, святое дѣло: обогатице, образуйце языкъ славнѣйшаго народа, населяющаго почти половину міра; поравняйце славу языка его со славою военною, успѣхи ума съ успѣхами оружія. Важныя Музы подають здѣсь дружественно руку младшимъ сеспрамъ своимъ, и олпаръ вкуса обогащается ихъ взаимными дарами.

И когда удобнѣе совершить желаемый подвигъ? въ какомъ мѣстѣ приличнѣе? Въ Москвѣ, спюль краснорѣчивой и въ развалинахъ своихъ, близъ полей, ознаменованныхъ неслыханными доселѣ побѣдами, въ древнемъ опечеснвѣ славы и новаго величія народнаго!

Такъ! съ давняго времени все благопріятствовало дарованію въ Университетъ Московскомъ, въ старшемъ святилищѣ Музъ опечеспвленныхъ. Здѣсь пламенный ихъ любитель съ радостию созерцаеиъ слѣды просвѣщенныхъ и дѣятельныхъ покровителей. Имя Шувалова, перваго Мецената Русскаго, сливается здѣсь съ громкимъ именемъ Ломоносова. Между знаменитыми Покровителями Наукъ мы обрѣшаемъ Хераскова: Творецъ Россіады посѣщаль сіи мирныя убѣжища; онъ покровительствовалъ сему разсаднику Наукъ; онъ первый ободрялъ возникающій талантъ, и славу Писателя соединилъ съ другою славою, не менѣе блестящею для души благородной, не менѣе прочною, со славою покровителя Наукъ. Муравьевъ, какъ человекъ Государственный, какъ Попечитель, принималъ живѣйшее участіе въ успѣхахъ Университета, которому въ молодости былъ обязанъ своимъ образованіемъ (*). Подъ руководствомъ славнѣйшихъ Профессоровъ Московскихъ, въ нѣдрахъ своего Опечеспва, онъ пріобрѣталъ сіи обширныя свѣдѣнія во всѣхъ отрасляхъ ума человеческого, которыми нерѣдко удивлялись ученые иностранцы: за благодѣянія наславниковъ онъ плашилъ благодѣяніями сему Святилищу Наукъ: имя его

(*) Смотри примѣчаніе В.

будетъ любезно сердцамъ добрымъ и чувствительнымъ : имя его напоминаетъ всѣ заслуги , всѣ добродѣтели. Ученость обширную , утвержденную на прочномъ основаніи , на знаніи языковъ древнихъ ; рѣдкое искусство писать онъ умѣлъ соединить съ искреннею кротостію , съ снисходительностію великому уму и добрейшему сердцу свойственною. Казалось , въ его видѣ постигъ землю одинъ изъ сихъ Геніевъ , изъ сихъ свѣпильниковъ Философін , которые нѣкогда рождались подъ щасливымъ небомъ Аппики , для различія практической и умозрительной мудрости , для утѣшенія и назиданія человѣчества краснорѣчивымъ словомъ и краснорѣчивѣйшимъ примѣромъ. Вы наслаждались его бесѣдою ; вы читали въ глазахъ его живое участіе , которое онъ принималъ въ успѣхахъ и славѣ вашей ; вы знаете всѣ заслуги сего рѣдкаго человѣка и — проспите мнѣ нѣсколько словъ , въ его воспоминаніе чистѣйшею благодарностію испоргнувшихъ ! — я ему обязанъ моимъ образованіемъ и щастіемъ засѣдать съ вами , которое умѣю цѣнить , которымъ умѣю гордиться. —

И эпопѣя человѣкъ споль рано похищенъ смертію съ поприща Наукъ и добродѣтели ! И онъ не былъ свидѣтелемъ великихъ подвиговъ богопвормимаго имъ Монарха и славы народной ! Онъ

не будешь свидѣтелемъ новыхъ успѣховъ Словесности въ щасливѣйшія времена для Наукъ и просвѣщенія: ибо никогда, ни въ какое время обстоятельствъ не были имъ столько благопріятны. Храмъ Януса закрытъ рукою Побѣды, неразлучной соупницы Монарха. Великая душа Его наслаждается успѣхами ума въ странѣ, ввѣренной Ему святымъ Провидѣніемъ, и каждый трудъ, каждый полезный подвигъ щедро Имъ награждается. Въ недавнемъ времени, въ лицѣ славнаго Писателя Онъ ободрилъ всѣ опечисленные таланты: и нѣтъ сомнѣнія, что всѣ благородныя сердца, всѣ Папіоны съ признашельностію благословляютъ руку, которая столь щедро награждаетъ полезные труды, поспоянство и чистую славу Писателя, извѣстнаго и въ странахъ отдаленныхъ, и которымъ должно гордиться Опечисство. Правительство благодѣтельное и прозорливое, пользуясь щасливѣйшими обстоятельствами: пишиною внѣшнею и внутреннею Государства, опровергаетъ снова всѣ пути къ просвѣщенію. Подъ его руководствомъ процвѣтуютъ Науки, Художества и Словесность, коснѣющія посреди шума военного; процвѣтуютъ всѣ отрасли, всѣ способности ума человеческого, которыя только въ неразрывномъ и тѣсномъ союзѣ ведутъ народы къ истинному благоденствію, и славу его

дѣлають прочною и незыблемою. — Самая Поэзія, которая питається ученіемъ, возраспаетъ и мужаептъ наравнѣ съ образованіемъ общества, Поэзія принесептъ зрѣлые плоды и доспавиптъ новыя наслажденія душамъ возвыщеннымъ, рожденнымъ любви и чувспвоваптъ изящное. Общество примептъ живѣйшее учаспіе въ успѣхахъ ума: и тогда имя Писателя, Ученаго и опличнаго Спихотворца не будептъ дико для слуха: оно будептъ возбуждаптъ въ умахъ всѣ понятія о славѣ Общества, о достоинствѣ полезнаго гражданина. Въ ожиданіи сего щаспливаго времени, мы совершимъ все, что въ силахъ совершиптъ. Дѣятельное покровительсво блоспителей просвѣщенія, которыми сіе Общество обязано сущеспвованіемъ; рвеніе, съ которымъ мы приспуаемъ къ важнѣйшимъ шрудамъ въ Словесности; безприспраспіе, которое мы желаемъ сохраниптъ посреди разногласныхъ мнѣній, еще не просвѣщенныхъ здравою Критикою: все обѣщаептъ намъ вѣрные успѣхи; и мы достигнемъ, по крайней мѣрѣ приблизимся къ желаемой цѣли, одушевленные именами *пользы и славы*, руководимые безприспраспіемъ и Критикою.

ПРИМѢЧАНІЯ.

А.) Похвала или порицаніе частнаго человека не есть приговоръ общественнаго вкуса. Исчисляя Спихошворцевъ, опличившихся въ легкомъ родѣ Поэзіи, я старался сообразоваться со вкусомъ общественнымъ. Можесть бысть я во многомъ и ошибся; но мнѣніе мое сказалъ чистосердечно, и чинапель скорѣе обличить меня въ невѣжествѣ, нежели въ приспрасіи. Надобно имѣть нѣкопоруую смѣлосць, чшобы порицать дурное въ Словесности; но едва ли не пошребно еще болѣе храбросци тому, кто вздумаетъ хвалишь то, что истинно достойно похвалы.

В.) Добро никогда не теряется, особливо добро, сдѣланное Музамъ: онѣ чувствительны и благодарны. Онѣ записали въ скрижаляхъ славы имена Шувалова, Г. Спрогоцова, и Гр. Н. П. Румянцева, который и понынѣ удостоиваетъ ихъ своего покровительсва. Какое доброе сердце не за-

мѣпишъ съ чиспѣйшею радостію, что онѣ осы-
пали цвѣтами гробницу Муравьева? Ученый Рих-
теръ, почтенный Сочинитель Исторіи Медици-
ны въ Россіи, въ прекрасной рѣчи своей, гово-
ренной имъ въ Московской Медикохирургической
Академіи, и Г. Мерзляковъ, извѣстный Профес-
соръ Московскаго Университета, въ предисловіи
къ *Виргиліевымъ Эклогамъ*, упоминали о немъ съ
чувствомъ, съ жаромъ. Нѣкоторые Спихопворцы,
изъ числа ихъ Г. Воейковъ въ посланіи къ Эми-
лію, и Г. Буринскій, слишкомъ рано похищенный
смертію съ поприща Словесности, говорили о
немъ въ спихахъ своихъ. Послѣдній, оплакавъ кон-
чину храбраго Генерала Глѣбова, продолжаетъ:

О Провидѣніе! роптать я не дерзаю!...

Но — слабый — не могу не плакать предъ побой:

Тамъ въ славѣ, въ щастіи злодѣя созерцаю,

Здѣсь вѣдѣшь, какъ права, мужъ крошкѣй и благой!

Слезъ горестныхъ пошокъ еще не осушился,

Еще мы... Злобный рокъ навѣки насъ лишилъ

Того, кто щастіемъ Парисса веселился.

.....

Гдѣ ты, о Муравьевъ! прямое украшеніе,

Парисса Русскаго любимель, нѣжный другъ?

Увы! за чѣмъ среди спези благошворенья,

Какъ въ добродѣтеляхъ мужалъ твой крошкѣй духъ,

Ты рано похищенъ отъ нашихъ ожиданій?

Гдѣ спросишь твоя къ добру? сей душѣ избранныхъ даръ?

Гдѣ рано собранно сокровище познаній?

Гдѣ, гдѣ усердія въ груди горѣвшій жаръ,

Служишь Опечеснву, сіяя средь немногихъ,

Прямыхъ его сыновъ, пворившихъ честь ему?

Любезность разума и прелестъ правовъ крошкихъ —

Исчезло все!... Увы!... честь праху пвоему!

IV.

НѢЧТО О ПОЭТѢ И ПОЭЗІИ.

Поэзія — сей пламень небесный, копорый менѣе или болѣе входитъ въ составъ души человеческой — сіе сочешаніе воображенія, чувствительности, мечтательности — Поэзія, не рѣдко составляешъ и муку и услажденіе людей, единственно для нее созданныхъ. *Вдохновеніемъ* генія тревожится *Поэтъ*, сказалъ извѣстный Спихотворецъ. Это совершенно справедливо. Если минушы дѣятельной чувствительности: ихъ испытывали люди съ истиннымъ дарованіемъ; ихъ-то должно ловить на лѣпу Живописцу, Музыканту, и болѣе всѣхъ, Поэту: ибо онъ рѣдки, преходящи и зависяшъ часто отъ здоровья, отъ времени, отъ вліянія вѣшнихъ предметовъ, копорыми по произволу мы управляшъ не въ силахъ. Но, въ минушу вдохновенія, въ сладостную минушу очарованія поэпическаго, я никогда не взялъ бы

пера моего, если бы нашелъ сердце способное чув-
ствовать вполнѣ то, что я чувствую; если бы
могъ передать ему всѣ тайныя помышленія, всю
свѣжесць моего мечпанія и заставилъ въ немъ
препетать тѣ же струны, копорыя издали го-
лосъ въ моемъ сердцѣ. Гдѣ сыскаешь сердце, го-
товое раздѣлять съ нами всѣ чувства и ооще-
нія наши? Нѣтъ его съ нами — и мы прибѣга-
емъ къ искусству выражать мысли свои, въ сладо-
стной надеждѣ, что есть на землѣ сердца добрыя,
умы образованные, для копорыхъ сильное и бла-
городное чувство, щастливое выраженіе, прекра-
сный стихъ и страница живой, краснорѣчивой
прозы — суть сокровища истинныя... »Они не
могутъ читать въ моемъ сердцѣ, но прочитываютъ
книгу мою« — говорилъ Монтань, и въ самыя
бурныя времена Франціи, при звукѣ оружія, при
заревѣ костровъ, зажженныхъ суевѣріемъ, писалъ
Опыты свои, и бесѣдуя съ добрыми сердцами
всѣхъ вѣковъ, забывалъ недостойныхъ современ-
никовъ.

Нѣкто сравнивалъ душу Поэта въ минушю
вдохновенія съ расплненнымъ въ горнилѣ меша-
ломъ: въ сильномъ и поспоянномъ пламени, онъ
долго осѣаеся въ первобытномъ положеніи, дол-
го недвижимъ; но раскаленный — рдѣеся, заки-
паеся и бляочешъ: сняямый съ огня, въ одну

минушу успокоиваешся и упадаешъ. Вотъ прекрасное изображеніе Поэта, котораго вся жизнь должна приготавливать нѣсколько плодотворныхъ минушъ: всѣ предметы, всѣ чувства, все зримое и незримое должно распалять его душу и медленно приближать сіи ясныя минушы дѣятельности, въ которыя споль легко изображать всю исторію нашихъ впечатлѣній, чувствъ и спрасшей. Плодотворная минуша Поэзіи! ты быспро исчезаешъ, но оставляешъ вѣчные слѣды у людей, владѣющихъ языкомъ боговъ.

Люди, щасливо рожденные, которыхъ Природа щедро надѣлила памятію, воображеніемъ, огненнымъ сердцемъ и великимъ разсудкомъ, умѣющимъ давать вѣрное направленіе и памяти и воображенію, — сіи люди имѣють безъ сомнѣнія даръ выражаться, прелестный даръ, лучшее достояніе человѣка: ибо посредствомъ его онъ оставляетъ вѣрнѣйшіе слѣды въ обществѣ и имѣетъ на него сильное вліяніе. Безъ него не было бы ничего продолжительнаго, вѣрнаго, опредѣленнаго, и то, что мы называемъ безсмертіемъ на землѣ, не могло бы существовать. Вѣки мелькають, памятники рукъ человѣческихъ разрушаются, изустныя преданія измѣняются, исчезаютъ: но Омеръ и книги священныя говорятъ о прошедшемъ. На нихъ основана опытность чело-

вѣческая. Вѣчные кладези, откуда мы почерпаемъ истины утѣшительныя или печальныя! что даешь вамъ сію прочность? Искусство письма, и другое, важнѣйшее — искусство выраженія.

Сей даръ выражать и чувства и мысли свои давно подчиненъ спорою Наукъ. Онъ подлещитъ постояннымъ правиламъ, происшедшимъ отъ опытности и наблюденія. Но самое изученіе правилъ, безпрестанное и упорное наблюденіе изящныхъ образцовъ — недоспапочны. Надобно, чтобы вся жизнь, всѣ тайныя помышленія, всѣ приспасія клонились къ одному предмету, и сей предметъ долженъ быть Искусство. Поэзія, осмѣлюсь сказать, пребудетъ всего челоука.

Я желаю — (пускай назовутъ спраннымъ мое желаніе!) — желаю, чтобы Поэту предписали особенный образъ жизни, пищическую *Діету*; однимъ словомъ, чтобы сдѣлали Науку изъ жизни Спихотворца. Эта Наука была бы для многихъ едва ли не полезнѣе всѣхъ Аристотелевыхъ правилъ, по которымъ научаемся избѣгать ошибокъ, но какъ шворить изящное — никогда не научимся!—

Первое правило сей Науки должно быть: живи какъ пишешь, и пиши какъ живешь. *Talis hominibus fuit oratio, qualis vita.* — Иначе всѣ опголоски лиры твоей будутъ фальшивы. Къ чему произвела тебя Природа? что вложила въ сердце

твое? Чѣмъ плѣняешься воображеніе, часто противъ воли твоей? При чтеніи какого Писателя трепеталъ твой геній съ неизъяснимою радостію, и гласъ, громкій гласъ твоей піиической совѣсти восклицалъ: проснись, и ты Поэтъ! — При чтеніи творцовъ Эпическихъ? И такъ, удались отъ общества, окружи себя Природою: въ тишинѣ сельской, посреди грубыхъ, не испорченныхъ нравовъ чисти Историю временъ прошедшихъ, поучайся въ печальныхъ лѣтописяхъ міра, узнавай человека и спаси его, но исполнись любви и благоволенія ко всему человѣчеству: да будутъ мысли твои важны и величественны, движенія души твоей нѣжны и страстны, но всегда покорены разсудку, спокойному властелину ихъ. Этого мало! Эпическому Стихотворцу надобно все испытать, *объ фортуны*. Подобно Тассу любить и страдать всѣмъ сердцемъ; подобно Камюэнсу сражаться за Отечество, обещать всѣ страны, вопрошать всѣ народы, дикіе и просвѣщенные, вопрошать всѣ памятники Искусства, всю Природу, которая говоритъ всегда краснорѣчиво и вняшно уму возвышенному, обогащенному опытомъ, воспоминаніями. Однимъ словомъ, надобно, забывъ всѣ ничтожныя выгоды жизни и самолюбія, пожертвовать всѣмъ — славѣ; и тогда только погрузиться (не съ дерзостію кичливаго ума,

но съ рѣшимостію чловѣка, носящаго въ груди своей внутреннее сознаніе собсѣвенной силы), тогда только потрузишься въ бурное и пространное море Эпопеи....

Жишь въ обществѣ, носишь на себѣ тяжелое ярмо должностей, часно ничтожныхъ и суешныхъ, и хотѣешь согласоватьъ выгоды самолюбія съ желаніемъ славы — есть требованіе истинно суешное. Что образъ жизни дѣйствуетъ сильно и постоянно на талантъ, въ томъ нѣтъ сомнѣнія. Примѣръ тому Французы: ихъ Словесность, сколько богачая во всѣхъ родахъ, не имѣетъ ни Эпопеи, ни Исторіи. Ихъ Писатели по большей части жили посреди шумнаго города, посреди всѣхъ обольщеній Двора и праздности; а Исторія и Эпопея пребудутъ вниманія постоянного, и сей важности, и сей душевной силы, которую общество не только что оппнмаетъ у чловѣка разсѣяннаго, но уничтожаетъ совершенно. »Хотите ли быть краснорѣчивыми Писателями? говорите краснорѣчивая женщина нашего времени: будьте добродѣтельны и свободны, почитайте предметъ любви вашей, ищите безсмертія въ любви, Божества въ Природѣ; освѣтите душу, какъ освѣщаютъ храмъ, и Ангелъ возвышенныхъ мыслей предстанетъ вамъ во всемъ величїи!« Прелестныя строки, исполненныя истины! васъ

разсѣянные умы или не поймутъ или прочитаютъ съ гордымъ презрѣніемъ.

Взглянемъ на жизнь нѣкоторыхъ Спихопворцевъ, копорыхъ имена споль любезны сердцу нашему. Горацій, Капулъ и Овидій такъ жили, какъ писали. Тибулъ не обманывалъ ни себя, ни другихъ, говоря покровителю своему, Мессалъ, что его не обрадуютъ ни пріумфы, ни пышный Римъ, но спокойствіе полей, здоровый воздухъ лѣсовъ, мягкіе луга, родимый ручеекъ и эта хижина съ проспымъ, соломеннымъ кровомъ — вешая хижина, въ копорой Демія ожидаетъ его съ распущенными власами по высокой груди. Непрарка шочно споялъ опершись на скалу Воклюзскую, погруженный въ глубокую задумчивость, когда вымешали изъ успъ его гармоническіе спихи:

Sott' un gran sasso

In una chiusa valle, ond' esse Sorgia

Si stà: ne chi lo scorga

V'è, se no amor, che mai no'l lascia un passo

E l'immagine d'una che lo strugge.

Щасливый Шолье мечталъ подъ вешкими и пѣнистыми древами Фоншенейскаго убѣжища; тамъ сожалѣлъ онъ объ ушрапѣ юности, объ ушрапѣ невѣрныхъ наслажденій любви. Богдановичъ жилъ въ мірѣ фанпазін, имъ созданномъ,

когда рука его рисовала плѣнительное изображеніе Душеньки (*). Державинъ на дикихъ берегахъ Суны, орошенный кипящею ея пѣною, воспѣвалъ Водопадъ и Бога въ пророческомъ испугѣ. И въ наши времена, болѣе обильныя славою, нежели благопріятныя Музамъ, Жуковскій, оппорваный Беллоною опѣ мѣлыхъ полей своихъ, Жуковскій, одаренный пламеннымъ воображеніемъ и рѣдкою способностію передавать другимъ глубокія ощущенія души сильной и благородной, — въ сѣанѣ воиновъ, при громѣ пушекъ, при заревѣ пылающей Сполицы, писалъ вдохновенные стихи, исполненные огня, движенія и силы.

Если образъ жизни имѣетъ столь сильное вліяніе на произведенія Поэта, то воспишаніе дѣйствуетъ на него еще сильнѣе. Ничто не можеть изгладить изъ памяти сердца нашего первыхъ, сладостныхъ впечатлѣній юности! Время украшаетъ ихъ и даетъ имъ восхитительную прелесть. Въ среднемъ возрастѣ зримые предметы слабо вѣзываются въ память, и душа, упо-

(*) Богдановичъ жилъ въ совершенномъ уединеніи. У него были два товарища, достойные добродушнаго Лафонтена: котъ и пѣшухъ. Объ нихъ онъ говорилъ, какъ о друзьяхъ своихъ, рассказывалъ чудеса, беспокоился объ ихъ здоровьи и долго оплакивалъ ихъ кончину.

ленная ощущеніями, пренебрегаетъ ими: ее занимающъ однѣ спрасхи; въ преклонныхъ лѣтахъ человекъ не пріобрѣтаетъ, и послѣднимъ его сокровищемъ оспается по единственнo, чѣмъ онъ запасъ себя въ молодости. Такимъ образомъ Природа соединяетъ вечеръ съ утромъ жизни, какъ вечерняя заря сливается съ утреннею въ долгіе дни лѣта подъ нашимъ сѣвернымъ небомъ.

Если первыя впечатлѣнія столь сильны въ сердцѣ каждаго человека, если не изглаживаются во все теченіе его жизни: то тѣмъ болѣе они должны быть сильны и сохранять неувядаемую свѣжесть въ душѣ Писателя, одареннаго глубокою чувствительностію.

Утѣшно воспоминашь подъ старость дѣтски лѣты,
Забавы, рѣзвосты, различные предметы,
Которые тогда увеселяли насъ!

Если бы мы знали подробно обстоятельство жизни великихъ Писателей, то безъ сомнѣнія могли бы найти въ ихъ твореніяхъ слѣды первыхъ, всегда сильныхъ ощущеній. Сердце имѣетъ свою особенную память. Руссо помнилъ начало пѣсни, которую ему напѣвала его добродушная шепка. Молодой Аріостъ, въ бытность свою во Флоренціи, влюбился въ прелестную женщину. Онъ часто посѣщалъ ее; цѣлые часы въ глубо-

комъ безмолвіи просиживалъ, любясь красавицею, копорая вышивала по серебру пурпурнымъ шелкомъ. Впечатлѣніе прелестныхъ рукъ навсегда оспалось въ памяти любовника, и споль сильно, что въ послѣдствіи времени, рассказывая бипву Мандрикала съ злополучнымъ Сербиномъ, онъ сравниваетъ алую кровь, текущую изъ глубокой раны юноши, съ пурпурными начертаніями, копорыя вышивала по серебру бѣлоснѣжная рука незабвенной Флорентинки. Нѣжныя сердца помнятъ шѣмѣша въ Виргиліи, гдѣ Поэтъ говоритъ о своей милой Маншѣ: стихи Римскаго Омера исполнены воспоминаній о юности; они исполнены сихъ глубокихъ, неизгладимыхъ впечатлѣній, копорыя, погружаятъ чинапеля въ сладкую задумчивость, напоминая ему его собственную жизнь и ясную зарю молодости.

Климапъ, видъ неба, воды и земли — все дѣйствуетъ на душу Поэта, отверзпую для впечатлѣній. Мы видимъ въ пѣсняхъ сѣверныхъ Скальдовъ и Эрскихъ Бардовъ нѣчто суровое, мрачное, дикое и всегда мечпательное, напоминающее и пасмурное небо Сѣвера и шуманы морскіе и всю природу, скудную дарами жизни, но всегда величественную, прелестную и въ ужасахъ. Мы видимъ неизгладимый оппечашокъ климана въ Стихошворцахъ полуденныхъ: нѣкопорую нѣгу, рос-

кошъ воображенія, свѣжеснъ чувствъ и ленокснъ мыслей, напоминающихъ и небо и всю благошворную природу снранъ южныхъ, гдѣ человекъ наслаждается двойною жизнью въ сравненіи съ нами, гдѣ все пипаетъ и нѣжитъ его чувства, гдѣ все говоритъ его воображенію. Напрасно уроженецъ Сициліи или Неаполя желалъ бы соспязаться въ пѣсняхъ своихъ съ Бардомъ Морвена и описывашъ, подобно ему, мрачную природу Сѣвера: напрасно сѣверный Поэтъ желалъ бы изображать роскошныя долины, прохладныя пещеры, плодоносныя роши, тихіе заливы и небо Сициліи, высокое, прозрачное и вѣчно лсное. Одинъ Тассъ, рожденный подъ раскаленнымъ солнцемъ Неаполя, могъ описать споль вѣрными и свѣжими красками ужасную засуху, гибельную для Кресшовыхъ воиновъ. По сему описанію, говоритъ ученый Женгене, можно узнать полуденнаго жителя, который неоднократно подвергался смертному вліянію вѣтровъ Африканскихъ, неоднократно изнемогалъ подъ бременемъ зноя. — У насъ Ломоносовъ, рожденный на берегу шумнаго моря, воспитанный въ шрудахъ промысла, сопряженнаго съ опасностію, сей удивительный человекъ въ первыхъ лѣтахъ юношества былъ сильно пораженъ явленіями Природы: солнцемъ, которое въ должайшіе дни лѣта, дошедъ до края горизонта, снова воспаетъ и

снова печетъ по тверди небесной; сѣвернымъ
сіяніемъ, которое въ полуночномъ краю замѣ-
няетъ солнце и проливаетъ холодный и дрожа-
щій свѣтъ на Природу, спящую подъ глубокими
снѣгами: Ломоносовъ съ какимъ-то особеннымъ
удовольствіемъ описываетъ сіи явленія Природы,
величественныя и прекрасныя, и повноряетъ ихъ
въ великолѣпныхъ стихахъ своихъ:

Закрылись крайніе съ пучиною льса

Лишь съ моремъ видны вкругъ сіяныя небеса.

.....

..... Сквозь воздухъ въ югъ чистый

Открылись два холма и берега льсенны.

Межъ ними кораблямъ въ заливъ опверзся входъ,

Убѣжище пловцамъ отъ безпокойныхъ водъ,

Гдѣ въ влажныхъ берегахъ крушась печальна Уна

Медлительно печетъ въ объятія Непшуна.....

Доспигло дневное до полночи свѣпило,

Но въ глубинѣ лица горящаго не скрыло;

Какъ пламенная гора казалось средь валовъ

И проспирало блескъ багровый изъ-за льдовъ.

Среди пречудныя при ясномъ солнцѣ почи

Верхи злыхъ зыбей пловцамъ сверкаютъ въ очи.

Мы не остановимся на красотѣ стиховъ.

Здѣсь все выраженія великолѣпны: горящее лицо

солнца, противоположенное хладнымъ водамъ оке-

ана; солнце, остановившееся на горизонтѣ, и

подобно пламенной горѣ проспирающее блескъ

изъ-за льдовъ, сушь первокласныя красоты описательной Поэзіи. Два послѣдніе стиха, заключающіе картину, восхищительны:

Среди пречудныя при ясномъ солнцѣ ночи

Верхи зланныхъ зыбей пловцамъ сверкають въ очи.

Но мы замѣшимъ, что Поэтъ не могъ бы написать ихъ, если бы онъ не былъ свидѣтелемъ сего чудеснаго явленія, которое поразило огненное воображеніе вдохновеннаго ошрока и оставило въ немъ глубокое, неизгладимое впечатлѣніе.

V.

О ХАРАКТЕРѢ ЛОМОНОСОВА.

По слогу можно узнать человека, сказалъ Бюффонъ: характеръ Писателя весь въ его произведеніяхъ. Это съ одной стороны справедливо. — Безъ сомнѣнія, по стихамъ и прозѣ Ломоносова мы можемъ заключить, что онъ имѣлъ возвышенную душу, ясный и проницательный умъ, характеръ необыкновенно предприимчивый и сильный. Но любитель Словажности, скажу болѣе, наблюдатель-Философу прямо было бы узнать нѣкоторыя подробности частной жизни великаго человека; познакомиться съ нимъ, узнать его страсти, его заботы, его печали, наслажденія, привычки, странности, слабости и самые пороки, неразлучные спутники человека. »Разумъ, услаждавшійся величественными понятіями всеобщаго порядка, не можетъ быть соединенъ съ сердцемъ холоднымъ«, говорилъ о Ломоносовѣ Писатель, котораго имя равно любезно Музамъ и добродѣ-

тели. Сія истина утверждена жизнью Ломоносова. Воображеніе и сердце часто увлекали его въ молодости: они были источниками его наслажденій и мученій, неизвѣстныхъ, неизъяснимыхъ обыкновеннымъ людямъ. — Конечно не одна страсть къ ученію, которая не могла еще вполне овладѣть душою отрока, воспитаннаго среди болотъ Холмогорскихъ, не одна сія страсть, столь благородная и безкорыстная, принудила его оставить родину. Семейственные огорченія и нѣкоторое тайное безпокойство души — было къ тому важнѣйшимъ побужденіемъ. Но сіе безпокойство, сіе тусклое желаніе чего-то новаго и лучшаго, сія предприимчивость, удивительная въ столь нѣжномъ возрастѣ, не означали ли великую душу, и нѣчто необыкновенное?

Пламенное рвеніе къ ученію, неутомимая жажда познаній, поспѣшство въ преодоленіи преградъ, поспавленныхъ непріязненнымъ рокомъ, дерзость въ предпріятіяхъ, увѣнчанная сіяющимъ успѣхомъ: всѣ сіи качества соединены были съ сильными страстями, съ пламеннымъ сердцемъ; или, лучше сказать, происпекали изъ оныхъ, и пощому должно ли удивляться, что Ломоносовъ въ молодости своей пожертвовалъ всеми выгодами любви? Въ Марбургѣ онъ женился тайно на дочери бѣднаго ремесленника и въ скоромъ времени

обстоятельства принудили его разлучиться съ супругою. Музы любящъ провождащъ любимцевъ своихъ по тернистой дорогѣ несчастія въ храмъ славы и успѣховъ. Бѣдствія не всегда убивающъ талантъ: напрошивъ того, они пробуждающъ въ душѣ множество прекрасныхъ свойствъ, и знакомящъ ее съ собственными силами. Ломоносовъ, гонимый судьбою, скипался по Германіи, переходилъ изъ земли въ землю, безъ приспанища, часто безъ насущнаго хлѣба: онъ боролся со всѣми нуждами и горестями, и никогда, нигдѣ не преступилъ законовъ чести, никогда не забывалъ оставленной супруги. Съ какою чувствительностію (возвратясь въ Петербургъ), прочиталъ онъ письмо ея и воскликнулъ предъ посланнымъ опъ Г. Беспужева: » Боже мой! могу ли ее оставить! « — Слезы прерывали безпрестанно слова его. Сладостно видѣть наблюдающему человѣчеству соединеніе столь глубокой чувствительности съ умомъ обширнымъ, вѣрнымъ и прозорливымъ! Чувствительность и сильное, пламенное воображеніе часто владѣли нашимъ Поэтомъ, конечно противъ воли его. На возвратномъ пути изъ Амстердама по морю Ломоносовъ, сидя на палубѣ, при шумѣ волнъ погружался въ сладкую задумчивость. Открытое море, шумъ вѣтра и непрерывное колебаніе корабля напоминали ему

Часть I.

первыя лѣта юности, проведенныя среди непостоянной снѣжи: они напоминали приморскую его родину и все, что ни есть сладостнаго для сердца нѣжнаго и добраго. Исполненному воспоминаній, однажды во снѣ ему привидѣлась страшная буря на волнахъ Ледовитаго моря, кораблекрушеніе и хладный трупъ отца его, выброшенный на томъ самый островъ, куда Ломоносовъ въ молодости своей приспавалъ съ нимъ для совершенія рыбной ловли. Онъ въ ужасъ проснулся. Напрасно призываетъ на помощь разсудокъ свой, напрасно желаетъ разсѣять мрачныя слѣды сновидѣнія: мечта осѣла въ глубинѣ сердца и ничто не въ силахъ изгладить ее. Снова засыпаетъ и снова видитъ шумное море, необитаемый островъ и блѣдный трупъ родителя. Такъ! мы не рѣдко увѣряемся опытомъ, что Провидѣніе вбрасываетъ въ насъ какія-то тайныя мысли, какое-то неизъяснимое предчувствіе будущихъ злополучій, и событіе часто подтверждаетъ предсказаніе таинственнаго сна — къ удивленію, къ смиренію слабаго и гордаго разсудка. Ломоносовъ это испыталъ въ жизни своей. Отецъ его погибъ въ волнахъ и тѣло его найдено рыбаками на томъ необитаемомъ островѣ, который назначилъ имъ печальный сынъ, по внушенію пророческаго сновидѣнія.

По крапкой біографіи, напечатанной при сочиненіяхъ Ломоносова, мы пѣснѣе знакомимся съ Поэпомъ, когда онъ покидаетъ родину свою. Самое юношесство необыкновеннаго человѣка любопытно; каждое обстоятельство, каждая подробность драгоцѣнны. Конечно Ломоносовъ, въ опроверженной бесѣдѣ ближнихъ и друзей, любилъ разсказывать имъ первыя свои печали и наслажденія; съ какимъ восхищеніемъ онъ пѣвалъ на крилъ священныя пѣсни и пожиралъ духовныя книги! Съ какимъ усиленіемъ онъ промыслилъ Славенскую Грамматику и Ариѣметику: *врата учености своей!* Какъ сердце его унывало, покидая отца, родину, ближнихъ! какъ прелепало отъ радости, вступая въ обширную Москву!... Къ сожалѣнію, немного подробностейъ дошло до насъ, и почти всѣ исчезли съ холодными слушателями. Однѣ великія души чувствуютъ всю важность дружескихъ повѣреній знаменитаго человѣка, ихъ современника. Ломоносовъ — нѣтъ сомнѣнія — казался обыкновеннымъ человѣкомъ въ кругу пріятелей своихъ, людей весьма обыкновенныхъ. И могъ ли Тредіакской съ братією быть цѣнителемъ величайшаго ума своего времени, цѣнителемъ Ломоносова?

Но къ щастію нашему, Россія имѣла въ молодомъ Вельможѣ покровителя дарованій. Мы забудемъ со временемъ однофамильца Шувалова, ко-

*

порый писалъ остроумные стихи на Французскомъ языкѣ, копорый удивлялъ Парни, Мармонпеля, Лагарпа и Вольтера, ученыхъ и неученыхъ Парижанъ любезностію, веселостію и учпиво-стію, доспойною временъ Лудовика XIV; но того Шувалова, копорый покровительствовалъ Ломоносова, никогда не забудемъ. Имя его навсегда оспанешся драгоцѣнно Музамъ опечеспвленнымъ. Онъ былъ все для нашего Лирика: дѣятельный и просвѣщенный покровитель, попечительный другъ, часто снисходительный, и всегда постоянный. Безъ него — Ломоносовъ не могъ бы предпринять сихъ великихъ трудовъ, пребующихъ издержекъ и безпреспанныхъ пособій. Скажемъ болѣе: какъ Ученый, какъ Стихотворецъ, Ломоносовъ обязанъ ему всѣмъ, даже постоянствомъ въ любви ко сла-вѣ. Прозорливый Шуваловъ въ уроженцѣ Холмогоръ угадалъ великаго чловѣка: щасливый Поэтъ нашелъ въ Вельможѣ истинный патриотизмъ, обширныя свѣдѣнія, вкусъ образованный и, что все-го лучше — благородную, дѣятельную душу! Однимъ словомъ (рѣдкое явленіе!): Вельможа и Поэтъ понимали другъ друга. Письма Ломоносова къ Шувалову суть безцѣнный памятникъ Словесности Русской: въ нихъ видѣнъ и Стихотворецъ и покровитель его. Они заключающъ въ себѣ множесво любопытныхъ подробностей, анекдотовъ и нако-

нець извѣстіе о кончинѣ Профессора Рихмана, достойнаго поварища Ломоносова. Рихманъ умеръ *прекрасною смертію* (*), и Ломоносовъ съ убѣдительнымъ, сердечнымъ краснорѣчіемъ ходатайствуетъ за осиротѣвшее семейство, спрашась, чпобы сей случай не былъ перетолкованъ противу *Наукъ*, вѣчно ему любезныхъ! Часпо въ письмахъ своихъ онъ жалуется на Тредіаковскаго и Сумарокова. Если сіи спроки доказываютъ печальную истину, чпо дарованія, во всѣ времена, даже при самой колыбели Словесности, имѣютъ враговъ и завистниковъ: то онъ же, къ радости нашей, открываютъ прекрасную душу великаго Писателя: »Никакого не желаю мщенія«, говоритъ онъ, »но способовъ продолжитъ труды мои для славы, для пользы Отечества. Мои Зоиы хвалятъ меня своею хулою, называя мои изображенія надушыми; нападая на меня, они нападаютъ на Древнихъ«... До послѣдней минуты жизни своей Ломоносовъ не измѣнилъ себѣ, и прелестная мысль о славѣ его не покидала. На одрѣ мученій и смерти Рафаель соболѣзновалъ о недокончанныхъ картинахъ: нашъ сѣверный Геній о не совершенныхъ трудахъ своихъ. »Я умираю«, говорилъ онъ Штелину, »я умираю, пріятель! На смерть взираю равнодуш-

(*) Это собственное выраженіе Ломоносова.

но: сожалѣю о томъ, чего не успѣлъ довершить
для пользы Наукъ, для славы Опечесства и Ака-
деміи нашей. Къ сожалѣнію вижу, что благія мои
намѣренія исчезнутъ вмѣстѣ со мною...»

Тѣнь великаго Спихошворца упѣшилась. Тру-
ды его не поперяны. Имя его бессмертно.

VI.

ВЕЧЕРЪ У КАНТЕМИРА.

Антіохъ Кантемиръ, Посланникъ Русской при Дворѣ Лудовика XV, предпочишалъ уединеніе шуму и разсѣянію блестящаго Двора. Свободное время опѣ должности онъ посвящалъ Наукамъ и Поэзіи. Въ мирномъ кабинетѣ, окруженный любимыми книгами, онъ часто восклицалъ, перечитывая Плуларха, Горація и Виргилія: »Щасливъ, кпо, довольсвуваясь малымъ, свободенъ, чуждъ зависти и предразсудковъ, имѣешь совѣсь чистую и провождаешь время съ вами, наславники чловѣчества, мудрецы всѣхъ вѣковъ и народовъ: —

..... съ вами, Греки и Латины...

Изслѣдуя всѣхъ вещей дѣйства и причины."

Умъ его имѣлъ свойства, рѣдко соединяемыя основательностью, почностью и воображеніе. Часто, углубленный въ исчисленія алгебраическія

Кантемиръ искалъ истины и, подобно мудрецу Сиракузъ, забывалъ міръ, людей и общество, безпрестанно измѣняющееся. Онъ занимался Науками не для того, чтобы щеголять знаніями въ суешномъ кругу ученыхъ женщинъ или Академиковъ: нѣтъ! онъ любилъ Науки для Наукъ, Поэзію для Поэзіи — рѣдкое качество, истинный признакъ великаго ума и прекрасной, сильной души! Въ Парижѣ, гдѣ самолюбіе знашнаго человѣка можетъ собирать безпрестанно похвалы и привѣтствія за малѣйшій успѣхъ въ Словесности, гдѣ нѣсколько небрежныхъ стиховъ, иностранцемъ написанныхъ, дають право гражданства въ республикѣ Словесности, Кантемиръ.... писалъ Русскіе стихи! И въ какое время? Когда языкъ нашъ едва становился способнымъ выражать мысли просвѣщеннаго человѣка. Бросьте на островъ необитаемый Математика и Стихотворца, говоритъ Даламберъ: первый будетъ проводить линіи и составлять углы, не заботясь, что никто не воспользуется его наблюденіями; второй перестанетъ сочинять стихи, ибо некому хвалить ихъ: слѣдственно Поэзія и Поэтъ, заключаешь *разсудительный* Философъ, питающійся суешностію. Парижъ былъ сей необитаемый островъ для Кантемира. Кто понималъ его? Кто восхищался его *Русскими* стихами? — Въ самой Россіи, гдѣ об-

щество, Науки и Словесность были еще въ пеленахъ, онъ, нѣтъ сомнѣнiя, находилъ мало цѣнителей своего таланта. Душею и умомъ выше времени и обшоятельствъ, онъ писалъ стихи, онъ поправлялъ ихъ безпрестанно, желая достигнуть возможнаго совершенства, и, казалось, завѣщалъ благородному попомству и книгу и славу свою. Талантъ пишаеся хвалою, но истинный, великiй талантъ и безъ нее не умираетъ. Поэтъ можетъ быть суебнымъ — равно какъ и ученый; но истинный любитель всего прекраснаго не можетъ существовать безъ дѣятельности, и то, что было сказано нашимъ Капуломъ о нашемъ Бавiи:

„Съ послѣднимъ вздохомъ онъ издася послѣднiй стихъ.“

почти то же можно сказать о великомъ Стихотворцѣ. На одрѣ смерти Сервантесъ не покидалъ пера своего. Камюенсъ писалъ Лузіяду посреди племени дикихъ. Тассъ, несчастный Тассъ, въ ужасномъ заключенiи бесѣдовалъ съ Музами. Державинъ, за часъ предъ смертію, хладѣющими перстами извлекалъ звуки изъ безсмертной лиры своей. Сихъ ли людей обвинимъ въ суебности? ... Но возвратимся къ Кантемиру.

Однажды по вечеру Монпескье и Аббатъ В., извѣстный остроумецъ, навѣсили нашего Сти-

хошворца. Онъ бесѣдовалъ съ своею Музою и не примѣпилъ входящихъ друзей, копорые имѣли къ нему свободный доступъ. Нѣсколько минушъ — Кантемиръ перечисывалъ начало посланія своего къ К. Никишѣ Трубецкому, и всегда съ новымъ жаромъ и удовольствіемъ. При чтеніи спокойное и даже холодное лице Кантемира примѣшнымъ образомъ измѣнялось: глаза его сверкали, какъ молніи, щеки разгорѣлись и рука его ударяла палку по опверзшой предъ нимъ книгѣ. Монпескье взглянулъ на Аббаша, кивнулъ ему головою и намѣревался удалиться. Они не хотѣли беспокоить Министра, полагая, что онъ занятъ важнымъ государственнымъ дѣломъ. Кантемиръ услышалъ за собою шорохъ, оглянулся — и бросился обнимать неожиданныхъ гостей. — »Мы вамъ помѣшали: мы пришли не впору.« — Ни мало! — »Вы читали важныя бумаги?« — Я забавлялся: перечисывалъ списки моего сочиненія. — »Но какіе? мы ни слова не поняли.« — Русскіе. — »Русскіе списки!« восклицалъ Аббашъ, пожимая плечами опъ удивленія: »Русскіе списки! эшо любопышно...«

КАНТЕМИРЪ.

Слабое подражаніе Горацію, Ювеналу и Персію. Вы знаете мою спрасъ къ древнимъ Писателямъ: она завлекла меня далеко. Не въ силахъ

будучи сравнишься съ древними Поэтами Рима, я влачусь за ними, какъ рабъ за господиномъ, или — какъ спрасный любовникъ за гордою красавицею. Вы никогда не писали стиховъ, Г. Президентъ, и не знаете сего мученія и удовольствія, которое называютъ метроманіею?

МОНТЕСКЬЕ.

Ваша правда. Я не писалъ стиховъ, но люблю стихи, когда нахожу въ нихъ сколько же мыслей, сколько словъ; когда они ясны, сильны, выразительны, однимъ словомъ — хороши, какъ проза. Я всегда уважалъ Сапирь и Посланія Горация: они знакомятъ насъ съ Римомъ, со нравами, съ образомъ жизни переродившихся потомковъ Брусовъ, Коріолановъ и Сципіоновъ. Ювенала перечитываю съ удовольствіемъ: прямой Римлянинъ душою! Онъ то же въ стихахъ, что Тацитъ въ прозѣ. Я люблю творенія сихъ Поэтовъ, какъ памятники языка, образованнаго цѣлыми вѣками славы народной, языка мужественнаго, обильнаго, выразительнаго: почтеннаго родителя языковъ новѣйшихъ.

АББАТЪ В.

И Г. Президентъ конечно сожалѣетъ, что вы пишете Русскіе стихи. Зная совершенно языкъ

Латинскій и нашъ Французскій, столь ясный, почный и красивый, вы лишаете насъ удовольствія читать ваши прелестныя произведенія.

МОНТЕСКЬЕ.

Сожалѣю и удивляюсь, какъ можно писать, скажу болѣе, какъ можно мыслить на языкѣ не-образованномъ? Вы пишете по Русски, а вашъ языкъ и нація — еще въ пеленахъ.

КАНТЕМИРЪ.

Справедливо: Русскій языкъ въ младенчествѣ; но онъ богатъ, выразишель, какъ языкъ Латинскій, и со временемъ будетъ почтенъ и ясенъ, какъ языкъ остроумнаго Фоншенеля и глубокомысленнаго Монтескье. Теперь я принужденъ бороться съ величайшими трудностями: принужденъ изобрѣтать безпрестанно новыя слова, выраженія и обороты, копорыя безъ сомнѣнія обвѣщающъ черезъ нѣсколько годовъ. Переводя міры Фоншенелевы, я создавалъ новыя слова: Академія Петербургская часто одобряла мои опыты. Я очищалъ путь для моихъ послѣдователей.

АББАТЪ В.

Но скажите, Бога ради, какъ же вы могли присвоить всѣ понкія выраженія и обороты пер-

ваго щеголя языка Французскаго, нашего семидесяпи-лѣпняго Фоншенеля?

КАНТЕМИРЪ.

Какъ умѣлъ! Я слѣдовалъ рабски по слѣдамъ его. Переводъ мой слабъ, грубъ, невѣренъ. Скиѣы заспавили плѣннаго Грека изваявъ Венеру, и обѣщали ему свободу. Грекъ былъ дурной Ваятель; въ Скиѣи не было ни Паросскаго мрамора, ни хорошихъ рѣзцовъ; за неимѣніемъ ихъ — соотечественникъ Праксипелевъ, употребилъ грубый гранитъ, молодъ, просшую пилу, и создалъ нѣчто похожее на Венеру, слѣдуя заочно образцу, споль славному не только въ Греціи, но даже въ земляхъ варваровъ. Скиѣы были довольны, ибо не знали божественнаго подлинника, и покланялись новой богинѣ съ дѣтскимъ усердіемъ. Скиѣы — мои соотечественники; Праксипелева статуя — книга безсмертнаго Фоншенеля; а я — сей Грекъ, неискусный Ваятель.

АББАТЪ В.

О! вы слишкомъ скромны, почтенный Князь!

КАНТЕМИРЪ.

Не довольствуясь опытомъ моимъ надъ Фоншенелемъ, я принялся за Персидскія письма.

А Б Б А Т Ъ В.

Персидскія письма по Русски.

М О Н Т Е С К Ъ Е.

Могъ ли я ожидашь, что первое, слабое произведение моего пера опшнмешъ у васъ столько драгоцѣннаго времени?

А Б Б А Т Ъ В.

Теперь Гиперборейцы узнаюшъ, какъ въшренны и малодушны обшпашпели береговъ Сейны.

К А Н Т Е М И Р Ъ.

И какъ оспроумны.

А Б Б А Т Ъ В.

Я давно на вечерахъ Г-жи Жофрель — которая васъ превозносишь, но въ душѣ своей ненавидишь — давно предсказывалъ вашу славу, Г. Монпескье!

Въ землѣ своей никшо Пророкомъ не бывалъ.

Но мое пророчеспво сбылось, какъ видише. Легко бышь можешъ, что въ эту самую минушу, на берегахъ Ледовишаго моря, на берегахъ Лены или Оби, въ пуспыняхъ Ташаріи — чишаюшъ ваши

оспроумныя письма, и имя Монпескье гремишь въ спановищахъ Калмыковъ и Самоѣдовъ.

МОНТЕСКЬЕ.

Читають Персидскія письма при свѣтѣ лампы, налипой рыбьимъ жиромъ...

АББАТЪ В.

Или при свѣтѣ сѣвернаго сіянія.... Конечно странно, чудесно! — А мы говоримъ съ такимъ пренебреженіемъ о великой Московіи!

КАНТЕМИРЪ.

Калмыки и Самоѣды не читають Философическихъ книгъ, и конечно долго читать не будутъ. Но въ Москвѣ многолюдной, въ раждающейся Столицѣ Петра, въ монастыряхъ Малой и Великой Россіи, есть люди просвѣщенные и мыслящіе, которые умѣютъ наслаждаться прекрасными произведеніями Музъ.

МОНТЕСКЬЕ.

Число такихъ людей должно быть весьма ограничено. До сихъ поръ я думалъ и думаю, что климатъ вашъ суровый и неспокойный, земля по большей части безплодная, покрывая въ зиму глубокими снѣгами, малое населеніе, пруд-

ность сообщеній, образъ правленія почти Азіатскій, закоренѣлые предразсудки и рабство, утвержденныя вѣками навыка — все это вмѣстѣ надолго замедлило ходъ ума и просвѣщенія. Власно климатъ есть первая изъ власней.

А Б Б А Т Ъ В.

Я съ вами согласенъ; и полагаю, что всѣ усилія исполинскаго Царя, все что онъ ни сотворилъ желѣзною рукою, все — разрушится, упадетъ, исчезнетъ. Природа, обычаи древніе, суевѣріе, неисцѣлимое варварство — возмущъ верхъ надъ просвѣщеніемъ слабымъ и неосновательнымъ; и вся полудикая Московія — снова будетъ дикою Московіею, и вѣчный шуманъ забвенія покроетъ дѣла и жизнь преемниковъ Петра Великаго.

К А Н Т Е М И Р Ъ.

Я осмѣлюсь спорить съ великимъ творцомъ книги о сущесствѣ законовъ, и съ вами, любезный Аббатъ. Россія пробудилась отъ глубокаго сна, подобно баснословному Эпимениду. Заря, освѣпившая нашу землю, предвѣщаетъ прекрасное утро, великолѣпный полдень и ясный вечеръ: вотъ мое пророчество!

А Б Б А Т Ъ В.

Но это не заря — сѣверное сіяніе. Блеску много, но безъ свѣта и безъ теплоты.

МОНТЕСКЬЕ.

Оспроумный Аббатъ сказалъ великую истину. Положимъ — трудное предположеніе, едва ли сбыточное дѣло! — положимъ, что Правитель-ство откроетъ всѣ пути къ просвѣщенію, что будетъ безпрестанно призывать иностранцевъ для воспитанія юношества, построитъ теплые дома для училищъ, и, изъ сихъ парниковъ и теплицъ просвѣщенія соберетъ нѣсколько незрѣлыхъ и несочныхъ плодовъ; положимъ, что Правитель-ство образуетъ военныхъ людей, довольно искусныхъ, нѣсколько мореходцевъ, небольшое число Артиллеристовъ, Инженеровъ и проч. Но скажите, можетъ ли Правительство вдохнуть вкусъ къ Изящному, къ Наукамъ опвлеченнымъ, умозрительнымъ? Какая сила измѣнитъ климатъ? Кто можетъ вамъ даровать новое небо, новый воздухъ, новую землю?

АББАТЪ В.

И новое солнце? Какъ можно сѣять Науки тамъ, гдѣ осенью серпъ земледѣльца пожинаетъ рѣдкіе класы на броздахъ, попомъ его орошенныхъ; гдѣ зимою опъ холоду чугуны распадается и шпатель жидкости рубитъ?

Caeduntque securibus humida vina!!!

МОНТЕСКЬЕ.

Холодной воздухъ сжимаетъ желѣзо; какъ же не дѣйствовать ему на человека? Онъ сжимаетъ его фибры; онъ даетъ имъ силу необыкновенную. Эта сила физическая сообщается душѣ. Она внушаетъ ей храбрость въ опасности, рѣшительность, бодрость, крѣпкую надежду на себя; она есть тайная пружина многихъ прекрасныхъ свойствъ характера; но она же лишаетъ чувствительности, необходимой для Наукъ и Искусствъ. Теплоша, напрошивъ того, расширяя тончайшую плену кожи, открываетъ оконечности нервовъ и сообщаетъ имъ чудесную раздражительность. Въ земляхъ холодныхъ наружная кожа столь сильно сжата воздухомъ, что нервы, такъ сказать, лишены жизни, и рѣдко, очень рѣдко сообщаютъ слабыя ощущенія свои мозгу. Вы знаете, что отъ безчисленнаго количества слабыхъ ощущеній зависяетъ воображеніе, вкусъ, чувствительность и живость. Надобно содрать кожу съ Гипербореяца, чтобы заспавивъ его что нибудь почувствовать (*).

(*) Il faut écorcher un Moscovite pour lui donner du sentiment (?).

А Б Б А Т Ъ В.

Что можете отвѣчать на это? Вы спанете защищать соотечественниковъ вашихъ, какъ Министръ, и на сильные, неопразимые силлогизмы Президента, отвѣчать дипломатическими, опклоняющими истину фразами?

К А Н Т Е М И Р Ъ.

Я родился въ Константинополѣ. Праотцы мои происходятъ отъ древней фамиліи, нѣкогда обладавшей престоламъ Восточной Имперіи. Слѣдственно во мнѣ играетъ еще кровь Греческая, и я непришворно люблю голубое небо и вѣчнозеленныя оливы спранъ полуденныхъ. Въ молодости я спранспвовалъ съ опцомъ моимъ, неразлучнымъ спупникомъ, искреннимъ другомъ Петра Великаго, и видѣлъ обширныя долины Россіи отъ Днѣпра до Кавказа, отъ Каспійскаго моря до береговъ величественной Москвы. Я знаю Россію и обитателей ея. Хижина земледѣльца и перемъ боярина, мнѣ равно извѣстны. Руководимый наставленіями опца моего, просвѣщеннѣйшаго человека въ Европѣ, съ раннихъ лѣтъ воспитанный въ училищѣ Философіи и опытности, будучи обязанъ по званію моему имѣть безпрестанныя и тѣсныя сношенія съ иностранцами всѣхъ

націй, я не могъ сохранить предразсудковъ варварскихъ, и привыкъ смотрѣть на новое опеченство мое окомъ безпристрастнаго наблюдателя. Въ Версали, въ кабинетѣ Короля вашего, въ присутствіи Министровъ, я — представитель великаго народа и всемогущей его Монархини; но здѣсь, въ обществѣ дружескомъ, съ великимъ гениемъ Европы, поспавляю обязанностію говорить откровенно; и вы, Г. Аббатъ, скорѣе обличите Каншемира въ невѣжество, нежели въ приспращеніи или нечестосердечіи. Вашъ мой отвѣтъ: вы знаете, что Пётръ сдѣлалъ для Россіи; онъ создалъ людей, — нѣтъ! онъ развилъ въ нихъ всѣ способности душевныя; онъ вылечилъ ихъ отъ болѣзни невѣжества; и Русскіе, подъ руководствомъ великаго человека, доказали въ короткое время, что таланты свойственны всему человечеству. Не прошло пятнадцати лѣтъ — и великій Монархъ наслаждался уже плодами знаній своихъ сподвижниковъ: всѣ вспомогательныя Науки военного дѣла процвѣли внезапно въ Государствѣ его. Мы громами побѣдъ возвѣспили Европѣ, что имѣемъ артиллерію, флотъ, Инженеровъ, Ученыхъ, даже опытныхъ мореходцевъ. Чего же хотѣли отъ насъ въ столь короткое время? Успѣховъ ума, успѣховъ въ Наукахъ отвлеченныхъ, въ Изящныхъ Искусствахъ, въ Красноречіи, въ По-

эзіи? — Дайте намъ время, продлите благопріятныя обстоятельствова, и вы не откажете намъ въ лучшихъ способностяхъ ума. Вы говорите, что власть климата есть первая изъ властей. Не спорю: климатъ имѣетъ вліяніе на жителей; но это вліяніе (какъ вы сами замѣтили въ безсмертной книгѣ своей), это вліяніе уменьшается или смягчается образомъ правленія, нравами, обществіемъ. Самый климатъ Россіи разнообразенъ. Иностранцы, говоря о нашемъ обществе, полагаютъ вообще, что *Московія* покрыта вѣчными снѣгами, населена — дикими. Они забываютъ неизмѣримое пространство Россіи; они забываютъ, что въ то время, когда жители влажныхъ береговъ Бѣлаго моря ходятъ за кунцею на быстрыхъ лыжахъ своихъ, — щастливый обитатель устьевъ Волги собираетъ пшеницу и благодатное просо. Самый Сѣверъ не столь ужасенъ взорамъ путешественника: ибо онъ даетъ все потребное воздѣлыванію полей. Плугъ есть основаніе общества, истинный узелъ гражданства, опора законовъ; а гдѣ, въ какой странѣ Россіи не оставленъ онъ благодѣтельныхъ слѣдовъ своихъ? Съ успѣхами людскости и просвѣщенія, Сѣверъ безпрестанно измѣняется и, если смѣю сказать, приращаетъ къ просвѣщенной Европѣ. Скажите: когда Тацитъ описывалъ Германцевъ, думалъ ли

погда Тацисъ, что въ дикихъ лѣсахъ ея возникнушъ города великолѣпные, что въ древней Панноніи и Норикѣ родятся свѣшльники ума человѣческаго? Нѣтъ конечно! Но Пётръ Великій, заключивъ судьбу полуміра въ рукѣ своей, ушѣшалъ себя великою мыслію, что на берегахъ Невы, древо Наукъ будетъ процвѣтать подѣ тѣнію его Державы, и рано или поздно, но дастъ новые плоды, и человѣчество обогатится ими. Вы, Г. Монпескье, наблюдаете безпрестанно міръ политическій: на развалинахъ пропекшихъ вѣковъ, на прахѣ гордаго Рима и прелестной Греціи вы постигли причины наспоящихъ явленій, научились пророчествовать о будущемъ. Вы знаете, что съ успѣхами просвѣщенія измѣняющіяся явнымъ и непремѣннымъ образомъ всѣ формы правленія: вы замѣтили сіи измѣненія въ землѣ Русской. Время все разрушаетъ и созидаетъ, поршитъ и усовершеншаетъ. Можетъ быть чрезъ два или три столѣтія, можетъ быть и ранѣе, благія небеса даруютъ намъ генія, который постигнетъ вполне великую мысль Петра — и обширнѣйшая земля въ мірѣ, по шворческому гласу его, учинится хранилищемъ законовъ, свободы на нихъ основанной, нравовъ, дающихъ посшоянство законамъ, однимъ словомъ — хранилищемъ просвѣщенія. Лестныя надежды! вы сбудетесь конечно. Благодарь

смейства моего, — благодѣтель Россіи, почиваетъ во гробѣ; но духъ его, сей дѣятельный, сей великій духъ — не покидаетъ страны, ему любезной: онъ всюду присутствуетъ, все оживляетъ, всему даетъ душу, и новую жизнь и новую силу: онъ, кажется мнѣ, непрестанно въщаетъ Россіи: иди впередъ! не останавливайся на поприщѣ, мною отверзномъ, и достигнешь великой цѣли, мною назначенной!

МОНТЕСКЬЕ.

Но Искусства? Могутъ ли они процвѣтать въ шуманахъ Невскихъ, или подъ суровымъ небомъ Московскимъ?

АББАТЪ В.

Искусства... Ахъ! имъ — то нуженъ прозрачный воздухъ и яркое солнце Рима, древней Эмлады, или умѣренный климатъ нашей Франціи.

КАНТЕМИРЪ.

Полуденныя страны были родиною Искусствъ; но сіи прелестныя дѣла воображенія были часпо вытѣсняемы изъ родины своей варварствомъ, суевѣріемъ, желѣзомъ завоевателей, и какъ быстрыя волны разлились по лицу земному. Музыка, Живопись и Скульптура любящъ свое древнее оте-

чество, а еще болѣе многочисленные города, роскошь, нравы изнѣженные. Но Поэзія свойственна всему человѣчеству: тамъ, гдѣ человѣкъ дышитъ воздухомъ, питается плодами земли, — тамъ, гдѣ онъ существуетъ — тамъ же онъ наслаждается и чувствуетъ добро или зло, любитъ и ненавидитъ, укоряетъ и ласкаетъ, веселится и страдаетъ. Сердце человѣческое есть лучшій источникъ Поэзіи...

А Б Б А Т Ъ В.

Такъ! но оно, признайшесь, не столько чувствительно на Сѣверѣ.

М О Н Т Е С К Ъ Е.

Я видѣлъ оперу въ Англіи и въ Италіи. Опъ музыки, которую Англичане слушаютъ спокойно, Италіянцы бываютъ внѣ себя, и прыгаютъ какъ Циганцы на пророческомъ преножникѣ.

К А Н Т Е М И Р Ъ.

Что доказываетъ это? что чувствительность народовъ южныхъ раздражительнѣе, общительнѣе: но едва ли столько глубока, столько сильна, какъ чувствительность народовъ сѣверныхъ. Въ бытность мою въ Лондонѣ, ученый Шотландецъ Н. Н. показывалъ мнѣ пѣсни своихъ

горныхъ соопечественниковъ : онѣ напоминають древняго Омера, и силою мыслей, глубиною чувствъ превосходятъ многія произведенія Музы Италіанской.

АББАТЪ В.

Невѣроятно !

КАНТЕМИРЪ.

Мы, Русскіе, имѣемъ народныя пѣсни : въ нихъ дышитъ нѣжность, краснорѣчіе сердца ; въ нихъ видна сія задумчивость, тихая и глубокая, копорая даетъ неизъяснимую прелесть и самымъ грубымъ произведеніямъ сѣверной Музы.

АББАТЪ В.

Чудесно ! по чести невѣроятно !

КАНТЕМИРЪ.

... Скажите, если грубыя дѣши Сѣвера умѣютъ чувствовати и изъясняться споль живо и пріятно, то чего не лзя ожидать намъ отъ людей образованныхъ ?

АББАТЪ В.

Но ... почтенный защитникъ Сѣвера ... вы знаете, что народныя пѣсни ... лепетаніе младенцевъ !

КАНТЕМИРЪ.

Младенцевъ, копорые со временемъ возмужающъ. Какъ знашь? можешъ бышь на дикихъ берегахъ Камы или величеспвенной Волги — возникнуть великіе умы, рѣдкіе таланты. Чшо скажете, Г. Президентъ, чшо скажете, услыша, чшо при льдахъ Сѣвернаго моря, между полудикихъ родился великій Геній? Чшо онъ прошелъ исполинскими шагами все поле Наукъ; какъ Философъ, какъ Орапоръ и Поэштъ, преобразовалъ языкъ свой и оставилъ по себѣ вѣчные памятники? Эшо одно предположеніе, но дѣло возможное. Чшо скажете, если...

АББАТЪ.

Но къ чему сіи гипотезы? Легче повѣрю, чшо Русскіе взяли приступомъ Парижъ, и уничтожили всѣ крѣпости, Вобаномъ построенныя!! Впрочемъ, для чудесъ нѣтъ законовъ, говорилъ мнѣ Фонпенель съ значительною усмѣшкою, прочитавъ въ первый разъ свое глубокомысленное сужденіе объ Оракулахъ. Всѣ надежды ваши можешъ бышь и сбудушся, или, вы найдете ихъ въ царствѣ Луны, съ упраченными надеждами Аспольфа. Но, просшите моему чистосердечію... признаюсь, я до сихъ поръ смотрю на васъ съ

удивленіемъ, и не могу поспигнуть, какъ можно въ Парижѣ, на землѣ Расина и Корнея — писать Русскіе стихи ?

КАНТЕМИРЪ.

Эпо напоминаешъ: какъ можно быть Персіяниномъ?

МОНТЕСКЬЕ.

Вы хотѣли поразить насъ собственнымъ нашимъ оружіемъ. Но позвольте сдѣлать одно замѣчаніе. Вы подражаете Горацію и Ювеналу: слѣдственно пишете Саширы, — Саширы на нравы . . . копорые еще не установились. Горацій и Ювеналъ осмѣивали пороки народа развратнаго, но достигшаго высокой степеня просвѣщенія; остроумный и всегда разсудительный Буало писалъ при Дворѣ великаго Короля, въ самую блестящую эпоху Монархіи Французской. Теперь общество въ Россіи должно представлять ужасный хаосъ: грубое смѣшаніе всего порочнаго, смѣшеніе закоренѣлыхъ предразсудковъ, невѣжества, древняго варварства, Тапарскихъ обычаевъ, съ нѣкоторымъ блескомъ роскоши Азіатской, съ нѣкоторыми искрами просвѣщенія Европейскаго! Какая тушь пища для Поэта саширическаго? Могутъ ли проникнуть тонкія стрѣлы Эпиграммы

сквозь пройную броню невѣжества, и уязвишь сердце окаменѣлое опѣ пороковъ, закаленное въ невѣжество? И что значить сіи спрѣлы въ землѣ, гдѣ женщины, хранительницы нравовъ, едва начинающѣ освобождаться изъ-подъ ига мужей своихъ; въ землѣ, гдѣ общественное мнѣніе еще шатается, еще не установилось и не можетъ называть своимъ приговоромъ того, что не подлежитъ суду законовъ? Однимъ словомъ: какъ можно смѣясь говорить истину владетелямъ или рабамъ? Первымъ — опасно; другимъ — бесполезно.

КАНТЕМИРЪ.

Пользуясь покровительствомъ Монарховъ и вельможъ, занимающихъ первыя степени въ Государствѣ, я безъ страха говорилъ истину, и мои Саширы принесли нѣкоторую пользу. Пётръ Великій, преобразуя Россію, старался преобразовать и нравы: новое поприще открылось наблюдению челоуѣчества и спраспей его. Мы увидѣли въ древней Москвѣ чудесное смѣшеніе старины и новизны, двѣ сшихіи въ непрестанной борьбѣ одна съ другою. Новые обычаи, новыя плашья, новый родъ жизни, новый языкъ, не могли еще измѣнить древнихъ людей, изгладить древній характеръ. Иные бояра, надѣвая парикъ и новое плашье, оспавались съ прежними пред-

разсудками, съ древнимъ упрямствомъ, и шѣмъ казались еще страннѣе: другіе, опложа бороду и длинный кафтанъ праопеческій, съ плащемъ Европейскимъ надѣвали всѣ пороки, всѣ слабости вашихъ соопечесивенниковъ, но вашей любезности и людскости занявъ не умѣли. Частыя перемѣны при Дворѣ возводили на высокія ступени государственныхъ людей низкихъ и недостоинныхъ: они являлись и — исчезали. Временщикъ смѣнялъ временщика, толпа льстецовъ другую толпу. Гордость и низость, суевѣріе и кощунство, лицемеріе и явный развратъ, скупость и распочительность неимовѣрная: однимъ словомъ, спрасти, по всему противоположенныя, сливались чудеснымъ образомъ, и представляли новое зрѣлище равнодушному наблюдателю и Философу, который только ощупью, и съ Гораціемъ въ рукахъ, могъ опыскавъ щастливую средину вещей. Я спарался изловивъ нѣкопорыя черты сихъ временъ; скажу болѣе: я спарался явить порокъ во всей наготѣ его, и намѣкнувъ соопечесивенникамъ истинный путь честности, благихъ нравовъ и добродѣтели. Ученый Теофанъ, Архимандритъ Кроликъ — оба достойные Паспыря, Никиша Трубецкій и другіе вельможи одобрили мои слабыя опыты, мое перо неискusstное, но смѣлое, чистосердечное. Я первый осмѣлился писать такъ, какъ

говоряшъ: я первый изгналъ изъ языка нашего грубыя слова Славянскія, чужеспранныя, не-свойственныя языку Русскому, — и открылъ новую дорогу для грядущихъ талантовъ. Сапиры мои будутъ имѣть нѣкоторую цѣну для попомковъ нашихъ, подобно древнимъ картинамъ первыхъ живописцевъ, предшественниковъ Рафаеля: въ нихъ они найдутъ изображеніе вѣрное нравовъ и языка Русскаго, въ славномъ періодѣ для Россіи: отъ времени Петра, до царствованія щасливой, обожаемой нами Елисаветы; — и имя мое (проспите мнѣ Авпорское самолюбіе) будетъ уважаемо въ Россіи болѣе попому, что я первый осмѣлился говорить языкомъ Музъ и Философій, нежели попому, что занималъ важное мѣсто при Дворѣ вашемъ.

А Б Б А Т Ъ В.

Прекрасно! Вы говорите, какъ истинный Философъ.

М О Н Т Е С К Ъ Е.

Мы желали бы видѣть ваши Сапиры на Французскомъ языкѣ. Отчаспи я согласенъ съ вами: картина нравовъ народа почти новаго всегда любопытна. Но... вашъ и Аббапъ Гуаско, вашъ пріятель...

Вы очень къ спаши навѣспили насъ! сказалъ Каншемиръ, обнимая Аббапа. Вы перевели мои Сапиры на Французской языкъ: прочитайте что нибудь въ угожденіе Г. Президенту; а у васъ, Господа, прошу терпѣнія и снисхожденія...

Чтеніе и разговоръ продолжались долго даже за полночь. Наконецъ Монпескье и Аббапъ В. опекланились Министру и разспались... довольны ли имъ? не знаю.

Знаю только, что Каншемиръ, шевеля гаснувшіе уголья въ каминѣ, сказалъ Аббапу Гуаско: признайся, любезный другъ, Монпескье умный человекъ, великій Писатель... но...

Но говоришь о Россіи, какъ невѣжда, прибавилъ Аббапъ Гуаско. — Скромный Каншемиръ улыбнулся, пожелалъ доброй ночи Аббапу, и они разспались.

VII.

ПИСЬМО къ И. М. М. А.

О сочиненіяхъ Г. Муравьева.

Перечитывая снова рукописи и сочиненія М. Н. Муравьева, (изданныя по его кончинѣ, Москва, 1810) я осмѣлился сдѣлать нѣсколько замѣчаній. Двѣ причины были моимъ побужденіемъ. Вамъ будетъ пріятно, М. Г., бесѣдовать со мною о незабвенномъ мужѣ, кошораго упраса была столь горестна для сердца вашего. Все шѣснѣе и шѣснѣе связывало васъ съ покойнымъ вашимъ родственникомъ. Самая дружба пипалась, возвеличивалась взаимною любовію къ Музамъ, единственнымъ утѣшительницамъ сей бурной жизни. Она украсила дни цвѣтущей молодости вашей, и позднимъ лѣшамъ пригоповила сладостныя воспоминанія. Конечно каждый стихъ, каждое слово Виргилія напоминаетъ вамъ о незабвенномъ другѣ вашемъ: ибо съ нимъ вы читали Древнихъ, съ нимъ наслаждались прекрасными вымыслами чувствитель-

въ Россійскомъ языкѣ, въ Нравственности и Словесности (*).

Желая начерпашь въ юной памяти историческія лица знаменитыхъ мужей, а особливо Великихъ Князей и Царей Русскихъ, Авшоръ, подобно Фонпенелю, заставляешь разговаривашь ихъ шѣни въ царствѣ мертвыхъ. Но Французскій Писатель гонялся единственно за остроуміемъ: дѣйствующія лица въ его разговорахъ разрѣшаютъ какую нибудь истину блестящими словами; они, кажется намъ, любуются сами шѣмъ, что сказали. Подъ перомъ Фонпенеля не рѣдко древніе Герои преображаются въ придворныхъ Людовика времени, и напоминая намъ живо учтивыхъ пашуховъ того же Авшора, которыми не доспаешь парика, манжетъ и красныхъ каблучковъ, чшобы шаркать въ Королевской передней, какъ замѣчаетъ Вольперъ — не помню въ которомъ мѣстѣ. Здѣсь совершенно шому прошивное: всякое лице говоритъ приличнымъ ему языкомъ, и Авшоръ знакомитъ насъ, какъ будто невольно, съ Рурикомъ, съ Карломъ Великимъ, съ Кантемиромъ, съ Гораціемъ и проч. Онъ, какъ

(*) Нынѣ благополучно царствующему Государю Императору и Цесаревичу Великому Князю Константину Павловичу. —

сапъ ихъ въ изліяніи сердечномъ? — Попомъ, описавъ сладоспныя заняшя любителя Музъ въ пихомъ кабинетъ, нашъ Авпоръ прибавляешъ: »И послъ того еспъ еще люди, кошорые ищупъ благополучія въ разсѣяніи, въ многолюдспвѣ, далеко опъ домашнихъ боговъ своихъ! — Какое щаспіе оперешъ слезы невинноспраждащаго, оказпъ услугу маломощному, облегчипъ зависимоспъ подчиненныхъ? Но чпо я скажу о дружбѣ? Чувспвовапъ себя въ другомъ, разумъпъ другъ друга споль искренно, споль скоро, при единомъ словѣ, при единомъ взорѣ? — Кпо называешъ дружбу, называешъ добродѣтель. «— Сіи спроки, и многія другія, напоминаюпъ намъ Моншаня, шамъ, гдѣ онъ, предаваясь щаспливому изліянію своего сердца, говорилъ о незабвенномъ своемъ Лабоеѣ (*). Тонъ иныхъ писемъ важнѣе — но нравспвенная цѣль всегда одинакова. Признаюсь вамъ, М. Г., я не могу удержапъся опъ удовольспвія выписывапъ; при помъ эшо единспвенный и лучшій способъ показапъ красоты сочиненія и дапъ ясное понятіе объ Авпорѣ. » Тихій вечеръ оканчивалъ

(*) Si on me presse de dire, pourquoi je l'aimois, je sens que cela ne se peut exprimer qu'en répondant: parceque c'étoit lui, parceque c'étoit moi. *Монтань.*

знойный день. Солнце, величественнѣе и медленнѣе на концѣ пуши своего, покоилось за мгновение предъ закашомъ на крайнихъ горахъ горизонта, а я прогуливался на крупомъ берегу Волги съ добродѣтельнымъ другомъ юности моей, съ кропкимъ моимъ наставникомъ. Власы главы его бѣлѣли уже опъ хлада старости; весна жизни моей не расцвѣтала еще совершенно. Мы касались оба противоположныхъ крайностей вѣка. Но дружба его и опытность сокращали расхождение, которое раздѣляло насъ, и часно позабываясь, мнилъ я видѣть въ немъ старшаго и благоразумнаго поварища. Будучи важнѣе обыкновеннаго въ этотъ вечеръ, онъ говорилъ мнѣ: Сынъ мой! (Симъ именемъ любви я одолженъ былъ нежности сердца его) Озирая холмы сіи, одѣваемые небесною лазурью, поля, жатвы, и напоющія ихъ струи, не чувствуешь ли въ сердцѣ твоемъ благополучія? — Чудеса Природы не довольны ли для счастья человека? Но одно худое дѣло, котораго сознаніе оскорбляетъ сердце, можетъ разрушить прелесть наслажденія. Великолѣпіе и вся красота Природы, вкушается только невиннымъ сердцемъ. Одно счастье — добродѣтель; одно несчастіе — порокъ. И всѣ вечера твои будутъ такъ тихи, ясны, какъ нынѣшній. Спокойная совѣсть твоиришь и Природу спокойною, — Слова его прони-

кли въ душу мою, и я съ умиленіемъ повергся въ объятія сшарца. « —

Другіе опривки принадлежатъ къ вышнему роду Словесности. Между ими повѣсть Оскольдъ, въ которой Авторъ изображаетъ походъ Сѣверныхъ народовъ на Царь-градъ, блистаетъ красотою. Здѣсь мы видимъ толпы дикихъ воиновъ, которыхъ какъ будто невидимая сила влечетъ къ роскошной столицѣ Восточной Имперіи. Мы переносимся во времена глубокой древности; въ степи и дремучія лѣса полуобитаемой Россіи; по бурныя волны Варяжскаго моря, покрытыя судами отважныхъ плавателей; по непроходимыя снѣжныя пустыни Біарміи, освѣщенныя холоднымъ солнцемъ; по въ роскошное Царство Михаила, — » гдѣ игры, удивительныя развлеченія занимаютъ ежедневно праздность народа. — Щасливъ, кто видѣлъ все сіе единожды въ жизни! Сладостное воспоминаніе распространилось на оспальное печеніе дней его, и облегчило ему бремя ненавистной старости. « — Авторъ, съ обыкновеннымъ искусствомъ говоритъ о Труворѣ и Синеусѣ, сохраняя всю приличность историческую; выводитъ честолюбиваго Вадима — » котораго взоры изображаютъ столько же упрековъ Новгородцамъ, сколько сшротости воинской « — и возбуждаетъ въ памяти нашей цѣпь великихъ оше-

честивенныхъ воспоминаній. Сила изобрѣшенія бли-
стающа въ исчисленіи Оскольдовыхъ ратниковъ.
Они оплечены рѣдкими чертами одинъ опъ дру-
гаго; они живутъ, дѣйствуютъ передъ вами. »Но
кто можетъ назвать имена безчисленнаго воин-
ства? Таковы тучи пернатыхъ, наполняющихъ
воздухъ крикомъ, когда, почувствовавъ приходъ
зимы, оспаваютъ крупные берега Рускаго моря,
не памятуя любви и прекрасныхъ дней, коими
тамъ наслаждались лѣтомъ; удивленный путеше-
ственникъ позабываетъ дорогу свою, на нихъ взи-
рая, и унываетъ въ сердцѣ, видя себя оспаваемо-
маго свирѣпости мразовъ и бурныхъ вѣтровъ.«—
Вы видите предъ полками сонмъ вдохновенныхъ
Скальдовъ, съ златыми арфами. »Неперѣливый,
добрый между ими, юный Славянинъ, которъ
на влажныхъ берегахъ моря и на краю земли без-
плодной почувствовалъ вдохновеніе Скальда, оспа-
вилъ сѣти и парусы, способы скуднаго пропитан-
ія, и воспѣлъ соотчичамъ неслыханныя пѣсни о
браняхъ и Герояхъ.« Этого юный Скальдъ напо-
минаетъ намъ Ломоносова. Конечно его имѣлъ въ
виду нашъ Авторъ, и здѣсь, сохраняя всю при-
личность разсказа, представилъ намъ въ блиста-
тельномъ видѣ опца Рускаго Спихотворства,
сего чудеснаго мужа, котораго не только даро-
ванія поэтическія, неимовѣрные успѣхи и труды

въ Искусствахъ и Наукахъ, но самая жизнь, исполненная Поэзіи — если смѣю употребить сіе выраженіе — заслуживаетъ вниманіе позднѣйшаго потомства (*).

Искусство, неразлучное съ глубокимъ познаніемъ Исторіи, болѣе всего блистаетъ въ описаніи нравовъ Сѣверныхъ племенъ. Авторъ Оскольда краткими словами умѣетъ возбудить вниманіе читателя и перенести его на сцену тогдашняго міра, который знакомъ ему, какъ Омеру древняя Троада. Замѣтимъ еще, что эпоха, избранная имъ для поэпическаго повѣствованія, соединяетъ всѣ возможныя выгоды, и доказываетъ его вѣрный вкусъ и обширныя свѣдѣнія. Дѣйствіе происходитъ въ Россіи во времена опдаленныя, которыя Поэту столь удобно украшать вымыслами и цвѣтами творческаго воображенія. Оскольдъ, товарищъ Руриковъ, поклоняется Одну, сему кровавому божеству Скандинавовъ, которыхъ и жизнь и суетвѣрія ознаменованы были мрачною Поэзіею. Спутники Оскольдовы имѣютъ, или могутъ имѣть свои преданія, какъ Славяне имѣютъ свою

(*) Мы приглашаемъ прочесть въ Опытѣхъ Исторіи, Словесности и Правоученія Г. Муравьева прекрасную статью о заслугахъ Ломоносова въ Наукахъ. —

вѣру, и опѣ сего раждается пріятное разнообразіе, истинная принадлежность Эпопеи! Въ нѣкоторомъ отдаленіи мы видимъ Царь-градъ, жилище роскоши и нѣги, колыбель Христіанской Религіи, куда кочующіе народы Сѣвера впоргались съ мечемъ и пламенемъ для похищенія земныхъ сокровищъ, и нерѣдко возвращались съ святымъ знаменіемъ Вѣры въ свои непоспоянныя спановища. Туда усмремлены воины Оскольда и любопытство чипапеля.... Къ сожалѣнію, сія повѣсть не кончена: она естъ начало большаго шворенія, которое безъ сомнѣнія имѣлъ въ виду нашъ Авторъ; но Государственные занятія отклонили его отъ Словесности. При концѣ жизни своей, онъ рѣдко бесѣдовалъ съ Музами, удѣляя нѣсколько свободныхъ минутъ на чтеніе Древнихъ въ подлинникъ, и особенно Греческихъ Историковъ, ему отъ дѣтства любезныхъ.

Историческіе отрывки Г. Муравьева заслуживаютъ особенное вниманіе, и мы смѣло утверждать можемъ — опираясь на мнѣніе ученѣйшихъ мужей по этой части — что на Русскомъ языкѣ едва ли находится чтонибудь подобное *Краткому Начертанію Россійской Исторіи*, напечатанному въ первый разъ въ 1810 году, и сшавшамъ, подъ названіемъ: *Разсѣянные черты изъ Землеописанія Россійскаго и Соединеніе Удѣльныхъ Кня-*

женій въ единое Государство. Онѣ начертаны перомъ Ученаго, Полипика и Философа. Вотъ рѣдкое явленіе въ нашей Словесности! Ибо наши Писатели не всегда соединяли въ себѣ качества, потребныя Исторіку: Философію и Критику. Мы надѣемся, что ученые люди, занимающіеся историческою Исторіею, сообщаютъ читающей Публикѣ свои замѣчанія о сихъ безцѣнныхъ опривкахъ, а наставники включаютъ ихъ въ малое число книгъ, посвященныхъ чтенію юношества. Исторія наша, Исторія народа, совершенно отличнаго отъ другихъ по гражданскому положенію, по нравамъ и обычаямъ, Исторія народа, сильнаго и воинственнаго отъ самой его колыбели, и нынѣ удивившаго неимовѣрными подвигами всю Европу, должна быть любимымъ нашимъ чтеніемъ отъ самаго дѣтства. »Мы ходимъ,« — говоритъ краснорѣчивый Авторъ Землеописанія Русскаго — »мы ходимъ по землѣ, обогрѣнной кровію предковъ нашихъ, и прославленной отважными предпріятіями и подвигами Князей и Полководцевъ, которые только для того осѣнены глубокою ночью забвенія, что не имѣли достойныхъ провозвѣстниковъ славы своей. Да наступитъ нѣкогда время прилежанія къ историческимъ происшествіямъ, къ своимъ Государямъ, ко нравамъ и добродѣте-

лямъ, копорыя еуть природныя произраспѣнія
нашего Ошечества (*). «

Мы должны упомянуть о философическихъ
и нравственныхъ произведеніяхъ нашего Автора.
Здѣсь, болѣе нежели гдѣ нибудь, видна его душа
и горячія впечатлѣнія его сердца. Къ нему можно
примѣнить то, что Шиллеръ сказалъ о Маш-
писонѣ: » Тѣсное обращеніе съ Природою и съ
классическими образцами напитало его духъ, очи-
стило его вкусъ и сохранило его нравственную
грацію; пламенная и чистѣйшая любовь къ чело-
вѣчеству одушевляесть его произведенія, и всѣ
явленія Природы отражаются въ душѣ его со
всѣми оппѣнками, какъ въ тихомъ зеркалѣ во-
ды. « — Здѣсь находимъ мы самаго Автора, всту-
паемъ съ нимъ въ тѣсное знакомство. Искусство
человѣческое можетъ всему подражать, кромѣ дви-
женій добраго сердца. Вотъ истинная оригиналь-
ность нашего Автора! Онъ часно, какъ будто

(*) Любители Исторіи и Словесности ожидаютъ съ не-
терпѣніемъ полной Исторіи Русской того Писателя,
копорый показалъ намъ истинные образцы Русской
прозы, и въ прудолубивомъ молчаніи болѣе десяти
лѣтъ приготавлиаесть своему Ошечеству новое удо-
вольствие, новую славу. Его твореніе будетъ имѣть
непосредственное вліяніе на умы и болѣе всего на Сло-
весность.

прошивъ воли своей, обнажаетъ прекрасную душу и рѣдкую чувствительность; и болѣе всего въ опривѣхъ подъ названіемъ: *Просвѣщеніе* и *Роскошь*, гдѣ, описывая спранный характеръ Руссе, онъ гошовъ съ нимъ предасться сладоспной мечшательности; — въ спашѣхъ о *Блаженствѣ*, гдѣ онъ, опредѣляя щасіе, увлекается своимъ воображеніемъ, и опдыхаетъ въ пишинѣ сельской на лонѣ Природы, ему всегда любезной. Вы можете чипать его во всякое время, и въ шумѣ дѣятельной жизни, и въ пишинѣ уединенія; его слова подобны словамъ спараго друга, копорый, въ опкровенности сердечной говоря о себѣ, напоминаетъ вамъ собспвенную вашу жизнь, ваши спраши, печали, надежды и наслажденія. Онъ сообщаетъ вамъ пишину и ясность своей души и оспавляетъ въ памяти продолжительное воспоминаніе своей бесѣды. Однимъ словомъ, самое бремя печалей и заботъ — я занимаю его выраженіе — оппадаетъ по его упѣшительному гласу.

Въ *Забавахъ* воображенія, говоря о шомъ Государспвенномъ человѣхъ, копорый первый въ Россіи ознаменовалъ дни свои покровительствомъ опечеспвленныхъ Музъ, копораго имя должно быть драгоцѣнно позднему попомспву: ибо перейдетъ къ нему съ именами Ломоносова и Державина, — говоря о Шуваловѣ, Сочинитель продолжаетъ:

» Пріятно воспоминашь Государственнаго человека, который былъ чувствителенъ къ прелестямъ Письменъ, Поэзіи и Художествъ, и посреди сіянія знаменности и попеченій правленія, удостоивалъ взорами своими просвѣщеніе; какъ любимецъ Августа, или Кольбертъ, давалъ покровительство Научамъ, или призывалъ дарованія изъ чужихъ земель.« — Конечно иныя черты можно примѣнить къ нашему Автору, котораго память столь любезна и Художникамъ и Ученымъ. — Онъ посѣщалъ ихъ кабинеты, ихъ мастерскія; они искали въ немъ покровителя, и часто находили почительнаго друга. Имя его и до сихъ поръ почитенные Члены Московскаго Университета произносятъ со слезами живѣйшей благодарности. Незабвенное имя для сердецъ благородныхъ! Оно напоминаетъ Отечеству все гражданскія добродѣтели.

» Все то, что способствуетъ къ доставленію вкусу болѣе тонкости и разборчивости, « — прибавляетъ Сочинитель въ сплѣтъ о *Забавахъ* воображенія, изъ которой я выписываю сіи строки — »все то, что приводитъ въ совершенство чувствованія красоты въ Искусствахъ и Письменахъ, отводитъ насъ въ то же самое время отъ грубыхъ излишествъ спрасней, отъ неистовыхъ воспаленій глѣба, жестокости, корыстолюбія и

прочихъ подлыхъ наслажденій. Кто восхищается красотою Поэмы или расположеніемъ картины, не въ состояніи полагать благополучія въ нещастіи другихъ, въ шумныхъ сборищахъ безуспѣва или въ исканіи подлой корысти. Нѣжное сердце и просвѣщенный разумъ улаждающіеся возвышенными чувствованіями дружбы, великодушія и благоговѣтельности.» — Давно сказано было, что слогъ есть зеркало души, и опносительно къ нашему Автору, это совершенно справедливо. Слогъ его можно уподобить слогу Фенелона. Та же чистота и точность выраженій, стройность мыслей; то же сердечное, убѣдительное краснорѣчіе. Образованный въ училищѣ Древнихъ, его слогъ сохранилъ на себѣ ихъ печать неизгладимую: простоту, важность и приличіе.

Я не сдѣлаю ни одного замѣчанія на погрѣшности. Пускай другіе ищутъ ошибокъ грамматическихъ, галлицизмовъ и проч.

— Мы предоставимъ себѣ сладостное удовольствіе хвалить то, что достойно похвалы и самой разборчивой Критики, которая въ Словесности нашей болѣе приноситъ пользы, указывая на красоты, нежели порицая недоспѣшки ядовитымъ перомъ своимъ — и часто несправедливымъ.

Вамъ извѣстно, М. Г., что я многимъ обязанъ покойному Автору; но благодарность меня

не ослѣпляетъ. Я опирался на судъ людей просвѣщенныхъ, знамоковъ въ нашей Словесности, отдавая должную справедливостъ тому, что заслуживаетъ похвалы, и назову себя совершенно щастливымъ, если могъ бытъ, хотя слабымъ, но вѣрнымъ опголоскомъ ихъ мыслей и сужденій о томъ чловѣкѣ, копорого память будетъ мнѣ драгоцѣнна до позднихъ дней жизни, и украситъ ихъ горестнымъ и вмѣстѣ сладкимъ воспомина-
ніемъ прошедшаго! —

Долгомъ пославляю упомянутъ здѣсь о спихотворныхъ его произведеніяхъ. Многія изъ нихъ напечатаны были безъ имени Сочинителя въ разныхъ Журналахъ, и въ послѣдній разъ въ Собраніи Русскихъ Спихотвореній, изданныхъ Г. Жуковскимъ, копорый взялъ на себя трудъ, пересмотрѣвъ нѣсколько рукописей Автора, пригото-
вилъ ихъ для печати, особенно то, что не входило въ планъ книги, изданной въ Москвѣ въ 1810 году. Конечно любители Словесности ожидаютъ съ нетерпѣніемъ претъей части сочиненій Г. Муравьева, копорая будетъ состоятъ изъ его Спихотвореній. Желательно, М. Г., что бы вы сдѣлали нѣсколько замѣчаній на жизнь Автора: она любопытна не только для любителя Словесности, но и для каждаго друга добродѣтели. Истинному патриоту пріятно узнать нѣкоторыя об-

*

сподобивши жизни гражданина, принесшаго пользу Отечеству непрерывными трудами и перомъ своимъ: мы будемъ помнить сыновъ Россіи, прославившихъ Отечество на полѣ брани; Исторія вписываетъ уже имена ихъ въ свои скрижали; но должны ли мы забывать и тѣхъ согражданъ, которые, употребя всю жизнь свою для пользы нашей, оплечились гражданскими добродѣтелями и рѣдкими талантами? — Древніе, чувствительные ко всему прекрасному, ко всему полезному, имѣли два вѣнца: одинъ для воина, другой для гражданина. Плутархъ, описывая жизнь великихъ Полководцевъ, Царей и Законодателей, помѣшилъ между ими Гезіода и Пиндара. — Мы желаемъ отъ всей души, чтобы вы исполнили надежду нашу. Замѣчанія ваши на жизнь Г. Муравьева могутъ служить предисловіемъ къ предъидущей части полного собранія его сочиненій.

Списокъ твореній Г. Муравьева безъ сомнѣнія будутъ стоять на ряду съ лучшими его произведеніями въ прозѣ. Въ нихъ то же достоинство: Философія, которой источникъ чувствительное и доброе сердце; выборъ мыслей, образованныхъ прилежнымъ чтеніемъ Древнихъ; стройность и чистота слога. — Вотъ нѣсколько примѣровъ изъ Посланія къ покойному И. П. Тургеневу, достойному пріятелю Автора, котораго онъ любилъ и

уважалъ опъ самой юности. Наклонности и спра-
спы друзей были одинаковы: добродѣтель и пла-
менная любовь къ Музамъ. Онъ запечатлѣли ихъ
священный союзъ, который могла разрушить еди-
ная смерть. Посмотримъ, какъ Авторъ, описы-
вая въ своемъ Посланіи дѣшельнаго мудреца, до-
браго опца семейства, истиннаго патриота, лю-
бителя порядка и счастья ближнихъ, описываетъ
себя и друга своего.

Любовью истинны, любовью красны
Исполненъ духъ его, украшены мечты.
Искусства! васъ къ себѣ онъ въ помощь призываетъ;
Опъ зависши себя онъ въ вашу сѣнь скрываетъ;
Безъ гордости великъ, и важенъ безъ чиновъ,
На пользу общую всегда, вездѣ готовъ;
Онъ свято чтитъ родства священные союзы;
И чпобъ свободнымъ быть, пріемлетъ легки узы;
Внимательный супругъ и щастливый отецъ,
Онъ власпью облеченъ по выбору сердецъ; —
Щастливъ, кпо можетъ быть семейства благодѣтель!
Чпо нужды, домъ шому иль цѣлый міръ свидѣтель!
Таковъ Эмилій былъ, равно достойнъ хвалъ,
Какъ жилъ въ семьѣ своей, иль какъ при Каннахъ палъ.

Прекрасное начертаніе добродѣтельнаго и дѣ-
шельнаго мудреца! Прекрасный и щастливый
примѣръ! — Далѣе продолжаетъ Поэтъ:

Служишь Опечеству верховный душъ обшъ.
Нашъ долгъ — шуда спышишь, куда оно зоветъ.

Но если въ множествѣ ревнипелей ко славъ,
Мнѣ должно уступитъ; уже ли буду въ правѣ
Пренебреженною заслугой досаждашь?
Мнѣ только что — служишь; опчизнѣ — награждашь.
Изъ прехъ сошъ праздныхъ мѣстъ Спаршанскаго Совѣща
Народъ ни на одно не избралъ Педарета.
Хвала богамъ, сказалъ, народа не вина:
Есть пристра челоуѣкъ доспойнѣе меня.

Здѣсь каждая мысль можетъ служишь прави-
ломъ честному гражданину. И какая утѣшитель-
ная мудрость! Какое сладостное изліяніе чистой
и праведной души! Скажемъ болѣе съ однимъ изъ
лучшихъ нашихъ Писателей: Щасливъ тошъ,
кто могъ жишь, какъ писалъ, и писалъ, какъ
жилъ!

Полезнымъ можно бышь, не бывши знаменимымъ;
Срѣпають щастіе и по пропинкамъ скрытымъ.
Сей спарець, коего Виргилій воспѣвалъ,
Что близъ Таренша макъ и розы поливалъ,
И въ поздню ночь подъ кровъ склонялся домашній,
Спопы опягощаль некупленными брашны;
Онъ щастье въ хижинѣ конечно находилъ,
И пышныхъ богачей душей превосходилъ!

Тошъ испинно свободенъ, куда бы онъ ни
былъ брошенъ форпуною, куда бы онъ ни былъ
поставленъ людьми: управляшь ими или повино-
вашься, сіяшь въ вѣнцѣ или скрываешь себя въ

пусынѣ; пошѣ испинно щасливѣ, говоришѣ
нашѣ Поэшѣ въ слѣдѣ за Гораціемъ :

Кто щасья въ крайносяхъ всегда съ собою сходитъ;
Въ сіяніи не гордѣ, въ упадкѣ не унылѣ,
Въ самомъ себѣ свое величіе сокрылѣ.
Владыка чувствъ своихъ, ихъ бури усмиряешѣ,
И скуку жипія ученъемъ услаждаешѣ.

Въ другомъ Посланіи, въ копоромъ Авпоръ
болѣе предаешѣ игрѣ своего воображенія, мы на-
ходимъ блестящее изображеніе Вольпера,

Сего чудеснаго, спольшняго шалбера,
По превосходству мудреца,
Копорый говорилъ прекрасными спихами,
Къ копорому спихи въ успа входили сами....
Въ его привѣспвіяхъ не видѣнъ прудъ пѣвца —

Учшивость шонкаго Маркиза!
Замѣшше, что Маркизъ не могъ воспѣшъ бы Гиза,
Не могъ бы начерпашъ шеспидесяти лѣшъ

Въ Кишаѣ спрашнаго Чингиза;
Попомъ унизишъ свой прагическій полешъ.

Въ Маркизѣ де Вильсешъ,
И во власахъ съдыхъ бренчаешъ еще на лирѣ
Младья шалости, иль распворяшъ въ сапирѣ

Свой лицемѣрный слогъ;
Иль философшоваешъ съ величешвомъ о мірѣ,
О Міроздашелѣ: — Вольперъ все это могъ!
И славу ешарость велъ онъ съ зависшью у ногъ.

Превыше хвалѣ и порицаній.

Въ Парижѣ сколько восклицаній,
Когда явился онъ къ принятию вѣнца!
Великіе умы, красавицы, вельможи,
Придворныхъ легкій рой изъ Королевской ложи,
Плескали долго въ честь безсмертнаго творца!
За ними вся толпа плескала безъ конца! —

Такой - то нравился намъ въ обществѣ творецъ,
Который изжилъ бы во свѣтѣ лѣта юны,
И сдѣлался мудрецъ
Волненьями фортуны,
Открывшими ему излучины сердецъ.

Къ несчастію, говоритъ Поэтъ, прудно
былъ свѣтскимъ человѣкомъ и Писателемъ. Одно
вредишь другому:

Условья общества для мыслящаго — цѣпи!
А поэтъ, кто въ обществѣ свой выдержалъ искусь,
Зѣваетъ въ обхожденіи Музъ.

Въ наукѣ нравился учу я основанья;
Но старый ученикъ, не знаю ни аза,
И не задремлется со мной лоза,

Которой общество чинитъ увѣщанья.
Межъ тѣмъ замедлены успѣхи дарованья,
Что льстился въ юности имѣшь.

Замедлены?.. Я выражаюсь мало! —
Ихъ уничтожено въ душѣ моей начало;
Прелестна лѣнь поспавила мнѣ сънь,
Изъ коей я не выду.

Не бывъ Ринальдомъ, я нашелъ свою Армиду —
И въ лѣни сладостной забылъ искусство пѣнь.

Поэтомъ трудно быть, а легче офицеромъ —

Съ Дорашомъ я успѣлъ сравниться въ шомъ,

Что онъ, какъ я, былъ мушкетеромъ.

Часто въ стихахъ нашего Поэта видна сладкая задумчивость, истинный признакъ чувствительной и нѣжной души; часто, подобно Тибуллу и Горацию, сожалѣетъ онъ объ упрямѣ юности, объ упрямѣ пламенныхъ воспорговъ любви и безпредѣльныхъ желаній юнаго сердца, исполненнаго жизни и силы. Въ стихопвореніи подъ названіемъ *Муза*, обращаясь къ шайной подругѣ души своей, онъ дѣлаетъ ей нѣжные упреки:

Ты устро дней моихъ прилѣжно посѣщала:

Почто жъ печальная распространилась мгла,

И ясный полдень мой покрыва черной тѣнью?

Иль лавровъ по слѣдамъ швоимъ не соберу,

И въ пѣсняхъ не преиду къ другому поколѣнью,

Или я весь умру?

Нѣтъ, мы надѣмся, что сердце человѣческое безсмертно. Всѣ пламенные оппечашки его, въ щасшливыхъ стихахъ Поэта, побѣждають и самое время. Музы сохраняють въ своей памяти пѣсни своего любимца, и имя его перейдетъ къ другому поколѣнію съ именами, съ священными

именами мужей добродѣтельныхъ. Музы, взирая
на преждевременную его могилу, восклицають съ
Поэпомъ Манпуи...

Manibus date lilia plenis :

Purpureos spargam flores! —

С. Петербургъ, 1814 года.

VIII.

ПРОГУЛКА ВЪ АКАДЕМІЮ ХУДОЖЕСТВЪ.

Письмо стараго Московскаго жителя къ
пріятелю, въ деревню его Н.

Ты пребуешь опъ меня, мой спарый другъ,
продолженія моихъ прогулокъ по Пешербургу. По-
винуюсь тебѣ.

На эпопъ разъ я буду говоришь объ Акаде-
міи Художествъ, копорая, послѣ двадцапи-лѣт-
няго нашего описушсвія изъ Пешербурга, споль-
ко перемѣнилась... » Говори, говори объ Академіи
Художествъ! « такъ воскликнешь ты, начиная
чпеніе моего болшливаго письма: « Мы издавна
любили Живопись и Скульптуру, и въ швоемъ
маленькомъ домиѣ на Прѣснѣ (копорого шеперь
и слѣдовъ не ошалося!) мы часпо заводили жар-
кіе споры о головѣ Аполлона Бельведерскаго, о
мизинцѣ Гебы славнаго Кановы, о конѣ Пепра
Великаго, о кисти Рафаеля, Кореджіо, даже са-

маго Сальвадора Розы, Мурило, Койцеля и пр. Такъ — я во многомъ съ тобой соглашался, а ты ни въ чемъ со мною, а еще менѣе съ добрымъ живописцемъ Ализовымъ, съ товарищемъ славнаго Лосенкова, копорый часпо смѣшилъ и сердилъ насъ своимъ упрямствомъ и добродушіемъ. Мы спорили; время летѣло въ пріятныхъ разговорахъ. Щасливое, невозвратное время! Пожаръ Москвы поглотилъ и домикъ твой со всѣми дурными картинами и эстампами, копорые ты покупалъ за безцѣнокъ у торгашей на аукціонахъ, а въ Нѣмецкой слободѣ у опсавныхъ спрячкихъ; онъ поглотилъ маленькую Венеру, въ копорой ты находилъ нѣчто божественное, и бюстъ Вольтерова съ опбитымъ носомъ, и маленькаго Амура съ факеломъ, и бронзоваго Фавна, копораго Ализовъ опрылъ... будпо бы на развалинахъ какой-то бани близъ Неаполя, и копорымъ онъ приводилъ въ восхищеніе и тебя и меня и всѣхъ знакомыхъ нашего квартала. Пожаръ, немилосердый пожаръ поглотилъ даже акаціеву бесѣдку, съ красивыми скамейками, съ дубовымъ столомъ, на копоромъ мы, разливая чай, любовались прелесными видами: Москвой рѣкою, копорая извивается по лугу вокругъ стѣнъ и высокихъ башенъ Девичьяго Монастыря, Васильевскимъ, Воробьевыми горами съ пышными рощами — и закапомъ ве-

черняго солнца. Пожаръ поглотилъ наше убъжище. Но въ памяти моей оспалось воспоминаніе пвоей любви къ Изящнымъ Художеспвамъ, и охопы спорипъ, копорая конечно укропилась опъ времени, а болъе всего опъ полипическихъ обспояпельспвъ. — И такъ, говори объ Академіи Художеспвъ, о произведеніяхъ нашихъ арписповъ: я буду слушать съ удовольспвіемъ. Всякая новопъ изъ сполицы пріятна пуспыннику, копорый и на спароспи лъпъ еще пламенно любипъ Опечеспво, успъхи и славу согражданъ. « Вошъ, чпо пы скажешъ, развернувъ мое письмо. — Я начну мой рассказъ сначала, какъ начинаепъ обыкновенно болпливая спароспъ. Слушай.

Вчерашній день по ушпру, сидя у окна моего съ Винкельманомъ въ рукъ, я предался сладоспному мечпанію, въ копоромъ шебъ не могу дапъ совершенно опчепа; книга и чипанное мною было совершенно забыпо. Помню только, чпо взглянувъ на Неву, покрыпую судами, взглянувъ на великолъпную набережную, на копорую благодаря привычкъ, жипели Пешербургскіе смопряпъ холднымъ окомъ, — любуясь безчисленнымъ народомъ, копорый волновался подъ моими окнами, симъ чудеснымъ смъшеніемъ всъхъ націй, въ копоромъ я опличалъ Англичанъ и Азіапцовъ, Французовъ и Калмыковъ, Русскихъ и Финновъ, я сдъ-

лалъ себѣ слѣдующій вопросъ : что было на этомъ мѣстѣ до построения Пепербурга? Можетъ быть сосновая роща, сырой, дремучій боръ или топкое болото, поросшее мхомъ и брусникою : — ближе къ берегу — лачуга рыбака, кругомъ копорой развѣшены были мрежи, невода, и весь грубый снарядъ скуднаго промысла. Сюда, можетъ быть, съ трудомъ пробирался охотникъ, какойнибудь длинновласый Финнъ...

За ланью быспрой и рогапой,
Прицѣлясь къ ней спрълой периапой.

Здѣсь все было безмолвно. Рѣдко человѣчскій голосъ пробуждалъ молчаніе пустыни дикой, мрачной ; а нынѣ ? ... Я взглянулъ невольно на Троицкій мостъ, попомъ на хижину Великаго Монарха, къ копорой по справедливости можно примѣнить извѣстный стихъ :

Souvent un faible gland recèle un chêne immense !

И воображеніе мое представило мнѣ Пепра, копорый въ первый разъ обозрѣвалъ берега дикой Невы, нынѣ столь прекрасные ! — Изъ крѣпости Нюсканцъ еще гремѣли Шведскія пушки ; устье Невы еще было покрыто непріятелемъ, и частые ружейные выстрѣлы раздавались по бо-

лопнымъ берегамъ, когда великая мысль родилась въ умъ великаго человѣка. Здѣсь будетъ городъ, сказалъ онъ, чудо свѣша. Сюда призову всѣ Художества, всѣ Искусства. Здѣсь Художества, Искусства, гражданскія установленія и законы побѣдятъ самую Природу. Сказалъ — и Пепербургъ возникъ изъ дикаго болоша.

Съ какимъ удовольствіемъ я воображалъ себѣ Монарха, обозрѣвающего начальныя работы: здѣсь валъ крѣпости, тамъ магазины, фабрики, Адмиралтейство. Въ ожиданіи обѣдни въ праздничный день, или въ день торжества побѣды, Государь часто сиживалъ на новомъ валѣ съ планомъ города въ рукахъ, прошивъ крѣпостныхъ воровъ, украшенныхъ изваяніемъ Апостола Петра, изъ грубаго дерева. Именемъ Святаго долженъ былъ назваться городъ, и на жеспяной доскѣ, прибитой подъ его изваяніемъ, изображался славный въ лѣтописяхъ міра 1703 годъ Римскими цифрами. На ближнемъ башнионѣ развѣвался желтый флагъ съ большимъ чернымъ орломъ, который заключалъ въ когтяхъ своихъ чешыре моря, подвластныя Россіи. Здѣсь толпились вокругъ Монарха иностранные корабельщики, маэпрозы, Художники, Ученые, Полководцы, Воины; межъ ними, проспый рожденіемъ, великій умомъ, любимецъ Царскій Меншиковъ, великодушный Долго-

рукій, храбрый и дѣятельный Шереметьевъ и вся фаланга Героевъ, которые создали съ Пепромъ величіе Русскаго Царства....

Такимъ образомъ, погруженный въ мое мечпаніе, я не примѣнилъ, что двери комнапы опворились и сынъ моего спараго пріятеля Н., молодой, весьма искусной Художникъ, привѣщивовалъ меня съ добрымъ упромъ. Я пришелъ нарочно за вами, сказалъ онъ: сегодня Академія Художествъ опкрыша для любопытныхъ, и я гошовъ быль вашимъ пупеводишелемъ, вашимъ Чичероне, если угодно! — Вы увидите много хорошаго, полюбуешесь нѣкоторыми произведеніями Русскаго рѣзца и киши; о другихъ теперь ни слова. Посмотрите, продолжалъ онъ, опкрывая окно: какое прекрасное время! Весь городъ гуляеть, и мы съ полпой гуляющихъ непримѣннымъ образомъ пройдемъ въ Академію. Съ удовольствіемъ, опвѣчалъ я молодому человѣку: около двадцати лѣтъ я не видалъ Академіи, и какъ здѣсь все идееть исполнскими шагами къ совершенству, то надѣюсь, что и Художества приведуть меня въ пріятное изумленіе. Воптъ мой посохъ, моя шляпа — пойдемъ!

И въ самомъ дѣлѣ время было прекрасное. Ни малѣйшій вѣшерокъ не спруилъ поверхности

величественной, первой рѣки въ мірѣ, и я привѣтствовалъ мысленно богиню Невы словами Поэта:

Обпекай спокойно, плавно,
Горделивая Нева,
Государей зданье славно,
И пѣнишы острова.

Великолѣпныя зданія, позлащенные упренимъ солнцемъ, ярко отражались въ чистомъ зеркалѣ Невы, и мы оба единогласно воскликнули: какой городъ! какая рѣка! —

Единственный городъ! повторилъ молодой человекъ. Сколько предметовъ для кисти Художника! умѣй только выбирать. И какъ жаль, что мои товарищи мало пользуются собственнымъ богатствомъ; Живописцы перспективы охотнѣе пишутъ виды изъ Италіи и другихъ земель, нежели сіи очаровательные предметы. Я часто съ горестію смотрѣлъ, какъ въ прескучіе морозы они прудятся надъ пламеннымъ небомъ Неаполя, пираясь свое воображеніе — и часто взоры наши. Пейзажъ долженъ быть поразителенъ. Если онъ не совершенно похожъ на Природу, то что въ немъ? —

Надобно разспаться съ Петербургомъ — продолжалъ онъ — надобно разспаться на нѣкоторое время, надобно видѣть древнія столицы:

Часть I.

вѣпхій Парижъ, закопченный Лондонъ, чшобъ почувспвовашъ цѣну Петербурга. Смотрише — какое единспво! какъ всѣ часпи опвѣчаютъ цѣлому! какая красота зданій, какой вкусъ, и въ цѣломъ какое разнообразіе, происходящее опъ смѣшенія воды со зданіями. Взгляните на рѣшетку лѣшняго сада, кошорая опражаешся зеленью высокихъ липъ, вязовъ и дубовъ! Какая легкость и спройность въ ея рисунокъ! Я видѣлъ славную рѣшетку Тюльерійскаго замка, опягченную, раздавленную, такъ сказаъ, украшеніями — пиками, касками, профеями. Она безобразна въ сравненіи съ энпой.

Энпузіасмъ, съ копорымъ говорилъ молодой Художникъ, мнѣ весьма понравился. Я пожалъ у него руку и сказаъ ему: изъ тебя будетъ Художникъ! Не знаю, понялъ ли онъ мои пророческія слова, но посмопрѣвъ на меня съ улыбною удовольспвія, продолжалъ: взгляните шеперь на набережную, на сіи огромные дворцы — одинъ другаго величеспвеннѣе! на сіи дома — одинъ другаго красивѣе! Посмотрише на Васильевскій оспровъ, образующій преугольникъ, украшенный биржею, роспральными колоннами и гранишною набережною, съ прекрасными спусками и лѣспницами къ водѣ. Какъ величеспвенна и красива эта часпъ города! Вотъ произведеніе, доспойное То-

мона, сего неушомимаго иноспранца, копорый по-
свящилъ намъ свои дарованія, и сполько способ-
спвовалъ къ украшенію съверной Пальмиры! Те-
перь опъ биржи, съ какимъ удовольспвіемъ взоръ
мой слѣдуешъ вдоль береговъ, и шеряешся въ
шуманномъ опдаленіи между двухъ набережныхъ,
единспвенныхъ въ мірѣ! — Такъ, мой другъ, вос-
кликнулъ я, сколько чудесъ мы видимъ передъ со-
бою, и чудесъ созданныхъ въ споль короткое
время, въ спольшіе — въ одно спольшіе! Хвала
и честъ Великому Основапелю сего города! Хвала
и честъ Его Преемникамъ, копорые довершили
едва начашое Имъ, среди войнъ, внуспренныхъ и
внѣшнихъ раздоровъ. Хвала и честъ Александрѣ,
копорый болѣе всѣхъ, въ шеченіе своего царство-
ванія, украсилъ сполицу Съвера! И въ какія вре-
мена? Когда бремя и учасъ цѣлой Европы ле-
жали на Его сердцѣ, когда врагъ поглощалъ зем-
лю Русскую, когда мечъ и пламень безумца по-
жиралъ шо, что созидали вѣки!...

Разговаривая такимъ образомъ, мы подходили
къ Адмиралшейспву. Помню, скажешъ ты, по-
мню эшу безобразную длинную фабрику, окружен-
ную подъемными мостами, рвами глубокими, но
нечиспными, заваленными досками и бревнами. Оспа-
новисъ, почпенный мой пріапелъ! кто не былъ
двадцать лѣтъ въ Пешербургѣ, тотъ его конеч-

но не узнаешь; пошь увидишь новый городъ, новыхъ людей, новые обычаи, новые нравы. Вошь, что я повшоряю тебѣ ежедневно въ моихъ запискахъ. Адмиралтейство, перестроенное Захаровымъ, превратилось въ прекрасное зданіе, и составляетъ теперь украшеніе города. Прихошливые знапки недовольны спарымъ шпицомъ, который не соопвѣспивуетъ, по словамъ ихъ, новой колоннадѣ, — но за то колоннада и новые павильоны или опдѣльные флигели прелестны. Вокругъ сего зданія расположенъ сей прекрасный бульваръ, обсаженный липами, копорыя всѣ принялись и защищаютъ опъ солнечныхъ лучей. Прелестное, единспвенное гульбище, съ котораго можно видѣть все, что Пепербургъ имѣетъ величеспвеннаго и прекраснаго: Неву, Зимній Дворецъ, великолѣпные дома дворцовой площади, образующей полукружіе, Невскій проспектъ, Исакиевскую площадь, Конногвардейскій манежъ, который напоминаетъ Паршенонъ, прелестное спроеніе Г. Гваренги, Сенапъ, монументъ Петра I, и снова Неву съ ея набережными! —

Я хошьлъ опдохнуть, и мы съли на одну изъ лавокъ бульвара. Площадь была покрыта карешами, бульваръ гуляющими. Между тѣмъ, какъ я разсматривалъ знакомыя и незнакомыя лица, нѣкшо, человекъ пожилой и хворой, присѣлъ на

лавку возлѣ меня. — Черпы его мнѣ были знакомы, но время изгладило изъ моей памяти его имя.

Знакомый *незнакомецъ* глядѣлъ на меня пристально, минуша, двѣ, три... и наконецъ — я узналъ въ немъ Спарожилова. Какъ мы перемѣнились! воскликнули мы оба, глядя пристально другъ на друга. — » Какъ все перемѣнилось съ тѣхъ поръ, какъ я тебя видѣлъ здѣсь!« прибавилъ Спарожилъ съ тяжелымъ вздохомъ, оныя котораго морщины на его лбу сдѣлались еще глубже. Я не стану тебѣ говорить о вопросахъ, которые мы дѣлали въ запуски другъ другу: можешь ихъ легко угадать; скажу только, что нашъ старый знакомый, узнавъ намѣреніе наше посѣпить Академію, взглянулъ на часы, и сказалъ мнѣ: »Теперь еще рано; къ прему часамъ я могу посѣпить въ клубъ, гдѣ я долженъ пробовать новое вино и сказать мое мнѣніе на щепъ важнаго постановленія въ клубъ, о которомъ я размышлялъ цѣлое утро.« — Важность, съ которою онъ говорилъ, заставила насъ улыбнуться. Къ счастью Спарожилъ того не примѣшилъ и продолжалъ: »Прогулка мнѣ будетъ полезна, ибо сегодня солнце грѣетъ, какъ лѣтомъ. Я побреду съ вами въ Академію — вовсе не изъ любопытства; тамъ ничего хорошаго нѣтъ. Я давно недоволенъ нашими Художниками во всѣхъ родахъ — но мнѣ нужно

разсѣянiе, единспвенно разсѣянiе!« прибавилъ онъ, кашляя безпрестанно. —

Между тѣмъ, какъ мы идемъ медленными шагами въ Академію, соображаясь съ походкою подагрика, я скажу тебѣ мимоходомъ, что Спарожилъ, котораго мы знали въ молодости нашей столь блестящаго, столь веселаго, столь разсѣяннаго, нынѣ сдѣлался брюзгою, недовольнымъ, однимъ словомъ совершеннымъ образцомъ спараго холоспаго человѣка. Ты помнишь, что въ молодости онъ имѣлъ живой умъ, нѣкопорыя познанія, и большой навыкъ въ свѣтѣ. Нынѣ цвѣтъ ума его завялъ, прежняя живость исчезла, познанія, неусовершенныя безпрестанными прудами, изгладились или превратились въ закоренѣлыя предразсудки, и все остроуміе его погибло, какъ блестящій фейерверкъ. Конечно разсудокъ забылъ шепнуть ему: спарайся бышь полезенъ обществу! Недѣлательная жизнь, говоритъ мудрецъ Херонейскій, ослабляетъ тѣло и душу. Стоячая вода гниетъ; способности человѣка въ бездѣйствіи увядаютъ, и за молодостию невидимо крадется время:

Прійдутъ, прійдутъ часы тѣ скучны,

Когда твои ланиты тучны

Престанутъ Граціи трепать!

Тогда общество справедливою холодностію опмесишь тебѣ за то, что ты былъ его безплоднымъ членомъ. Спарожилъ, прожившій верпопрахомъ до нѣкотораго времени, проснулся въ сорокъ лѣтъ спарикомъ, съ подагрою, съ полураспороеннымъ имѣніемъ, безъ друга, безъ привязанностей сердечныхъ, копорыя составляютъ и мученіе и сладость жизни; онъ проснулся съ душевною пустошю, копорая превратилась въ эгоизмъ и мѣлочное самолюбіе. Ему все наскучило, онъ всѣмъ недоволенъ: въ его время и лучше веселились и лучше говорили и лучше писали. Трагедіи Княжнина, по его мнѣнію, лучше трагедій Озерова; Басни Сумарокова предпочитаетъ онъ Баснямъ Крылова, игру Сахаровой игрѣ Семеновой, и такъ далѣе. Какъ скучна нынѣшняя жизнь! говоритъ онъ; и этому повѣрить можно. За чѣмъ, спрашиваю я, за чѣмъ постоянно десять лѣтъ является онъ въ клубъ? Чтобы слушать, изобрѣтать или распускать городскія вѣспи или газетныя пайны, чтобы бранить нещадно все новое и прославлять любезную старину, отобѣдать и заснуть за чашкою кофе при спукѣ шаровъ и при единообразномъ щепѣ маркера, копорый наципавъ 48, ненавистнымъ числомъ напоминаетъ ему его лѣта. Сонный садится онъ въ карету и едва просыпается въ театрѣ при первомъ ударѣ смычка.

Разговаривая съ нимъ о старинѣ, копорую я выхвалялъ изъ снисхожденія, мы приближались къ Академіи.

Я долго любовался симъ зданіемъ, доспойнымъ Екашерины, покровительницы Наукъ и Художествъ. Здѣсь на каждомъ шагу просвѣщенный наприошъ долженъ благословлять память Монархини, копорая не сполько завоеваніями, сколько полезными заведеніями заслуживаетъ опъ признательнаго попомства имя Великой и Мудрой. Сколько полезныхъ людей приобрѣло общество чрезъ Академію Художествъ! Рѣдкое заведеніе у насъ въ Россіи принесло сполько пользы. Но чему приписать это? Постоянному и мудрому плану, копорому слѣдуетъ съ давняго времени начальство, и доспойному выбору вельможъ дѣятельныхъ и просвѣщенныхъ на мѣсто Президентское. Я спаръ уже; но при мысли о полезномъ дѣлѣ или учрежденіи для общества, чувствую, что сердце мое бьется живѣе, какъ у юноши, который не утратилъ еще прелестной способности чувствовать красоту истинно полезнаго, и предается первому движенію благородной души своей. Вспуная на лестницу, я готовъ былъ хвалить съ жаромъ Монархиню и нѣкопорыхъ вельможъ, покровителей опеческвенныхъ Музъ; но докучный Старожилъ воскликнулъ, съ трудомъ

переводя духъ и отдыхая на первыхъ ступеняхъ:
» Боже мой! какая крупная лѣспница! — и какъ
она узка, и какъ безобразна! — И къ чему эта
Венера съ Амазонками? Я никогда не былъ охот-
никъ до гипсовъ; лучше ничего или все — вопль
мое правило. Здѣсь надлежало бы пославить что
нибудь свое, произведеніе нашихъ Художниковъ и
пр. и проч.» — Толпа у дверей не позволила ему
окончивъ своего крипическаго замѣчанія, и мы
оспановились, весьма кспати, у двухъ превели-
кихъ Сашировъ, называемыхъ Теламонами или Ап-
ланшами (мужескія Каріатида). » Вопль украше-
ніе довольно странное, замѣпилъ молодой Худож-
никъ — и кошорое новѣйшіе Художники упопре-
бляли часно некспати, а болѣе всего въ Парижѣ.
Женскія Каріатида еще безобразнѣе мужескихъ.
Можно ли видѣть безъ отвращенія прекрасную
женщину, спрадающую подъ тягостнымъ бреме-
немъ, и съ необыкновеннымъ усиліемъ во всѣхъ
членахъ и мускулахъ поддерживающую цѣлое зда-
ніе или огромную часть онаго? Одно жеспокое
сердце можешь любить такого рода изображенія,
и за шѣмъ-то, можешь быть, Французскіе арпи-
сты, шайно угождая вкусу Наполеона, спавили
Каріатида вездѣ, гдѣ только можно было. Въ
нѣкошорыхъ его замкахъ, каждую дверь поддер-
живающъ двѣ спрадалицы. Въ самомъ Музеумѣ

ихъ множество. Здѣсь же сіи Каріатида причинны; ибо могутъ служить образцами любопытнымъ молодымъ Художникамъ.»

Мы вошли въ рошону, успановленную гипсовыми слѣпками съ антиковъ. » Вошъ Консулъ Бальбусъ, сказалъ мнѣ нашъ спутникъ, указывая на большого всадника. Подлинникъ спашуи найденъ въ Геркуланумѣ. « — » Но эта лошадь вовсе не красива. « . . . замѣнилъ Спарожилловъ молодому Арписпу, качая головою.

» Вы правы « — опивчалъ онъ — » конь не весьма спашенъ, корошокъ, высокъ на ногахъ, шея толстая, голова съ выпуклыми щеками, поворощъ ушей непріятный. То же самое замѣпише въ другой залѣ у славнаго коня Марка Аврелія. — Художники новѣйшіе съ большимъ искусствомъ изображаютъ коней. У насъ передъ глазами Фальконепово произведеніе, сей чудесный конь, живой, пламенный, спашный и споль смѣло поставленный, что одинъ иностранецъ, пораженный смѣлостію мысли, сказалъ мнѣ, указывая на коня Фальконепова: онъ скачетъ, какъ Россія! — Но я не смѣю мыслишь вслухъ о конѣ Бальбуса, боюсь, чтобы меня не подслушали нѣкоторые упрямые любители Древности. Вы себѣ представить не можете, что перяетъ въ ихъ мнѣніи молодой Художникъ, свободно мыслящій о нѣко-

порыхъ условныхъ красотахъ въ Изящныхъ Художествахъ.... Пойдемте далѣе.»

Мы вошли въ другую залу, гдѣ находяшся слѣпки съ неподражаемыхъ произведеній рѣзца у Грековъ и Римлянъ. Прекрасное наслѣдіе Древности, драгоцѣнные оспатки, которые яснѣе всѣхъ Испориковъ свидѣтельствуютъ о просвѣщеніи Древнихъ; въ нихъ-то искусство есть, такъ сказать, опголосокъ глубокихъ познаній Природы, спраспей и человѣческаго сердца. Какое истинное богатство, какое разнообразіе! Здѣсь вы видите Геркулеса Фарнезскаго, образецъ силы душевной и тѣлесной. Вотъ умирающій боецъ или варваръ; вотъ комическій Поэтъ и неподобный Фаунъ. Здѣсь прекрасныя группы: Лаокоонъ съ дѣтьми — драматическое твореніе рѣзца неизвѣстнаго! — Вотъ Арія и Пешусъ, и семейство несчастной Ніобы. Здѣсь вы видите Венеру, образецъ всего красивѣйшаго, однимъ словомъ: Венеру Медицисъ. Вотъ цѣлый рядъ колосальныхъ бюстовъ Юпитера Олимпійскаго,

Кпо маніемъ бровей колеблетъ неба сводъ,

Юноны, Менелая, Аякса, Кесаря и проч. И наконецъ, я спрашиваю себя, опъ чего сердце мое забилося сильнѣе?

Наполнилъ грудь воспоргъ священный,
Благоговѣйный обнялъ спрахъ,
Пріятный ужасъ пощаенный
Течешъ во всѣхъ моихъ косняхъ;
Въ весельи сердце упоаешъ,
Какъ будпо бога ощущаешъ,
Присупспвующаго со мной!...
Я вижу, вижу Аполлона
Въ пошъ мигъ, какъ онъ сразилъ Пнеона
Божеспвенной своей спрѣлой!
Зубчапа молнія сверкаешъ,
Звенишъ въ рукъ спущенный лукъ,
Ужасная змія зіяешъ
И вмигъ свой выпускаешъ духъ.

Вопъ сей божеспвенный Аполлонъ, прекра-
сный богъ Спихопворцевъ! Взирая на сіе чудес-
ное произведеніе искуспва, я вспоминаю слова
Винкельмана. » Я забываю вселенную« — говоришъ
онъ—»взирая на Аполлона; я самъ принимаю бла-
городиѣйшую осанку, чшобы доспойнѣ созерцашъ
его.« — Имѣя споль прекраснаго бога покрови-
телемъ, мудроно ли, спрашиваю васъ, мудроно ли,
чшо одинъ изъ нашихъ Поэповъ воскликнулъ
однажды въ припадкѣ піипической гордоспи:

Я съ возвышенною вездѣ хожу главою! —

»Вопъ наши сокровища« — сказалъ Художникъ
Н., указывая на Аполлона и другіе анпики—»вопъ

испочникъ нашихъ дарованій, нашихъ познаній, истинное богатство нашей Академіи; богатство, на которомъ основаны всѣ успѣхи бывшихъ, нынѣшнихъ и будущихъ воспитанниковъ. Примите у насъ это драгоценное собраніе, и скажите, какіе бы мы сдѣлали успѣхи въ Живописи и въ Ваяніи? — Надобно желать, чтобъ оно еще было удвоено, упрощено. Здѣсь многого недоспаетъ; но то, что есть, прекрасно: ибо слѣпки вѣрны и могутъ удовлетворить самого строгого наблюдателя Древности.»

Пройдя двѣ небольшія залы, мы увидѣли толпу зрителей передъ большою картиною. Вотъ новая картина Г. Егорова! Одно имя сего почтеннаго Академика возбуждаетъ свое любопытство.... И такъ, я перескажу опъ слова до слова сужденіе о его новой картинѣ, то есть, то, что я слушалъ въ глубокомъ молчаніи. —

»Подойдемте поближе, сказалъ Спарожиковъ, надѣвая съ комическою важностію очки свои. Я немного слышался объ этомъ Художникъ.» —

Художникъ изобразилъ испязаніе Христа въ пещицѣ. — Четыре фигуры выше человеческого роста. Главная изъ нихъ Спаситель, передъ каменнымъ столпомъ, съ связанными назадъ руками, и при мучицѣ, изъ которыхъ одинъ прикрѣпляетъ веревку къ столпу, другой снимаетъ ризы,

покрывающія Искушителя, и въ одной рукѣ держишь пукъ розогъ, прешій воинъ кажешся, дѣлаешь упреки Божественному Справдальцу; но рѣшительно опредѣлишь намѣреніе Архиста весьма прудно, хотя онъ и старался дать сильное выраженіе лицу война, — можетъ быть, для противуположности съ фигурою Христа.

«Посмотрите» — сказалъ намъ молодой Художникъ — «какъ шуловище Христа нарисовано правильно, просто и благородно. Кажется, что глубокій вздохъ готовъ вырваться изъ подъяшой груди его.» — «Но лицо не соотвѣтствуетъ красотѣ всего тѣла» — возразилъ Старожилъ — «признайтесь сами, что глаза его слишкомъ велики; въ нихъ нѣтъ ничего божественнаго.» — «Я съ вами не совсѣмъ согласенъ: положеніе головы прекрасно, и въ лицѣ вы видите сильное выраженіе спраданія, горести и покорности воли Отца Небеснаго.» — «Къ сожалѣнію, эта фигура напоминаетъ изображеніе Христа и другихъ Живописцевъ, и я напрасно ищу во всей картинѣ оригинальности, чего-то новаго, необыкновеннаго, однимъ словомъ своей мысли, а не чужой.» — «Вы правы, хотя несовершенно: эпошъ предметъ былъ написанъ нѣсколько разъ. Но какая въ томъ нужда? Рубенсъ и Пуссенъ каждый писали его по своему, и если картина Егорова уступаетъ Пус-

сеновой, то конечно выше картины Рубенсовой... «
— Какъ, что нужды? Пуссенъ и Рубенсъ писали
испязаніе Христово: шѣмъ я строже буду су-
дить Художника, шѣмъ я буду прихотливѣе. Еслибъ
какой нибудь, впрочемъ и весьма искусный Живо-
писецъ, вздумалъ написать картину Преображе-
нія, я сказалъ бы ему: конечно вы не видали кар-
тины Рафаелевой? Еслибъ Поэтъ вздумалъ напи-
сать намъ Ифигенію въ Авлидѣ, я сказалъ бы
ему: ее написалъ Расинъ прежде тебя; и шакъ
далѣе. « — » Но признайшесь, по крайней мѣрѣ,
что мучитель, прикрѣпляющій веревку, которою
связаны руки Христа, написанъ прекрасно, пра-
вильно и можетъ назваться образцемъ рисунка.
Онъ ясно доказываетъ, сколько Г. Егоровъ силенъ
въ рисунокѣ, сколько ему извѣстна анапомія чело-
вѣческаго шѣла. Вотъ оригинальность нашего
Живописца! « — » Это все справедливо; но къ
чему усиліе сего чловѣка? Чпобы зашпануть узелъ?
Я вижу, что Живописецъ хотѣлъ написать Ака-
демическую фигуру, и написалъ ее прекрасно; но
я не однѣхъ побѣжденных шрудностей ищу въ
картинѣ. Я ищу въ ней болѣе: я ищу въ ней
пищи для ума, для сердца; желаю, чпобъ она
сдѣлала на меня сильное впечатлѣніе; чпобъ она
оставила въ сердцѣ моемъ продолжительное вос-
поминаніе, подобно прекрасному драматическому

представленію, если изображаетъ предметъ важный, прогашельный. Къ тому же согласишесь, что другой мучитель поставленъ дурно. А воинъ?... онъ вовсе лишній, онъ ни на кого не глядитъ... хотя глаза его опверсны необыкновеннымъ образомъ. Къ чему, спрашиваю васъ, на Римскомъ воинѣ шлемъ съ змѣемъ, и почему въ темницѣ Христовой лежатъ желѣзная рукавица? Ихъ начали употреблять десять вѣковъ, или болѣе — послѣ Рождества Христова; не значить ли это....»

«Конечно такъ!» сказалъ Спарожилу какой-то незнакомецъ, который долго вслушивался въ разговоръ (мы приняли его за Художника) — «конечно такъ! — Если Художники наши будутъ болѣе читать и разсматривать прилѣжныя книги, въ которыхъ представлены обряды, одежды и вооруженіе древнихъ, то подобныхъ анахронизмовъ дѣлать не будутъ.» — «Но признайшесь, Государь мой, признайшесь, опложа всякое пристрастіе, что эта картина общаетъ дальнѣйшіе успѣхи. Если обстоятельство, которое часто не благопріятствовало нашимъ Архиснамъ, если обстоятельство позволятъ ей Живописцу заниматься постоянно сочиненіемъ большихъ картинъ: то можно ожидать, что онъ, утвердись въ выборѣ, въ употребленіи и согласованіи красокъ и познакомясь со многими механическими прие-

мами (шайны, копорыя долженъ угадывать Художникъ въ живописномъ дѣлѣ), при твердой, правильной и красивой его рисовкѣ, при изобрѣтательномъ и благоразумномъ дарованіи, со временемъ не уступитъ лучшимъ Живописцамъ Италіанской, Французской и Испанской школы. «

Будучи опъ природы снисходительнѣе, и любя наслаждаться всѣмъ прекраснымъ, я съ большимъ удовольствіемъ смотрѣлъ на картину Г. Егорова и сказалъ мысленно: » Вотъ Художникъ, копорый приноситъ честь Академіи, и копорымъ мы Русскіе, можемъ справедливо гордиться. « —

Въ слѣдующихъ комнатахъ продолжались выставки и по большей части молодыхъ воспитанниковъ Академіи. — Я смотрѣлъ съ любопытствомъ на ландшафтъ, изображающій видъ окрестностей Шафгаузена, и хижину, въ копорой Государь Императоръ съ Великою Княгинею Екатериною Павловною угощены новымъ Филемономъ и Бавкидою. Вдали видно паденіе Рейна, не весьма удачно написанное.

Въ той же самой комнатѣ проэкты на Соборную церковь и два проекта для монумента изъ опнятыхъ у непріятеля пушекъ: оба не соотвѣтствуютъ прекрасной и высокой мысли. — Вотъ празднованіе Пасхи въ Парижѣ, Александромъ и его побѣдоносными войсками. Какой пред-

мешъ для папріюша! Съ какимъ чиспѣйшимъ удовольствіемъ смопрѣлъ я на эту каршину! Толпы народа и войска предспавлены ясно; — но я замѣшилъ, что цвѣтъ неба и облаковъ холоденъ и тяжель.

Множесство зрительей всякаго званія толпились передъ большою каршиною, изображающею Христа съ учениками и блудницею. Одни хвалили съ жаромъ, другіе осуждали. *De gustibus non est disputandum!* »Видно, что Живописецъ« — сказалъ намъ молодой нашъ пупеводитель — »Живописецъ, скупый на искусство и вкусъ, не пощадилъ полошна, розовой и голубой краски.« — »И времени« — прибавилъ Старожилъ — »Вы видите здѣсь и другую каршину — Венеру розовую, на голубомъ полѣ, съ голубками и съ Купидономъ! неудачное подражаніе Тиціану, или Кишайскимъ карпинамъ безъ пѣней; Венеру, копорая не имѣетъ ни малѣйшаго сходства съ Венерою Омера, Овидія или Лукреція, но живымъ образомъ напоминаетъ намъ какую нибудь богиню изъ шупочной поэмы Майкова или изъ Энеиды, вывороченной на изнанку. Вы видите тамъ, на другой стѣнѣ, пріумфъ Государя, наподобіе Рубенса. — Теперь взгляните на этого больнаго старика съ факеломъ, подражаніе Жирару дела Ношше, и признайтесь, что эти Живописцы въ своемъ подра-

жаніи оригинальны. Они-то могутъ назваться со временемъ основапелями новой Ипаліанской школы, la Scuola Petroborghese, и зашмишь своею чудесною кистію славу своихъ соотечественниковъ — славу Рафаеля, Кореджіо, Тиціана, Альбана и пр.

Пускай глаза наши, ослѣпленные яркими красками сихъ живописей, на копорыхъ Нюшонъ могъ бы открыть всѣ преломленія луча солнечнаго, пускай глаза наши отдохнутъ на произведеніи Г. Есакова. Вотъ его рѣзные камни: одинъ изображаетъ Геркулеса, бросающаго Іоласа въ море, другой Кіевлянина переплывавшаго Днѣпръ. Большая швердосць въ рисунокъ! — Пожелаемъ искусному Художнику (*) болѣе навыка, бекъ котораго нѣтъ легкости и свободы въ отдѣлкѣ мѣлкихъ часшей. Смѣлости у него довольно; а знаній? . . . »Вѣкъ живи, вѣкъ учись« — сказалъ Спарожилловъ. — »Согласишесь однакоже« — шепнулъ онъ молодому Художнику — »согласишесь, что кромѣ картины Егорова, мы ничего еще не видали совершеннаго или — близкаго къ совершенству.«

»Можетъ быть!« — отвѣчалъ онъ — »но прошу васъ взглянуть на рисунокъ Ушкина. Это нѣтъ превосходный рисунокъ, какъ вы видите, изобра-

(*) Пожалѣемъ объ этомъ искусномъ Художникѣ: ранняя смерть похишила съ нимъ хорошія надежды. Изд.

жаешь Свящую фамилию съ Гвидо Рени; другой рисунокъ — портретъ Князя Александра Борисовича Куракина, и съ него гравированный портретъ сего вельможи.» «Вопъ истинное искусство!» сказалъ Спарожиковъ, измѣняя своему прекрасному правилу: *Nil admirari*. — Г. Ушкинъ, извѣстный и уважаемый въ Парижѣ, можетъ спастъ на ряду съ лучшими граверами въ Европѣ. Конечно и въ Опечесствѣ своемъ найдетъ онъ людей просвѣщенныхъ, достойныхъ цѣнишелей его рѣдкаго таланта!

Но съ какимъ удовольствіемъ смотрѣли мы на портреты Г. Кипренскаго, любимаго Живописца нашей Публики! Правильная и необыкновенная пріятность въ его рисунокѣ, свѣжесть, согласіе и живость красокъ — все доказываетъ его дарованіе, умъ и вкусъ нѣжный, образованный (*).

(*) Въ собраніи портретовъ Г. Кипренскаго, по важности предмета и по отдѣлкѣ, занимаютъ первое мѣсто два портрета Великихъ Князей Николая Павловича и Михаила Павловича. — Голова шарика съ сѣдою бородою, или образецъ для Апостольской головы; — имъ же гравированный портретъ и весьма схожій славнаго Актера Дмиревскаго, и рисованный чернымъ карандашемъ — Фигнера, славнаго Соглядатая нашей арміи, о которомъ можно сказать, что Тассъ говорилъ о Вафринѣ...

Спарожилъ, къ удивленію нашему, плѣнил-
ся масперскою его кистью, и опрывъ въ своей
памяти два Италіянскіе стиха, сказалъ ихъ съ
необыкновенною живоспію....

Manca il parlar, di vivo altro non chiedi.

Me manca questo ancor, s'agli occhi credi.

» Видише ли «— продолжалъ онъ — »видише ли, какъ
образующія наши Живописцы? Скажите, чѣмъ
былъ Г. Кипренскій, еслибъ онъ не ѣздилъ въ
Парижъ, если бы.... «— »Онъ не былъ еще въ Па-
рижъ, ни въ Римъ, опивчалъ ему Художникъ.«—

...per dritto sentier tra regie porte

Trapassa; e or dimanda, e or risponde.

A dimande, e risposte astute, e pronte

Accoppia baldanzosa, audace fronte.

Di qua, di là sollecito s'aggira

Per le vie, per le piazze, e per le tende.

I guerrier, i destrier, l'arme rimira;

L'arti e gli ordini osserva, e i nomi apprende.

Né di ciò pago a maggior cose aspira;

Spia occulti disegni, e parte intende.

Tando s'avvolge, e così destro, a piano....

То есть: „Прямымъ путемъ проходитъ чрезъ врата
Царскія; дѣлаетъ вопросы, даетъ отвѣты. Хитрымъ
вопросамъ и быстрымъ отвѣтамъ соотвѣстствуетъ
его смѣлое и гордое чело. Туда и сюда проходитъ
шоропливыми шагами, чрезъ пути и площади между

«Это удивительно! удивительно!» повторилъ Старожилъ. — «Почему? Развѣ нѣтъ образцевъ и здѣсь для портретнаго Живописца? Развѣ Эрмишакъ закрытъ для любопытнаго, а особенно для Художника? Развѣ не позволяется Художнику списывать тамъ портреты съ Вандика, Пейзажисту учиться надъ богатымъ собраніемъ картинъ единственныхъ въ своемъ родѣ? Или вы думаете, что нуженъ непременно воздухъ Римскій для Архиста, для любителя Древности; что ему нужно долгое время пребываніе въ Парижѣ? Въ Парижѣ? — Согласенъ; но сколько дарованій погибло въ этой Столицѣ? Разсѣяніе, всѣ прелести свѣта, не только препятствовали развитію дарованія, но губили его на вѣки.»

шапровъ непріятельскихъ. Осматривая ряды воиновъ, коней и оружія, замѣчаетъ порядокъ, искусство воиновъ; познаетъ ихъ имена. Сего недовольно: онъ стремится къ высшей цѣли; проникаетъ въ тайные замыслы и хитрости намѣренія враговъ....

Нашъ Фигнеръ шарцемъ въ спанъ враговъ

Идетъ во мракъ ночи:

Какъ тѣнь прокрался вокругъ шапровъ,

Все зрѣли быстрые очи.

И спанъ еще въ глубокомъ снѣ,

День свѣтлый не проглянулъ,

А онъ ужъ выпялъ на конѣ,

Уже съ дружиной грянулъ....

Жуковский.

Воптъ Московскіе виды, сказалъ молодой Художникъ, указывая на карпины, изображающія Каменный мостъ, Кремль и проч. съ большою ищиною и искуссвомъ. — Какія воспоминанія для Московскаго жишеля! Разсмапривая живопись, я погрузился въ сладоспное мечпаніе, и гошовъ былъ воскликнуть почти то же, что Эней у Гелена, въ долинахъ Хаонейскихъ, гдѣ все чудеснымъ образомъ напоминало изгнаннику его священную Трою, рощи, луга и испочники родины незабвенной (*): я гошовъ былъ сказаъ моимъ шоварищамъ :

Что мапушки Москвы и краше и миле?

Но Спарожиловъ разсъялъ воспоминаніе о древней бѣлокаменной Сполицѣ громкимъ и непрерывнымъ смѣхомъ, разсмапривая чудесныя мозаики, въ той же комнапѣ выпавленные. — Я взглянулъ на нихъ съ негодованіемъ, пожалъ плечами, и пошелъ въ другую комнапу, гдѣ ожидалъ насъ поршрешъ покойнаго Гр. А. С. Спроганова, писанный Г. Варникомъ. Вокругъ него мы нашли толпу зришелей :

*) *Procedo, et parvam Trojam, simulata que magnis Pergama, et arentem Xanthi cognomine rivum, Agnosco, Scaeaque amplector limina portae.*

одни хвалили смѣлоспъ кисти, ошдѣлку плашья, бѣлаго глазеша, и весь рисунокъ каршины; другіе напрошивъ того, ушверждали, что краски вообще тусклы, ошдѣлка груба, нешщательна и пр. и пр. и пр.; а я восхищася удивительнымъ сходспвомъ лица.

»Такъ, эшо онъ! точно онъ!« сказаль какой-то пожилой человекъ нашему пушеводишелю. — »Эта прекрасная каршина Г. Варника возбуждаешъ въ моей памяти тысячу гореспныхъ и сладкихъ воспоминаній! Она живо предспавляешъ лице покойнаго Графа, сего просвѣщеннаго покровишеля и друга Наукъ и Художеспвъ, вельможу, котораго мы будемъ всегда оплакивашъ, какъ дѣши нѣжнаго и попечишельнаго ошца. Полезные совѣшы, леспное одобреніе знапока, рѣдкое добродушіе, испиинный признакъ великой и прекрасной души, желаніе бышъ полезнымъ каждому изъ насъ, пламенная, но просвѣщенная любовь къ Ошечеспву, любовь ко всему, что можешъ возвысишъ его славу и сіяніе: вошъ чѣмъ ошличался почпенный Президентиъ нашей Академіи, вошъ что мы будемъ воспоминашъ со слезами вѣчной признашельности, и что искусная кистъ Г. Варника споль живо напоминаешъ всѣмъ Академикамъ, которые имѣли щаспие пользовашъ покровишельспвомъ любезишйшаго и добрѣйшаго изъ людей. Чершы,

незабвенныя черты нашего Мецената будутъ намъ всегда драгоцѣнны!»

Художникъ говорилъ съ большимъ жаромъ, и слезы навернулись на его глазахъ. Я былъ внѣ себя отъ радости: ибо я раздѣлялъ вполне его чувства. Самъ Спарожиковъ былъ пронутъ и долго стоялъ въ молчаніи предъ почтеннымъ лицомъ почтеннаго старца, пресмартлаго Неспора Искусства, истиннаго образца людей государственныхъ; вельможи, который доказалъ краснорѣчивымъ примѣромъ цѣлой жизни, что вышній санъ заимствуетъ прочное сіяніе не отъ богатства и почестей наружныхъ, но отъ истиннаго, неотъемлемаго достоинства души, ума и сердца.

Долго сладкое впечатлѣніе оставалось въ моей душѣ, и я, занятый разговоромъ почтеннаго Художника, прошелъ безъ вниманія мимо нѣсколькихъ картинъ ученической работы иностранцевъ, которые на сей разъ, какъ будто нарочно согласились уступить безспорно преимущество нашимъ Художникамъ, выставя безобразныя и уродливыя произведенія своей кисти. Мы остановились у подножія Актеона (изобрѣшенія Г. Мартоса), большой спашуи, отлитой для Гр. Н. П. Румянцева Г. Екимовымъ: прекрасное произведеніе Русскихъ Художниковъ! Замѣшше, сказалъ намъ услужливый пушеводишель нашъ, замѣшше, что ли-

пейное искусство сдѣлало большой шагъ въ Россіи, подъ руководствомъ Г. Екимова (*).

Картина Г. Куршеля: Спартанецъ при Оермопилахъ, привлекла наше вниманіе. Прекрасный юноша, сразившійся за свободу Греціи, умираетъ одинъ, безъ помощи, безъ друга, въ мѣстахъ пустынныхъ. Кровавый долгъ Спартъ опданъ, оружіе избило, кровь пролила ручьями изъ ранъ глубокихъ и смертельныхъ, и послѣднія минуны убѣгающей жизни принадлежатъ ему: послѣдніе взоры, исполненные спраданія и любви, усмремлены на медальонъ, изображающій черны ему любезныя. Вотъ прекрасная мысль, сказалъ я моимъ товарищамъ, и выраженная масперскою кистію. Но они замѣтили, и справедливо, что въ фигурѣ нѣтъ ни соразмѣрности, ни согласія. — »Эпопуловище небольшого Фавна, приспавленное къ ногамъ Боргезскаго борца« — сказалъ молодой Ху-

(*) Опилкая Г. Екимовымъ фигура Актеона, по разобраніи формы, не была ни опилена, ни опчеканена; но опилие оной такъ совершенно, что по опилии путцевъ, чрезъ копорые печетъ въ форму расплопленный мешалъ, оспалось только всю фигуру пройли пескомъ, для того, чтобъ ей дать общій цвѣтъ. Хвала Г. Екимову, особливо за удачное во всѣхъ частяхъ опилие колосальныхъ спашуй для Казанскаго Собора, также конченныхъ безъ чеканки!

дожникъ. Конечно много истины въ выраженіи лица и мерзвостности другихъ членовъ; но, признаюсь вамъ, я не охотно смотрю на подобныя сему изображенія! И можно ли спокойно на картины Давида и школы, имъ образованной, которая напоминаетъ намъ одни ужасы революціи: терзаніе умирающихъ насильственной смертію, оцепенѣніе глазъ, прелещущія, поблѣднѣлыя уста, глубокія раны, судороги — однимъ словомъ, ужасную побѣду смерти надъ жизнью. Согласенъ съ вами, что это представлено съ болѣзною живостию; но эта самая истина отвратительна, какъ нѣкоторыя истины, изъ Природы почерпнутыя, которыя не могутъ быть приняты въ картину, въ статуу, въ Поэмъ и на театрѣ.

Разговаривая такимъ образомъ, мы оставили Академію. — Если мое письмо не наскучило пуспынвику, то я сообщу вамъ продолженіе нашей прогулки и разговора о Художествахъ. Прости до первой почты.

N. N.

P. S. На третій день моей прогулки въ Академію, я кончилъ мое письмо къ вамъ, и готовъ былъ его запечатать, какъ вдругъ мнѣ пришла на умъ слѣдующая мысль: Если кто нибудь прочитаетъ то, что я сообщалъ пріятелю въ оп-

кровенной бесѣдѣ?.... »Что нужды!«— отвѣчалъ молодой Художникъ Н., кошорому я прочиталъ мое письмо— »Что нужды? Развѣ вы обидѣли кого нибудь изъ Художниковъ, доспойныхъ уваженія? Выспавя каршину для глазъ цѣлаго города, развѣ Художникъ не подвергаетъ себя похвалѣ и кришикѣ добровольно? Одинъ маляръ гнѣвается за сужденіе знашока или любипеля; испинный талантъ не спрашитъ крипики: напрошивъ того, онъ любиптъ ее, онъ уважаетъ ее, какъ испинную, единспвенную пупеводипельницу къ совершенспву. Знаете ли, что убиваетъ дарованіе, особливо если оно доспалось въ удѣлѣ человѣку безъ пвердаго характера? Хладнокровіе общеспва: оно ужаснѣе всего! Какія сокровища могутъ замѣнитъ леспное одобреніе людей чувспвипельныхъ къ прелеспямъ Искусспвъ! Одинъ богатой невѣжда заказалъ каршину моему пріятелю; каршина была написана, и Художникъ получилъ кучу золоша.... Повѣрите ли, онъ былъ въ опчаяніи. Ты недоволенъ плашою? спросилъ я. — О нѣтъ! я награжденъ слишкомъ щедро! — Что же огорчаетъ тебя? — Ахъ, любезный другъ, моя каршина доспалась невѣждѣ и сгніетъ въ его кабинетѣ: что мнѣ въ золоштѣ безъ славы! Въ Парижѣ Художники знаютъ свою выгоду. Они живутъ въ пѣсной связи съ Писапелями, кошо-

рые за нихъ сражающся съ Журналистами, съ знапоками и любипелями, и проливающъ за нихъ испочники чернилъ. Двѣ, при недѣли, часпо мѣсяцъ занимающъ они Публику послѣ перваго выставленія картинъ.» — »Это все справедливо; но я могъ ошибаться.» — »Чпо нужды, если безъ намѣренія!“ — „Но я упопребилъ въ моемъ письмѣ новыя выраженія, напрымѣръ: *механической пріемъ* (въ живописномъ дѣлѣ), желая изъяснить то, что Французы называютъ *le faire*, и боюсь...” — „Пускай другіе переведутъ лучше, исправнѣе; у насъ еще не было своего Менгса, копорый открылъ бы намъ тайны своего Искусства, и къ Искусству Живописи, присоединилъ другое, споль же трудное: искусство изъяснять свои мысли. У насъ не было Винкельмана... Но запечатайте, запечатайте письмо: его никто не прочишаетъ!“ повпорялъ Художникъ съ хипрою улыбкою. И его слова успокоили меня, хопя несовершенно. — Признаюсь тебѣ, любезный другъ, я боюсь огорчить нашихъ Художниковъ, копорые не рѣдко до того проспирающъ ревность къ своей славѣ, чпо малѣйшую крипику, самую умѣренную, самую оспорожную, почишающъ личнымъ оскорбленіемъ.

IX.

ОТРЫВОКЪ

ИЗЪ ПИСЕМЪ РУССКАГО ОФИЦЕРА

О ФИНЛЯНДІИ.

Я видѣлъ спрану, близкую къ Полюсу, сосѣд-
ною Гиперборейскому морю, гдѣ Природа бѣдна
и угрюма, гдѣ солнце грѣетъ постоянно — толь-
ко въ печеніе двухъ мѣсяцовъ; но гдѣ, также
какъ въ спранахъ благословенныхъ Природою, лю-
ди могутъ находить щастіе. Я видѣлъ Финлян-
дію отъ береговъ Кюменя до шумной Улен, въ
бурное, военное время, и спѣшу сообщить тебѣ
глубокія впечатлѣнія, оставшіяся въ душѣ моей,
при видѣ новой земли, дикой, но прелестной и
въ дикости своей. Здѣсь повсюду земля кажется
видѣ опустошенія и безплодія, повсюду мрачна и
угрюма (*). Здѣсь льто продолжается не болѣе
шести недѣль, бури и непогоды царствуютъ въ

(*) Особенно въ старой Финляндіи.

печеніе девяти мѣсяцевъ, осень ужасная, и самая весна не рѣдко принимаетъ видъ мрачной осени; куда ни обратишь взоры, вездѣ, вездѣ встрѣчаешь или воды, или камни. Здѣсь глубокія, длинныя озера омываютъ волнами утесы гранишныя, на которыхъ вѣтеръ съ шумомъ качаетъ сосновыя рощи; тамъ цѣлыя развалины древнихъ гранишныхъ горъ, обрушенныхъ подземнымъ огнемъ или разлишемъ океана. Въ концѣ Апрѣля начинается весна; — снѣгъ таетъ поспѣшно, и испочники, образованные имъ на горахъ, съ шумомъ и съ пѣною низвергаются въ озера, которыя, посредствомъ явнаго или подземнаго соединенія съ Бошническимъ заливомъ, несутъ ему обильную дань снѣга. Если озеро тихо, то высокіе, пирамидальныя утесы, по берегамъ стоящіе, начерпываются длинными полосами въ зеркалѣ водъ. — На нихъ-то хищныя птицы вьютъ свои гнѣзда, и по древнему преданію Скандинавовъ, въ часы пасмурнаго вечера вызываютъ крикомъ своимъ бурю, — изъ тайной глубины пещеръ. Вѣтеръ повѣялъ съ Сѣвера и поверхность соннаго озера пробудилась, какъ опъ сна!... Видишь ли, какъ она пѣнилась? слышишь ли, съ какимъ глухимъ и протяжнымъ шумомъ разбивается о гранишныя, неподвижныя скалы, которыя нѣсколько вѣковъ презираютъ порывъ бурь и ярость волнъ? — Сосѣд-

ніе лѣса повсюду гласъ бури, и вся Природа являлася въ ужасномъ разстройствѣ. Сіи страшныя явленія напоминають мнѣ мрачную Мифологию Скандинавовъ, коимъ божество являлось почти всегда въ гнѣвѣ, карающимъ слабое человечество. —

Лѣса Финляндскіе непроходимы; они распушъ на камняхъ. Вѣчное безмолвіе, вѣчный мракъ въ нихъ обитаетъ. Деревья, сокрушенныя временемъ или дуновеніемъ бури, заграждаютъ путь предприимчивому охотнику. Въ сей ужасной и безплодной пустынѣ, въ сихъ пространныхъ вершинахъ, путникъ слышитъ только рѣзкій крикъ плошадной птицы; завыванія волка, ищущаго добычи; паденіе скалы, низвергнутой рукою всесокрушающаго времени; или ревъ источника, образованнаго снѣгомъ, который срывомъ прошекаетъ по каменному дну между скалъ граничныхъ, быстро преодолагаетъ всѣ препятствія и увлекаетъ въ теченіи своемъ деревья и огромные камни. Вокругъ его пустыня и безмолвіе! — Посмотри далѣе: огонь небесный, или неупомимая рука пахаря зажгли сей боръ; опаленныя сосны, испорченныя изъ упробы земной съ глубокими корнями; обожженныя скалы; дымъ, восходящій густымъ, чернымъ облакомъ отъ сего огнища: все это образуетъ картину столь дикую, столь мрачную, что

путешественникъ невольно содрогается и спѣшишь ондохнуть взорами или на ближнемъ озерѣ, которое величественно дремлетъ въ оплогихъ берегахъ своихъ, или на зеленой полянѣ, гдѣ волъ жуесть сочную и густую траву, орошенную водами источника. —

Какіе народы населяли въ древности землю сію? — Гдѣ признаки ихъ бытія? — Гдѣ слѣды ихъ? — Время все изгладило; или сіи сыны дикихъ лѣсовъ не ознаменовали себя никакимъ подвигомъ, и Исторія, начерпавшая малѣйшія событія спранъ полуденныхъ и воспочныхъ, молчитъ о народахъ Сѣвера. — Но существовали народы сіи — угрюмые, непобѣдимые сыны первобытной Природы, или изгнанники изъ спранъ щастливѣйшихъ (*): они населяли сіи пещеры, питались млекою звѣрей, и полагали предѣломъ блаженства удачу на охотѣ, или побѣду надъ врагомъ, изъ черепа котораго (спрашное воспоминаніе!) пили кровь и славили свое могущество. Когда зима покрывала рѣки льдами, сыпала иней и снѣга, тогда дикіе чада лѣсовъ выходили изъ

(*) Руны, которыя я видѣлъ въ Финляндіи и попомъ въ Швеціи, принадлежатъ къ позднѣйшимъ вѣкамъ. До сихъ поръ Историки не могутъ утвердительно сказать, кто были первые обитатели Финляндіи.

логовищей своихъ, и пролагали путь по морямъ Гиперборейскимъ къ новымъ пустынямъ, къ новымъ лѣсамъ. Вооруженные съкирою и палицей, они идутъ войной на спада пустынныхъ чудовищъ; ихъ мчатъ быстрые олени; ихъ несутъ лыжи по равнинамъ снѣжнымъ; они сражаются, побѣждая и учреждаютъ кровавую прапезу! — Томимые голодомъ, нуждою, исполненные мужества, рѣшимости, презирая равно и смерть и жизнь, — не знаютъ опасности; въ звѣрскомъ испугѣ наполняютъ крикомъ лѣса — и эхо повторяетъ гласъ ихъ въ пространной пустынѣ. — Но сіи пустыни, сіи вершины, сіи непроходимые лѣса, въ среднихъ вѣкахъ, повторяли голосъ Скальда. — И здѣсь Поэзія разсыпала цвѣты свои: она смягчила нравы, укростила звѣрство и утѣшила спраждущее человѣчество своими волшебными пѣснями о богахъ, о герояхъ, о лучшемъ мірѣ, и о прекрасной будущей жизни. Разныя племена народовъ собрались во едино, сославили селенія на берегахъ сего залива. Мало по малу и самая Природа приняла другой видъ, не столь суровый и дикій. —

Можетъ быть, на сей скалѣ, осененной соснами, у подошвы кошорой дыханіе зефира колеблетъ глубокія воды залива, — можетъ быть, на сей скалѣ воздвигнутъ былъ храмъ Одена. Здѣсь

Поэпъ любипъ мечпашъ о временахъ прошек-
шихъ и погружашъя мыслями въ оныя вѣки вар-
варства, великодушія и славы; здѣсь съ удоволь-
ствіемъ взираешъ онъ на волны морскія, нѣкогда
спруимыя кораблями Одена, Арпура и Гаральда;
на сей мрачный горизонтъ, по которому носи-
лись пѣни почившихъ выпязей; на сіи камни,
оспапки сѣдой древности, на коихъ видны шайн-
спвенные знаки, рукою неизвѣспною начерпан-
ные. Здѣсь, погруженный въ сладкую задумчивоспъ

Въ полночный часъ

Онъ слышипъ Скальда гласъ

Прерывиспый и помный.

Зрипъ : юноши безмолвны

Склоняся на щипы, спояпъ крутомъ коспровъ,

Зажженныхъ въ полъ брани;

И древній Царъ пѣвцовъ

Просперь на арфу длани,

Могилу указавъ, гдѣ Вождь героевъ спипъ :

„Чья пѣнь, чья пѣнь, гласипъ

Въ священномъ испупленьи, —

Тамъ съ дѣвами плывешъ въ шуманныхъ облакахъ?

Се ты, младый Иснель, иноплеменныхъ спрахъ,

Со славой падшій на сраженьи!

Миръ, миръ тебѣ, Герой!

Твоей сѣкирою спальной

Пришельцы гордые побипы. . . .

Но ты днесъ палъ на грудахъ пѣлъ.

Опъ пучи вражьихъ спрѣлъ,

Палъ вишязь знаменитый!
И се . . . ужь надъ побой Посланицы небесны,
Валкиріи прелестны,
На бѣлыхъ, какъ снѣга Біарміи, коняхъ,
Съ златыми копьями въ рукахъ,
Въ безмолвіи спустились!
Коснулись до зѣницъ копьемъ своимъ — и вновь
Глаза пивой открылись:
Течеть по жиламъ кровь
Чистѣйшаго ээвра;
И ты, безплотный духъ,
Въ спраны безвѣсны міра
Лепишь спрѣлой . . . и вдругъ,
Открылись предъ побой тѣ радужны чертоги,
Гдѣ угощали для сонма храбрыхъ Боги
Любовь и вѣчный пиръ. —
При шумъ горнихъ водъ и психоспрунныхъ лиръ,
Среди полянь и свѣжихъ сѣней
Ты будешь поражаешь пашь скачущихъ еленей
И златорогихъ сернь. —
Склонясь на златный дернь
Съ дружиною младою,
Тамъ снова съ арфою златою
Въ восторгъ Скальдъ поешь
О славу древнихъ лѣтъ.
Поешь, и храбрыхъ очи,
Какъ звѣзды пихой ночи,
Утѣхою блестятъ.
Но вечеръ пришекаетъ —
Часъ нѣги и прохлады, —
Гласъ Скальда замолкаетъ;

Замолкъ — и храбрыхъ сонмъ
Идепъ въ Оденовъ домъ,
Гдѣ дочери Вериспы,
Власы свои душисты
Раскинувъ по плечамъ,
Прелеспицы млада,
Всегда полунагія,
На пиршеспва госпмъ
Обильны яспвы носяпъ,
И пипъ умильно просяпъ
Изъ чаши сладкій медъ....

Такимъ образомъ и въ снѣгахъ, и подъ суровымъ небомъ, пламенное воображеніе создавало себѣ новый міръ, и украшало его прелеспными вымыслами. Съверные народы съ избыткомъ одарены воображеніемъ: сама Природа, дикая и безплодная, непоспоянспво спихій и образъ жизни, дѣяпельной и уединенной, даюпъ ему пищу. —

Здѣсь царство Зимы. — Въ началѣ Октябрю все покрыто снѣгомъ. Едва сосѣдняя скала выказываетъ безплодную вершину; иней падаетъ въ видѣ густаго облака; деревья, при первомъ утренемъ морозѣ, блистаюпъ радугою, отражая солнечные лучи тысячью пріятныхъ цвѣтовъ. Но солнце, кажется, съ ужасомъ взираетъ на опустошенію зимы; едва явился и уже погружено въ багровый шуманъ, предвѣспникъ сильной спужи. Мѣсяцъ, въ печеніе всей ночи, изливаетъ среб-

ряные лучи свои и образуютъ круги на чистой лазури небесной, по которой изрѣдка пролепаютъ блестящіе метеоры. Ни малѣйшее дуновеніе вѣтра не колеблетъ деревъ, обѣленныхъ инеемъ: они кажутся очарованными въ новомъ своемъ видѣ. Печальное, но пріятное зрѣлище сія необыкновенная пишина и въ воздухѣ и на землѣ! — Повсюду безмолвіе! Робкая лань порошко пробирается въ чащу, опрысая съ роговъ своихъ оледенѣлый иней; спядо пещеревей дремлетъ въ глубокой пишинѣ лѣса, и всякій шагъ спранника слышенъ въ снѣжной пустынѣ.

Но и здѣсь Природа улыбается (веселою, но крапкою улыбкою). Когда снѣга распаяли опѣ пещлаго лѣшняго вѣтра и яркихъ лучей солнца; когда воды съ шумомъ ушекли въ моря, образовавъ въ печеніи своемъ тысячи ручьевъ, тысячи водопадовъ: тогда Природа примѣнно выходитъ изъ пѣтостнаго и продолжительнаго усыпленія. Вдругъ озимыя поля одѣваются зеленымъ бархатомъ, луга душистыми цвѣтами. Ходъ расшительной силы примѣтенъ. Сегодня все мертво, завтра все цвѣшетъ, все благоухаетъ. Народныя басни всегда имѣютъ основаніемъ истину. Древніе Скандинавы полагали, что Оденъ, сей великій чародѣй, чуткимъ ухомъ своимъ слышитъ, какъ весною прозябаютъ травы. Конечно быстрое,

почти невѣроятное ихъ возраспаніе подало поводъ къ сему вымыслу. — Лѣтніе дни и ночи здѣсь особенно пріятны. Дню предшесивуетъ обильная роса. Солнце, едва почившее за горизонтомъ, являеися во всемъ величїи на концѣ озера, позлащеннаго внезапно румяными лучами. Пустынные пшцы радостно сопрясаютъ съ крыльевъ своихъ сонъ и нѣгу: рѣзвыя бѣлки выбѣгаютъ изъ мрачныхъ сосновыхъ лѣсовъ подъ тѣнь березокъ, распушихъ на оплогомъ берегѣ. Все тихо, все торжественно въ сей первобытной Природѣ! Большія рыбы плещутъ среди озера злыми чешуями, между тѣмъ какъ мѣлкіе жипели влажной спихи играютъ спадомъ у подошвы скалъ или близъ песчанаго берега. Вечеръ тихъ и прохладенъ. Солнечные лучи медленно умираютъ на граничныхъ скалахъ, коихъ цвѣтъ измѣняеися безпрестанно. Тысячи насѣкомыхъ (минутные жипели сихъ прелесныхъ пустынь) по плаваютъ на поверхности озера, по кружатся надъ камышемъ и наклоненными ивами. Спада дикихъ утокъ и крикливыхъ журавлей лепятъ въ соседнее болото, и важные лебеди торжественнымъ плаваніемъ привѣщиваютъ вечернее солнце. — Оно погружаеися въ безднѣ Ботническаго залива, и сумракъ, вмѣстѣ съ безмолвіемъ, воцарилея въ пустынь. . . . Но какой предметъ для кисти Живо-

писца: рапный спанъ, расположенный на сихъ скалахъ, когда лучи мѣсяца проливаются на ушпужденныхъ рапниковъ и скользятъ по блестящему металлу ружей, сложенныхъ въ пирамиды! — Какой предметъ для Живописи и сіи великіе огни, здѣсь и шамъ раскладенные, вокругъ копорыхъ войны шопящя въ часы холодной ночи? Эпопъ дѣсь, хранившій безмолвіе, можетъ быть, опъ создания міра, вдругъ оживляется при внезапномъ пришествіи полковъ. Войско расположилось; все приходитъ въ движеніе: пуки зажженной соломы, переносимые съ одного мѣста на другое, пылающіе костры хворосша, древніе пни и часто цѣлыя деревья, внезапно зажженные, опъ копорыхъ густый дымъ клубится и восходитъ до небесъ: однимъ словомъ, движеніе рапныхъ снарядовъ, ржаніе и шопопъ коней, блескъ оружія, и смѣшенные голоса воиновъ, и звуки барабана и конной трубы: все эшо представляетъ зрѣлище новое и разительное! Вскорѣ гласы умолкаютъ; огонь пылающихъ костровъ пошухаетъ; рапники почили, и прежнее безмолвіе водворилось: — изрѣдка прерываемо оно шумомъ горнаго водопада, или пропядными опкликами часовыхъ, расположенныхъ на ближнихъ вышинахъ, пропивъ лагеря непріятельскаго: мѣсяць, склоняясь къ своему западу, освѣщаетъ уже безмолвный спанъ. —

Теперь всякій шагъ въ Финляндіи ознаменованъ происшествіями, копорыхъ воспоминаніе и сладосно и прискорбно. Здѣсь мы побѣдили; но цѣлые ряды храбрыхъ леги, и вошъ ихъ могилы! Тамъ упорный непріятель выбишъ изъ укрѣпленій, прогнанъ; но эти уединенные кресты, вдоль песчаного берега или вдоль дороги водруженные, эшопъ рядъ могилъ Русскихъ въ спранахъ чуждыхъ, ошдаленныхъ ошъ родины, кажепся, говоряшъ мимоидущему воину: и шебя ожидаешъ побѣда — и смерпъ! — Здѣсь на каждомъ шагу вспрѣчаемъ мы или осшавленную башарею, или древній замокъ съ гошическими ошпырыми башнями, копорыя возбуждаюшъ воспоминаніе о древнихъ рыцаряхъ; или передовый непріятельскій лагерь, или моспъ недавно выжженный, или опустѣлую деревню. Повсюду слѣды побѣдъ нашихъ, или слѣды вѣковъ, давно прошекшихъ, — пагубные слѣды войны и разрушенія! — Иногда лагерь располагаешся на оплогихъ берегахъ озера, гдѣ до сихъ поръ спокойный рыбакъ бросалъ свои мрежи; иногда видимъ рвы, башареи, укрѣпленія и весь снарядъ воинскій близъ мирной кущи селянина. Разишельная прошивошоложеноспъ!.....

Финляндія, 1809.

Х.

ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ ЗАМОКЪ СИРЕЙ.

Письмо изъ Франціи къ Г. Д.

Изъ деревни Болонь, лежащей близъ города Шомона, я поскакалъ верхомъ въ Сонкуръ, гдѣ ожидали меня Б. де Д. и Г. П., съ копорыми на канунъ уговорился я посѣтить замокъ Сирей и поклониться пѣнямъ Вольшера и его пріятельницы. Въ окрестностяхъ Сирей назначены были квартиры нашему опряду; полки шянулись по дорогѣ, и мы ихъ опередили въ ближнемъ селеніи. Сначала погода намъ вовсе не благопріятствовала: холодный и рѣзкій вѣтеръ наносилъ снѣгъ и дождь; наконецъ небо прояснилось и солнце освѣтило прекрасныя долины, рощи и горы. Мы проѣхали чрезъ мѣстечко Виньори, гдѣ замѣтили развалины весьма древняго замка на высокомъ утесѣ, копорый господствуетъ надъ селеніемъ и близъ лежащими долинами.

Ein bethürmtes Schloss, voll Majestät,
Auf des Berges Felsenstirn erhöht!

Кому принадлежитъ этотъ замокъ? — спросилъ я у шарика, сидящаго на порогѣ сельскаго домика, тѣсно примыкающаго къ развалинамъ. » Какой-то старой дворянкѣ « отвѣчалъ онъ, приподнявъ красный колпакъ, старый, изношенный, и копорый конечно игралъ большую роль въ бурные годы революціи. Это замѣчаніе я сдѣлалъ мимоходомъ, и продолжалъ вопросы: Когда построень замокъ? — » Во время Шампанскихъ Графовъ, сказывалъ мнѣ покойный дѣдъ (*). Храбрые рыцари искали здѣсь убѣжища отъ народныхъ возмущеній и укрѣпили замокъ башнями,

(*) Французы и теперь мало заботятся о древнихъ памятникахъ. — Развалины, временемъ сдѣланныя, ничего въ сравненіи съ опустошеніями революціи: бурныя времена прошли, но невѣжество или корыстолюбіе самое варварское пережили и революцію. Одинъ путешественникъ, копорый недавно объѣхалъ всю полуденную Францію, увѣрялъ меня, что цѣлыя замки продаются на свозъ, и такимъ образомъ вдругъ уничтожаются драгоцѣнные историческіе памятники. Напрасно Правительство хотѣло основать сіи святопамятства: ничто не помогало, ибо для нынѣшнихъ Французовъ ничего нѣтъ ни священнаго, ни свяпаго, — кромѣ денегъ, разумѣется. Какая разница съ Нѣм-

рвами, палисадами. Время и революція все разрушили. Здѣсь не одна была революція, господинъ Офицеръ! не одна революція! Я на вѣку моемъ пережилъ одну; тяжелыя времена ... не лучше нынѣшнихъ. Посадили дерево вольности ... я самъ имѣлъ честь садить его, вопѣ шамъ, на зеленомъ лугу.... Разорили храмы Божіи ... у меня рука не поднималась на злое!... Но чѣмъ же это все кончилось? Дерево срубили, а надписи на паперти церковной: *вольность, братство или смерть* — мѣломъ забѣлили. Чего я не насмотрѣлся въ жизни? и непріятелей на родинѣ моей увидѣлъ, и съ Офицеромъ *Козачицъ* теперь разговариваю! Чудеса! по совѣсти чудеса!« — Ты разорился

цами! Въ Германіи вы узнаете о нѣсколько историческихъ подробностей о малѣйшемъ остаткѣ древняго замка или готической церкви. Всѣ Рейнскія развалины описаны съ возможною историческою точностію учеными путешественниками и Художниками, и сіи описанія вы нерѣдко увидите въ книжкѣ рыбака или земледѣльца. Припомъ же Нѣмцы издавна любятъ все сохранять, а Французы разрушаютъ: вѣрный знакъ съ одной стороны добраго сердца, уваженія къ законамъ, къ правамъ и обычаямъ предковъ; а съ другой стороны, легкомыслія, суеверности и жестокаго презрѣнія ко всему, что не можетъ насытить корыстолюбія — опіа пороковъ.

опъ войны, добрый спаричокъ? — » Много поспрадалъ, а бѣдные сосѣди еще болѣе. Мы всѣ желаемъ мира. « — О! мы знаемъ это: но Императоръ вашъ не желаетъ. — » Прямой Корсиканецъ! Знаете ли, что онъ объявилъ намъ? « — Здѣсь спарикъ покачалъ головою, посмошрѣлъ на меня пристально, и — конечно онъ робости заикнулся. — Говори, говори! — » Охотно, если прикажете. Императоръ... « (это было сказано важнымъ и торжественнымъ голосомъ) » Императоръ объявилъ намъ, что онъ не хочетъ практиковать о мирѣ съ плѣнными: ибо онъ почищаетъ васъ въ плѣну. Онъ нарочно завелъ васъ сюда, чтобы испребить до послѣдняго человѣка: это была военная хитрость, понимаете ли? военная хитрость, ни что иное.... Но вы смѣетесь; ... и намъ это смѣшно показалось, шакъ смѣшно, что мы Префекта, прѣхавшаго сюда съ этимъ объявленіемъ, камнями и грязью закидали. *Il s'en souviendra !*... Но вамъ пора догонять поварищей. — Добрый цушъ, господинъ Офицеръ! «

Размышляя о странномъ характерѣ Французовъ, которые смѣются и плачущъ, рѣжущъ ближнихъ, какъ разбойники, и дающъ себя рѣзать, какъ агнцы, я догналъ моихъ поварищей. —

Часъ опъ часу дорога становилась пріятнѣе: холмы, одѣтые виноградникомъ и плодоносными

деревьями, между коими мелькали пріятныя сельскіе домики, напоминали намъ Саксонію, благословенныя долины Дрездена, мѣста очаровательныя! Разговаривая съ поварищами и любуясь красою видовъ, мы непримѣтно проѣхали нѣсколько миль; каждый замокъ, каждое мѣстечко мы принимали за Сирей и смѣялись своей ошибкѣ. Наконецъ, поворотя въ право съ большой дороги, вдоль порѣчкѣ Блезъ, мы увидѣли жилище славной Нимфы Сирейской, копорой одно имя раждаетъ столько пріятныхъ воспоминаній. . . .

Во спа шагахъ отъ селенія возвышаеися замокъ на высокомъ уступѣ; кругомъ — роци и кустарники. Все просто, но Природа все украсила.

Къ замку примыкаетъ Англійскій садъ и нѣсколько пѣнисныхъ аллей, къ копорымъ никогда не прикасались ножницы, даже въ тѣ времена, когда безжалостный Ленопръ оспригалъ боскеты Версальскіе, когда послѣдній провинціальный дворянинъ разсаживалъ по шнуру смиренныя акаціи и овощи въ своемъ огородѣ. Вольперъ, говоря о замкѣ Сирейскомъ, описывая красоты его окрестностей — кажется въ письмѣ къ Королю Прусскому — прибавляетъ :

Trop d'art me révolte et m'ennuie :

J'aime mieux ces vastes forêts !

Эти лѣса и понынѣ украшаютъ Сирей своею дикостію. Замокъ сохранилъ древнюю наружность; можно оплечить новыя присройки и балконы. Они принадлежатъ къ Вольперову времени. На крупной кровлѣ (*à la Mansarde*) я замѣтилъ нѣкошорыя украшенія и высокія продолговатыя трубы, обложенныя лѣпными изображеніями, похожія на трубы замка *Pont-sur-Seine*, принадлежащаго Лешіціи, машери Наполеона. Мы вошли въ Сирей и удивились обширнымъ заламъ, убраннымъ въ новѣйшемъ вкусѣ. Наружность того не обѣщала. —

Замокъ принадлежитъ Г-жѣ де Семіанъ, женщинѣ весьма умной, нѣкогда прекрасной. Онъ былъ разграбленъ въ революцію и послѣ того времени все строеніе возобновлено (*). Къ сожалѣнію, мы нашли мало слѣдовъ прежней обитательницы и ея славнаго друга, кошорый, какъ говоришь Лебрюнъ, *утомилъ стогласную Славу*. —

Въ столовой нѣсколько картинъ, изображающихъ звѣрей и охоту. Эта живопись, довольно пріятная, существовала уже при Маркизѣ, и мы смопрѣли на нее съ большимъ удовольствіемъ.

(*) По опшупленіи Русскихъ, Сирей былъ снова разграбленъ Французами, за то именно, что Русскіе варвары его пощадил!

Пройдя нѣсколько покоевъ, въ правомъ флигелѣ замка намъ отворили дверь въ залу Вольперову. —

Здѣсь мы нашли большой мраморный каминъ, топъ самый, который согрѣвалъ Вольпера; нѣсколько новыхъ мебели: клависинъ, маленькій органъ и два комода. Окны до полу. Двѣ круглыя стеклянныя двери въ садъ: одна изъ нихъ украшена надписями, на камнѣ высѣченными. На фронтонѣ мы прочитали *Виргиліевъ* стихъ: *Deus nobis haec otia fecit*, изъ первой *Эклоги*; на косякѣ нѣсколько стиховъ изъ *Попе*, котораго Вольперъ всегда любилъ, и наконецъ:

*Asyle des beaux arts, solitude où mon coeur
Est toujours occupé dans une paix profonde,
C'est vous qui donnez le bonheur,
Que promettoit en vain le monde.*

стихи написанные Вольперомъ въ счастливую минуту наслажденія душевнаго, въ глазахъ божественной *Эмили*, единственной женщины, которую онъ любилъ наравнѣ со славою, которой онъ былъ обязанъ всѣмъ, и которая достойно гордилась дружбою творца *Заиры* (*). Изъ оконъ сей

(*) Напрасно мы искали въ саду мраморнаго *Амура*, который некогда стоялъ подъ балкономъ, съ надписью

залы видны ближнія деревни и два ряда холмовъ, заключающихъ прелестную долину, по копорой извиваеися рѣчка Блезъ. Въ глубокомъ молчаніи и я и товарищи долго любовались пріятнымъ видомъ опдаленныхъ горъ, на копорыхъ попухали лучи вечерняго солнца. Можесть бысть, совершенная тишина, царствующая вокругъ замка, печальное спокойствіе зимняго вечера, зелень, кое-гдѣ одѣтая снѣгомъ, высокія сосны и древніе кедры, освѣняющіе балконы густыми, наклоненными вѣтвями, и едва колеблемые дыханіемъ вечерняго вѣтра, наконецъ сладкія воспоминанія о жителяхъ Сирея, копорыхъ имена принадлежатъ Исторіи, копорыхъ имена опъ дѣлсшва намъ были драгоценны — погрузили насъ въ тихую задумчивость. —

»Здѣсь Фернейскій мудрецъ« — пакъ воскликнулъ Г. Р-нъ, житель Сирея, прервалъ наше молчаніе — »здѣсь славнѣйшій мужъ своего вѣка, чудесный, единственныи, копорый, какъ говорятъ, вырѣзывалъ на мѣди для потомства (*), копорый

изъ Анпологии: Qui que tu sois, voici ton maître, и пр. копорую перевелъ Г. Дмипріевъ:

Кшобъ ни былъ ты, пади' предъ нимъ:

Былъ, есшъ, иль будешъ онъ владыкою твоимъ!

(*) Qui gravoit pour la postérité — выраженіе Палиссопа, если не ошибаюсь.

все зналъ, все сказалъ (*), копорый имѣлъ доброе, рѣдкое сердце, умъ гибкій, обширный, блестящій, способный на все, и наконецъ, характеръ вовсе несообразный ни съ умомъ его, ни съ сердцемъ — здѣсь онъ жилъ, сей Прошей ума человѣческаго; здѣсь во цвѣтѣ лѣтъ своихъ наслаждался онъ уединеніемъ и свободою, копорымъ зналъ цѣну, и долго не покидалъ ихъ для коронованной Сирены, для рукоплесканій, и для прихожей Г-жи Помпадуръ. Спиранный человѣкъ! Онъ многое предвидѣлъ, многое предсказалъ въ Полишикѣ; но могъ ли онъ предвидѣть, что нѣсколько десятиковъ лѣтъ спустя, вы придете въ замокъ Эмили съ оружіемъ въ рукахъ, съ полною жишелей береговъ Волги и людей піющихъ воды Сибирскія; и что шамъ, гдѣ Маркиза прекрасною рукою поливала макъ, розы и лилеи, кормила голубей ячменемъ, вошъ у эшой самой голубяшши — что шамъ, гдѣ она любила опдыхашъ подъ шѣнью древнихъ кедровъ, у входа въ *Заирину* аллею (**), гдѣ Вольперъ у ногъ ея въ восторгѣ чипалъ первые снихи безсмершной трагедіи, и искалъ похвалъ и одобренія въ голубыхъ глазахъ своей Ураніи, въ боже-

(*) Qui a tout dit, — Шапобріанъ, говоря о Вольперъ.

(**) И до сихъ поръ одна аллея называется *Заириною*.

Тамъ сочинялъ Вольперъ свою трагедію.

сшвенной ея улыбкѣ: шамъ, милоспивые государи, шамъ вы распавише часовыхъ съ ужасными усами, гренадеръ и козаковъ, копорые приводятъ въ шрепешъ всю Францію....?» — Мы засмѣялись словамъ Г. Р-на, и онъ продолжалъ, понизивъ немного свой голосъ:

» Здѣсь долгое время былъ счастливъ Вольперъ въ обѣщаніяхъ Музъ и попечительной дружбы. Тамъ, гдѣ я обитаю, земной рай, писалъ онъ къ пріятелю своему Теріо. — Не мудрено! Представьте себѣ лучшее общество, ученѣйшихъ людей во Франціи, придворныхъ, оспроумныхъ Поэтовъ — такихъ напимѣръ, какъ С. Ламберъ, копорый умѣлъ соединявъ любезность съ глубокими свѣдѣніями, Философію съ людкостію, и въ кругу такихъ людей — Маркизу, копорая умѣла все одушевишь своимъ присушствіемъ, всему давала неизъяснимую прелестъ: и вы будете имѣть понятіе о земномъ раѣ Вольпера. Она чудо во Франціи! говорилъ Вольперъ (*). Умъ необыкновенный, лице прекрасное, душа Ангела, ошкровенность ребенка и ученость глубокая: — все было очаровательно въ этой волшебницѣ! Она, вопре-

(*) Madame du Châtelet sera comptée au rang des choses qu'il faut voir en France, parmi celles, qu'on y regrettera toujours, писалъ Вольперъ къ Кейзерлингу.

ки Г-жѣ Жанлисѣ, вопреки Журналисту Жофруа и всѣмъ врагамъ Философіи, была достойна и пламенной любви С. Ламбера и дружбы Вольтера, и славы вѣка своего. Здѣсь Маркиза кончила жизнь свою, на лонѣ дружества. Всѣ жипели плакали о ней, какъ о нѣжной, попечительной матери. Убѣдныхъ память въ сердцахъ: они еще благословляли прахъ ея, когда Императоры наши начали возмущать его спокойствіе клеветами и поспыднымъ ругательствомъ. Но Вольтеръ былъ неупѣшенъ. Вы помните его письмо, въ которомъ онъ изъ Баръ-Сюръ-Оба уведомляетъ о болѣзни и пошомъ о смерти Марказы. Безпорядокъ этого письма доказывалъ его глубокую горестъ. И могъ ли онъ не сожалѣть объ утратѣ единственной женщины, о которой и вы, иностранцы, — непріятели, говорили съ любовью, съ уваженіемъ!»

Нашъ учивый путешественникъ продолжалъ бы болѣе рѣчь свою, если бы не позвали къ обѣду.

Спальная была украшена Русскими знаменами.... Но мы услышали пугливыя пѣни Сирейской Нимфы и ея друга, прочитавъ нѣсколько стиховъ изъ Альзиръ.

Такимъ образомъ примирились мы съ Пенатами замка, и съ нѣкоторою гордостію, проспительною воинамъ, въ ихъ покояхъ, гдѣ Вольтеръ написалъ лучшіе свои стихи, мы читали

съ восхищеніемъ Оды Пѣвца Фелицы и безсмертнаго Ломоносова, въ копорыхъ вдохновенные Лирики славяшъ чудесное величіе Россіи, любовь къ Ошечесшву сыновъ ея и славу меча Русскаго.

C'est du Nord à présent que nous vient la lumière.

Ошъ Сѣвера шеперь сіяешъ свѣшъ Наукъ.

Обѣдъ продолжался долго. Вечеръ заспалъ насъ, какъ Героевъ древняго Омера, съ чашею въ рукахъ, и въ сладкихъ разговорахъ, основанныхъ на опкровенности сердечной, извѣспныхъ болѣе добродушнымъ воинамъ, нежели вамъ, жишелямъ Сшюлицы и блестящаго большаго свѣша.

Но мы еще воспользовались сумерками: обошли нижнее жиле замка, гдѣ живешъ Г-жа де Семіанъ; осмошрѣли ея библіошеку, — прекрасный и спрогій выборъ лучшихъ Писапелей, соспавляющихъ любимое чшеніе сей умной женщины, dospойной племянницы Г-жи дю Шапле: любезность, умъ и красота наслѣдспвенны въ эпомъ семейспвѣ. Еспъ другая библіошека въ нижнемъ эшажѣ; она, кажешся, предоспавлена госшамъ. Древнее собраніе книгъ, важное по многимъ опношеніямъ, совершенно расхищено въ революцію. — Вольшеровыхъ книгъ и не было въ замкѣ со времени его опѣзда; по смерти Маркизы онъ увезъ

съ собою книги, ему принадлежавшія, и нѣкопорыя рукописи. Надобно ѣхать въ Ферней, говорилъ Г. Р-нъ: тамъ, можешъ бытъ, находящяся сіи драгоцѣнности. — Надобно ѣхать въ Пешербургъ, замѣшилъ справедливо Г. П.: въ Эрмишажѣ и рукописи и библіотека Фернейскія.

Спужа увеличилась съ наступленіемъ ночи. — Въ Вольперовой галлерей мы развели большой огонь, копорой не могъ насъ согрѣть совершенно. Передъ нами на столѣ лежали всѣ Вольперовы сочиненія, и мы читали съ большимъ удовольствіемъ нѣкопорыя мѣста его переписки, въ копорыхъ онъ говоритъ о Г-жѣ дю Шапле. Въ шумѣ военномъ пріятно отдохнутъ мыслями на предметъ, столь любви достойномъ. — Глубокая ночь заспала насъ въ разговорахъ о прошекшемъ вѣкѣ, о Великой Екашеринѣ, лучшемъ его украшеніи, о ссорѣ Короля Прусскаго съ своимъ Камергеромъ, и пр. у того самаго камина, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ Вольперъ сочинялъ свои Посланія къ славнымъ современникамъ, и тѣ безсмертныя стихи, для копорыхъ единственно просили его памяти справедливо раздраженное потомство. — Г. П. былъ въ восхищеніи. — Наконецъ надобно было разсѣяться и думать о поспелѣ. Мы перевели комнату въ верхнемъ жильѣ, весьма покойную, но гдѣ съ шрудомъ можно было

развеспи огонь. Старый ключник объявилъ мнѣ, что въ этомъ покоѣ обыкновенно живетъ Г. Монтескью, родственникъ хозяйки, весьма умный и благосклонный человекъ; и что онъ, ключникъ, радуется тому, что мнѣ доспалась его спальня. Vous avez l'air d'un bon enfant, mon officier, продолжалъ онъ, дружелюбно ударивъ меня по плечу. Прекрасно; но опъ его *утихостей* комната мнѣ не показалась теплѣе. Во всю ночь я раскладывалъ огонь, проклиналъ Французскіе камины, и только на разсвѣтѣ заснулъ *железнымъ* сномъ, позабывъ и Вольпера, и Маркизу, и войну, и всю Францію. —

Проснувшись довольно поздно, подхожу къ окну, и съ гореспью смопрю на окреспность, покрытую снѣгомъ.

Я не могу изъяснить того чувства, съ которымъ сшоя у окна, высчитывалъ я всѣ перемѣны, случившіяся въ замкѣ. Сердце мое сжалось. Все, что было пріятно моимъ взорамъ на канунъ, — и луга, и рощи, и рѣчка близъ текущая по долинѣ между веселыхъ холмовъ, украшенныхъ садами, виноградникомъ и сельскими хижинами, — все нахмурилось, все уныло. Въперъ шумишь въ кедровой рошѣ, въ шемной аллѣ *Зауриной* и клубишь сухіе лисья вокругъ цвѣтниковъ, испоптанныхъ лошадьми и обезображенныхъ снѣгомъ и

грязью. Въ замкѣ напрашивъ того пишина глубокая. Въ каминѣ пылающъ два дубовые корня и приглашающъ меня къ огню. На столѣ лежатъ письма Вольперовы, изъ сего замка писанныя. — Въ нихъ все напоминаетъ о временахъ прошедшихъ, о людяхъ, копорые всѣ исчезли съ лица земнаго съ своими спраснями, съ предразсудками, съ надеждами, и съ печалами, неразлучными спутницами бѣднаго челоуѣчества. Къ чему сполько шуму, сполько безпокойства? къ чему эта жажда славы и почестей? спрашиваю себя, и спрашусь найпи опвѣтъ въ собеснвенномъ моемъ сердцѣ.

Н а д р у г о й д е н ь .

Ввечеру я проспился съ товарищами, какъ будто предчувствуя, что ихъ долго, долго не увижу. Печалень.

Come navigante

C'ha detto a dolci amici addio. —

На дворѣ ожидалъ меня козакъ съ верховою лошадыю. Поздно мы пустились въ путь! сказалъ онъ, какъ мершвецъ въ Балладѣ. Что нужды? отвѣчалъ я, дорога извѣстна. При помѣ же....

Вотъ и мѣсяцъ величавой

Вспалъ надъ тихою дубравой. —

Топотъ конскихъ ногъ раздался по мостовой обширнаго двора. Мы удалились отъ замка... Между тѣмъ ночь спановилась шемнѣе и шемнѣе. Съ нѣрудомъ находили мы дорогу, пробирались по высокимъ горамъ дремучимъ лѣсомъ въ виду древняго замка Виньори, гдѣ Австрійцы расположились биваками посреди лошадей и высокихъ фуръ въ различныхъ положеніяхъ, достойныхъ кисти Орловскаго. Одни спокойно спали на соломѣ, копорая начинала загораться; другіе распѣвали Тирольскія и Богемскія пѣсни вокругъ пылающаго нѣа, копорый осыпалъ ихъ искрами при малѣйшемъ дуновеніи вѣтра; другіе оборачивали вертелъ съ большею частію барана, въ ожиданіи поварищей, копорые попились вокругъ маркишанца, разливающаго имъ вино и водку. Одѣаніе и лица ихъ еще спрашнѣе казались, освѣщенные пламенемъ бивака, и напоминали мнѣ Валленштейновъ лагерь, описанный Шиллеромъ, или Сбировъ Сальватора-Розы. — Изъ Виньори мы поворошили вправо по дорогѣ, проложенной по лѣсу. Поднялась спрашная буря: конь мой отъ спраху оспанавливался, ибо вдали раздавался вой волковъ, на копорой собаки въ ближнихъ сселеніяхъ ошвѣчали просяжнымъ лаемъ....

Вотъ, скажете вы, прекрасное предисловіе къ рыцарскому походу! Бога ради, сбейся съ

пуши своего, избавь какую нибудь красавицу опъ разбойниковъ, или заѣзжай въ древній замокъ. Хозяинъ его, спарый дворянинъ, роялиспъ, если шебъ угодно, приметъ шебя какъ спранника, угоспишъ въ залъ Трубадуровъ, украшенной фамильными гербами, ржавыми панцырями, мечами и шлемами; хозяйка осыплешъ шебя ласками, спанешъ спрашивашъ о родинѣ швоей, будешъ выхваляшъ дочь свою, прелесшную, шомную Агнесу, копорая пошупя глаза, покраснѣешъ какъ роза— а за десершомъ, въ угожденіе родишелямъ, запешъ древній романсъ о древнемъ рыцарѣ, копорый въ бурную ночь нашелъ приспанище у невѣрныхъ — и проч. и проч. и проч. Напрасно, милый другъ! — Со мной ничего подобнаго не случилось. Не спану слѣдовашъ похвальной привычкѣ пушешеспвенниковъ. Не спану украшашъ испину вымыслами; а скажу просто: чшо не желая ночевашъ на дорогѣ съ волками, я пришпорилъ моего коня и благополучно возвратился въ деревню Болонъ, опкуда пишу эши спроки въ сладосшной надеждѣ, чшо онѣ напомняшъ вамъ о спранспвующемъ пріѣшелѣ. — Сказанъ походъ — вдали слышны выспрълы. Проспише! —

26 Февраля, 1814.

XI.

ДВѢ АЛЛЕГОРІИ.

I.

Еслибъ доспапокъ позволялъ мнѣ исполнять по волѣ всѣ мои прихоти, то я побѣждалъ бы къ Художнику Н. съ полнымъ кошелькомъ, и предложилъ ему двѣ *мысли* для двухъ картинъ. Вообще аллегоріи холодны, особливо шѣ, кошорыми Живописцы хопяшъ изобразить испорическія происшествія; но мои будущъ говоришъ разсудку, потому что онѣ ясны и почны: онѣ будущъ говоришъ воображенію и сердцу, если Художникъ выразитъ то, что я шеперь мыслю и чувствую.

Напишите, сказалъ бы я Живописцу, — который до сихъ поръ не написалъ ничего оригинальнаго, а шолько рабски подражалъ Рафаелю, но кошорый можетъ изобрѣшашъ, ибо имѣетъ умъ, сердце и воображеніе, — напишите мнѣ Генія и Форшуну, обрѣзывающую у него крылья.

Х. А! Я васъ понимаю! (*не много подумавъ*). Вы хошите изобразить жестокою побѣду нещасія надъ талантомъ. — Генія Живописи....

Я. Я не назначаю именно какого Генія; опъ васъ зависить выборъ: Генія Поэзіи, Генія Войны, Генія Философіи, Науки или Художества, какого вамъ угодно; только Генія пламеннаго, пылаго, наполненнаго гордости и себяпознанія, котораго взоръ орлиный проникаетъ, объемлетъ Природу, ему подчиненную; котораго сердце упоетъ въ сладострасіи числѣйшемъ и неизъяснимомъ для преснаго смерснаго, при одномъ помышленіи о добродѣтели, при одномъ именованіи славы и безсмертія.

Х. (*Съ радостію взявъ мѣлъ, подбѣгаетъ къ грунтованному холсту*). Я васъ понимаю, очень понимаю....

Я. Я увѣренъ, что Художникъ Н. меня пойметъ, когда дѣло идетъ о славѣ.

Х. (*Взявъ меня за руку и краснѣя при каждомъ словѣ*). Вы не повѣрите, какъ я люблю славу: спѣшно признаюсь; но вы хошите... (*чертитъ мѣломъ абрисъ фигуры*) вы хошите....

Я. Генія. Чшобъ изобразить живо, какъ я его чувствую, прочитайте жизнь Ломоносова, эпсого рыбака, который, по словамъ другаго Поэта, изъ пресной хижины шагнулъ въ Академію;

прочитайте жизнь Петра Великаго, который самъ себя создалъ и попомъ Россію; прочитайте жизнь чудеснаго Суворова, котораго душу, сердце и умъ Природа оплила въ особенной формѣ, и попомъ изломала ее въ дребезги; взгляните, если угодно, на творенія вашего Рафаеля, въ памяти котораго помѣщалась вся Природа! Напивавши воображеніе идеаломъ величія во всѣхъ родахъ, пишите смѣло; вашъ Геній будетъ Геній, а не фигура Академическая. Теперь вообразите себѣ, что онъ борется съ враждебнымъ рокомъ; запустайте его ноги въ сѣняхъ несчастія, брошенныхъ коварною рукою Форшуны; пусть слѣпая и жестокая богиня обрѣзываетъ у него крылья съ такимъ же хладнокровіемъ, какъ Лахезиса прерываетъ нить жизни Героя, или лучшаго изъ смертныхъ — Сократа или Моро, Ласъ - Казаса или Еропкина, благодѣтеля Москвы.

Х. Я разумѣю. Форшуну изображу, какъ обыкновенно: съ повязкою на глазахъ, съ колесомъ подъ ногами.

Я. Это ваше дѣло! Теперь замѣните, что побѣжденный Геній попускаетъ свой пламенный. Нѣтъ крыльевъ, нѣтъ и пламенника!

Х. Справедливо.

Я. Но за то, нѣтъ слезъ въ очахъ, ни малѣйшихъ упрековъ въ успахъ божественнаго. Чув-

спво негодованія, и — если можно слышь другое чувство, совершенно пому прошивное — сожалѣніе объ ушраченной Славѣ, кошорая съ ужасомъ направляешъ полешъ свой, куда персешъ Форшуны ей указуешъ.

Х. Геній мой будешъ походишь на Аполлона Дельфійскаго....

Я. Если бы Аполлонъ промахнулся, мѣшя въ чудовище, то выраженіе лица его могло бы имѣшь нѣкошорое сходство съ лицомъ несчастнаго Генія, у кошораго Форшуна обрѣзала крылья.

Х. (*Задумавшись, и потомъ съ глубокимъ вздохомъ*). Я васъ понялъ совершенно: Художникъ не всегда былъ баловнемъ Форшуны. Мы всѣ, дѣти Аполлоновы, менѣе или болѣе боролись съ несчастіемъ. Многіе побѣдили его, многіе ушрапили свои крылья въ жестокой борьбѣ, и пламенникъ таланта попухъ самъ собою. Вы будеше довольны каршиною. Теперь же спану ее компоновашъ. Просшите. —

II.

Я. Каршина ваша прелестна! Для васъ Геній не попушилъ своего пламенника, когда вы изображали его божесшвенное лице.

Х. Я доволенъ : но спросите у меня, какъ я спрадалъ! Сколько печальныхъ мыслей бродило въ головѣ моей, когда я изображалъ Генія, попушившаго пламенникъ свой, и лице эпой неумолимой, безразсудной Форшуны, копорая, исполняя долгъ свой, такъ спокойна, *ибо не вѣдаетъ, что творитъ!* — она съ повязкою на глазахъ. Вѣрите ли, что сердце мое обливалось кровью, при одной мысли объ участи Художниковъ, которые въ опечесивъ своемъ не находятъ пропитанія....

Я. (*Разсматривая картину*). Прекрасно!... Но знаете ли, что можно воскресить вашего Генія?

Х. (*Съ радостью*). Воскресить?

Я. Выслушайте меня: я шелъ однажды въ дикомъ лѣсу и поперялъ дорогу. Выхожу на свѣтъ, вижу пещеру, оѣненную густыми вѣшьями, и въ эпой пещерѣ... вашего Генія.

Х. Моего Генія?

Я. Онъ сидѣлъ въ глубокой задумчивости, опершись на одну руку. Попухшій свѣшильникъ лежалъ у ногъ, а кругомъ — обрѣзанныя крылья, копорыя развѣвѣли пуспынный вѣшеръ, съ шумомъ пролепѣющій въ пещерѣ: я ужаснулся.

Х. Далѣе. —

Я. Глубокій вздохъ вырвался изъ груди спрадалца; онъ взглянулъ на попухшій пламенникъ,

и мнѣ показалось, что слезы его падали на холодный помостъ пещеры.

Х. Слезы, одному дарованію извѣстныя! Такъ плакалъ умирающій Рафаель! Далѣе...

Я. Вдругъ вся пещера освѣпилась необыкновеннымъ сіяніемъ. Вспунающъ два божества: Любовь и Слава. За ними влечется окованная Фортуна.

Х. Опять эта слѣпая колдунья!

Я. Вы ошибаетесь. Любовь оковала ее, сдержала повязку съ очей и привела въ пещеру, гдѣ спрадалъ бѣдный Геній.

Х. Я воображаю удивленіе Фортуны, которая въ первый разъ въ жизни разглядѣла глупость, сдѣланную въ слѣпотѣ.

Я. Слава опдаетъ свои крылья Генію; Любовь зажигаетъ его пламенникъ; Геній прощаетъ изумленной Форсунѣ, и въ лучахъ торжественнаго сіянія воспаряетъ медленно къ небу.

Х. Вотъ картина!

Я. Вы угадали. — Берите живошворную кисть вашу.

Х. Я напишу эту картину. Эта работа облегчитъ мое сердце.... Такъ! надобно, непременно надобно воскресить бѣднаго Генія!

ХІІ.

ПОХВАЛЬНОЕ СЛОВО СНУ.

Письмо къ Редактору Вѣстника Европы.

Пускай утверждаютъ, что хопящъ, прихопливые люди и спрогіе умы; а я утверждаю, М. Г., что Науки и Словесность у насъ въ самомъ блистательномъ состояніи. — Укажу вамъ на книгопродавцевъ. Посмотрите, какъ они разживаются: *то домикъ выстроятъ, то купятъ деревеньку.* Чѣмъ же? — Торговлею. Какою? Книжною. Слѣдственно у насъ пишушъ, у насъ читающъ, и изъ одного слѣдствія къ другому я могу вывести, что Словесность Русская въ самомъ цвѣтущемъ состояніи. Вошъ что хопѣлъ я доказать и что вы знаете безъ моихъ доказательствъ: ибо вы, М. Г., наблюдаете постоянно ходъ нашихъ успѣховъ, какъ Астрономъ наблюдаетъ шеніе любимой планеты. Вы замѣтили конечно, что мы заняли всѣ пути къ славѣ, и многія маше-

ріи исчерпали до дна, такъ что нашимъ попомкамъ надобно будетъ умирашъ опъ жажды. — Проспите мнѣ это выраженіе, и сосчитайте со мною Эпическія Поэмы, въ честь Петра Великаго написанныя. — Считайте опъ Ломоносова до Сл. скаго и далѣе, опъ кедра до усоповъ, и замѣтите, что всѣ Поэмы исполнены красошъ, что въ нихъ все было сказано, кромѣ того только, что Ломоносовъ намѣревался сказашъ и не успѣлъ; но это сущая бездѣлка! Теперь прошу взглянушъ на обширную область Таліи и наконецъ Мельпомены, кошорая безпрестанно обогащается новыми пріобрѣшеніями и скоро испощишъ всю священную древность опъ сотворенія міра. — У Французовъ одна Ашалія; у насъ, благодаря усердію Писателей, не одна трагедія переносишъ насъ въ землю Іудейскую. Я ни слова не скажу о Россійскомъ Театрѣ, на кошоромъ основана слава нашихъ праопцевъ, о журналахъ, романахъ и проч., изданныхъ назадъ тому двадцати лѣтъ и болѣе. — Ихъ мало читаютъ; но время доказало, что они безсмертны: они уцѣлѣли въ пожарѣ Сшоліцы. Добро не горишъ, не понешъ — говоришъ пословица. Сердце мое дрожишъ опъ радости, когда я начинаю исчисляшъ на досугъ всѣ наши сокровища. Тогда я похожу на Аншикварія, кошорый, не дѣлая никакого упо-

прѣбленія изъ своего золоша, любуешся имъ и говоришь : вошь червонецъ! вошь рубль! вошь сшаринная монета! такого-то года! при такомъ-то Царѣ! Кто ее опливалъ? изъ какого рудника эшо золошо? кто упопрѣблялъ эшу монету? А я говорю : вошь Трагедія 1793 года! Кто ее писалъ? кто читалъ ее? — Творца не мудрено опъискашь по шворенію; но читашелей, найпи не легко : мы еще не любимъ *отечественнаго*. Что нужды мнѣ до другихъ! Я день и ночь роюсь въ моихъ книгахъ; распавляю ихъ по порядку хронологическому, и горжусь моимъ богашествомъ. Чего у насъ нѣтъ? Боже мой! Найдите хотя одинъ предметъ, одну отрасль ума чловѣческаго, которую бы мы не обработали по своему? Поэзіи — море! и поле Краснорѣчія необозримое! — Загляните только въ Журналы, но безъ предубѣжденія, и вы найдете — сокровища! Здѣсь похвальное слово такому-то, шамъ надгробное слово такому-то; здѣсь привѣшпвіе, шамъ благодарный гласъ общеспва : *и все то благо, все добро!* Всѣ Герои, всѣ Полководцы, всѣ Писатели увѣнчаны пальмами Краснорѣчія, и шагають торжеспвенно въ храмъ безсмертія. — Мы не ограничили себя великими людьми; мы хвалили даже блохъ (*), и будемъ хвалишь все, что пресмы-

(*) Смощри Вѣспникъ Европы 1810 года. —

кается и ползаетъ въ царствѣ животныхъ. — И такъ мудрено ли, что какому-то чудаку вздумалось написать Похвальное Слово Сну? Случай мнѣ доставилъ исправный списокъ и вовсе не похожій на шопъ, который напечатанъ въ вашемъ Вѣспникѣ. Если вы найдете, что чаша ваши не заснутъ надъ этимъ панегирикомъ, то покорнѣйше прошу напечатать его въ Журналъ и сохранить для потомства, которое конечно благодаритъ современниковъ, зависплавыхъ, спругихъ и вовсе неспособныхъ цѣнить дарованія. Это не мои слова, М. Г., а моего пріятеля Н. Н..., который пишетъ стихи и прозу, но только не печатаетъ ихъ въ вашемъ Журналѣ, и потому вамъ неизвѣстенъ. —

Имѣю честь быть и проч.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ 18.. году, лѣтъ нѣсколько до нашесшвія просвѣщенныхъ и ученыхъ Вандаловъ на Москву, жилъ на Прѣсененскихъ прудахъ нѣкто N. N., оригиналь весьма опличный отъ другихъ оригиналовъ Московскихъ. — Всю жизнь провелъ онъ лежа, въ совершенномъ бездѣйствіи плѣсномъ и, сколько возможно было, душевномъ. Умъ его, хошя и образованный воспитаніемъ и прилѣжнымъ чтеніемъ, не хошѣлъ, или не въ состояніи былъ побѣдишь упрямую напуру. — Имѣя большой досашокъ при щасливыхъ обстоятельсхвахъ (которыя единсшвенно могушъ сохранишь въ полномъ характеръ человека), онъ не имѣлъ нужды покоряшся условіямъ общества и требованіямъ должностей. Онъ дѣлалъ, что хошѣлъ; а хошѣлъ одного спокойсшвія. — Великій Конде говаривалъ: если бы я былъ царемъ моей посшели, то никогда бы съ нее не вставалъ. — Нашъ оригиналь былъ совершенный царь своей посшели. — Цѣлой день онъ лежалъ то на одномъ боку, то на другомъ, и всю ночь лежалъ! Рѣдко, очень рѣдко мы видѣли его сидящаго у окна съ длинною Турецкою трубною, въ Татарскомъ, или Китайскомъ плафрокѣ, и то когда онъ занимался домашними дѣлами. Два чшеца попеременно чшпали ему книги:

ибо лѣнь не позволяла заниматься самому чтеніемъ; но лѣнь не мѣшала дѣлать добро. Онъ сыпалъ золото нищимъ, и подъ непроницаемою корою безспаснаго спокойствія таилъ горячее сердце. Въ уединенномъ кварталѣ города онъ воспитывалъ на свой счетъ двѣнадцать бѣдныхъ дѣвушекъ, кормилъ и одѣвалъ нѣсколько заслуженныхъ воиновъ и — спранные дѣла! — не лѣнился посѣщать ихъ по воскреснымъ днямъ. »Опѣ этого лучше спишся!« — говаривалъ онъ шѣмъ, копорые выхваляли его благошворительность. — Равнодушный ко всему, онъ слушалъ спокойно самыя важнѣйшія новоспи; но при разсказѣ о несчастномъ семействѣ, о спраданіи человѣческа, вдругъ оживлялся, какъ разбишій параличемъ опѣ прикосновенія элекприческаго прупика. Впрочемъ онъ былъ самый безспасный *автоматъ*: никого не обижалъ, ни съ кѣмъ не заводилъ пѣжбы, ни надъ кѣмъ не смѣялся, никому не прошиворѣчилъ, не имѣлъ никакихъ спраспей: спраспъ его была лѣнь. Скучалъ ли онъ? Ушвердительно оприцапъ не могу; но заключаю, что скука ему была извѣсна, и вопѣ по какому обспоятельству. — Однажды онъ послалъ за мною. »Садись или ложись на диванъ;« сказалъ онъ, указывая на Турецкую поспелю: »я намѣренъ ѣхашъ въ деревню, и воспользовашься первымъ весеннимъ воздухомъ.

Снѣгъ распаялъ и спукъ по мостовой карешъ и
дрожекъ начинаеть меня беспокоить. Но въ де-
ревнѣ не лѣзя бытъ безъ общества; сосѣди мои
люди дѣлательные; съ ними надобно говорить,
ѣздить на охоту, заводить пляббы, мирить, ссо-
рить и пр. и пр. . . . о! это меня разстроитъ со-
вершенно! Двери на крюкъ сосѣдамъ. Съ кѣмъ же
я буду убивать время? Съ такими друзьями, какъ
ты, напримѣръ!« Я привсѣлъ и хотѣлъ благо-
дарить за учтивость; но лѣнинецъ мой замахалъ
обѣими руками и продолжалъ. » Я знаю въ Москвѣ
человѣкъ до шеспи, людей пріятныхъ въ обще-
ствѣ, и совершенно праздныхъ. Двое изъ нихъ
могутъ назваться по справедливости добрыми
людьми. Лѣность не позволяетъ другимъ пуска-
ться на злыя дѣла: и это хорошо! Мы пригласимъ
ихъ къ себѣ. Но теперь надобны женщины: вопъ
истинное запруженіе. Безъ женщинъ общество
мужчинъ скоро наскучитъ. . . . А гдѣ найди жен-
щинъ лѣнивыхъ? « — Боже мой! какъ не найди!—
вскричалъ я. » То есть лѣнивыхъ по моему образу
мыслей;« возразилъ N. N., покачавъ головою и на-
супя брови: » ихъ языкъ вѣчно дѣлаетъ, въ вѣч-
номъ движеніи; это рпушь, это бѣлка на при-
вязи у колеса, это маешникъ, копорый . . . (лѣ-
ность или доброта сердца не дозволили кончить
сравненій). Но такъ и бытъ, продолжалъ лѣншій

съ глубокимъ вздохомъ: я согласенъ пригласить вдову пріятеля моего Генерала А. съ двумя дочерьми, добрыми и любезными дѣвушками. Дружба меня сдѣлаетъ снисходительнымъ. Толстая жена опкущика нашего Ж. съ племянницею; лѣнивая Софья, ея дородная сестра, не будутъ лишнія. Впрочемъ мы не наскучимъ другъ другу: свобода все украситъ. Общество мое пусть называютъ какъ хотятъ Московскіе насмѣшники; но оно будетъ пріятно мнѣ и гостямъ. Возьми же листъ бумаги, милый другъ, и пиши учрежденіе Общества Лѣнивыхъ.» — Я взялъ перо и бумагу, и написалъ подъ дикшпурою нашего лѣниша условія, подъ коими всѣ Члены согласились подписать свои имена, и мы на канунъ 1-го Мая отправились въ подмосковную....

Въ шестидесяти верстахъ отъ города, на концѣ густаго сосноваго лѣса, котораго спокойствіе ничто не можетъ нарушить, стоитъ большой господской домъ, архитектуры изрядной. Къ нему примыкаетъ озеро, усѣянное островами. Вдали синѣетъ колокольня уѣзднаго городка и нѣсколько деревень. Кажется, что все было пожертвовано тишинѣ въ сей мирной обители: всѣ службы, начиная съ кухни до конюшни, расположены въ нѣкоторомъ разстояніи одна отъ другой и закрыты рощицами. Передъ окнами боль-

шія плакуція ивы, березы и цвѣпники, засѣянныя Кишайскимъ макомъ. — Здѣсь все посвящено лѣни, все пишаесть ее, все приглашаесть ко сну: подъ каждымъ спариннымъ деревомъ дерновая скамья; въ каждой бесѣдкѣ канапе, или постель, съ большими занавѣсами и со всѣми предосторожностями отъ комаровъ и мошекъ; а на дверяхъ надпись изъ нашего Пиндара-Анакреона:

Сядь, милый госпѣ! здѣсь на пуховомъ

Диванѣ мягкомъ, отдохни;

Въ семь шонкомъ пологу, перловомъ,

И въ зеркалахъ вокругъ, усни;

Вздремли послѣ спола немножко:

Пріятно часикъ похрапѣшь!

Злапой кузнечикъ, сѣра мошка,

Сюда не могутъ залезѣшь! —

Ни крикъ пѣшуховъ, ни спукъ шопора, ни шопопъ, ни конское ржаніе, ничто не нарушаесть глубокаго молчанія. — Кромѣ ручья, журчащаго подъ навѣсомъ берега, кромѣ озера, которое ласкаесть шихимъ плесканіемъ пологіе берега свои, вы ничего не слышите. Сія пишина бываесть прервана, или очарована роговою музыкою, копорая при закатѣ солнца провожаесть умирающій день, и нѣжными, сладоспными и пропяженными звуками пригошовляесть сладкое усыпленіе и весе-

лыя мечпы хозяину помѣспья. — Но это рѣдко случается: ибо онъ боится безпокойствъ своихъ музыкантовъ. — У него нѣтъ ни одного дѣшелянаго или суевливаго челоука: все подчинено какимъ-то правиламъ особеннаго порядка; одинъ поваръ имѣетъ право разнообразить наслажденія Эпикурейца. Я не стану описывать его дома. — Каждый угадаетъ, что онъ покоенъ, шепель и не слишкомъ свѣшель, ибо Архипекшоромъ располагалъ по своей волѣ прихотливый хозяинъ. Но одна зала достойна вашего замѣчанія. — Ея большія полуовальныя окна оѣнены со всѣхъ споронъ густыми вѣшьями вязовъ и липъ, которыя въ Іюнѣ наполняютъ бальзамическимъ испареніемъ своихъ цвѣшовъ окрестный воздухъ. Всѣ стѣны обширной залы украшены картинами. Двѣ — изображаютъ Идилліи изъ золотого вѣка; другія рожденіе Морфея, его пещеру и владычество его надъ небомъ и землею. Здѣсь видите Смерть въ видѣ усыпленнаго Генія; шамъ Эрминію, опдыхающую у пастуховъ; спящаго Эндиміона, копорый, кажется, весь осребренъ сіяніемъ влюбленной Діаны, и во снѣ вкушаетъ сладости, неизъяснимыя языкомъ смертнаго. Здѣсь вы видите мальчика, уснувшаго на краю колодца; Форшуна поддерживаеъ его рукою, но шакъ оспорожно, что, кажется, боится разбудить безпечнаго: пре-

лесное изображеніе счастливыхъ и баловней слѣпой богини, копорые забываются на краю своей гибели! Наконецъ, на колоннадѣ, украшающей преддверіе залы, вы читаете имена знаменитыхъ лѣнивцевъ: Лукулла, Сарданапала, Анакреона, Лафоншена, Шолю, Лафара, шутъ же имена Русскихъ Спихопворцевъ, и имя того, копорый пишетъ прелесныя Басни и Комедіи, и необоримую лѣность свою умѣетъ украшать прочнѣйшими цвѣтами Поэзіи и Философіи.

Въ этой залѣ открыто первое засѣданіе Общества Лѣнвыхъ; нѣсколько словъ было сказано хозяиномъ; поданъ имъ знакъ, и одинъ изъ Членовъ, Орапоръ Лѣнвыхъ, произнесъ Похвальное Слово Сну.

Похвальное Слово Сну.

Пока еще сладостный сонъ не сомкнулъ рѣсницъ вашихъ, и полуоткрытые глаза могутъ взираеть на Орапора, лежащаго на мягкомъ пуховикѣ, посреди храмины, посвященной лѣности, почтенные слушатели и прекрасныя слушательницы! преклоните ухо ваше къ словамъ моимъ. — Не грозныя битвы, не шумъ воинскій, не гибельные подвиги Героевъ, обрызганныхъ кровію, подвиги, клонящіеся къ опьянію сна у бѣдныхъ

человѣковъ, нѣтъ! я хочу выхвалять способность спать; и ежели душа есть источникъ прекрасныхъ мыслей, то повѣрьте, что рѣчь моя, истекающая изъ оной, должна вамъ нравиться: ибо душа моя исполнена любовію къ благодарному богу лѣсовъ Кимверинскихъ. —

(Громкія рукоплесканія раздались въ залѣ. Орапоръ покраснѣлъ отъ радости. Женщины шептались между собою и поглядывали на него съ усмѣшкою. Хозяинъ закричалъ: вниманіе! вниманіе! какъ Членъ Парламента, пребывающій вниманія посреди шумнаго народа, когда Фоксъ и Пиппъ разсуждали о войнѣ или мирѣ. — Все умолкло, и Орапоръ продолжалъ):

Вы улыбаетесь, слушатели, вы отдѣляете медленно головы свои отъ мягкихъ подушекъ, чтобы не пропустивъ ни одного слова краснорѣчиваго Вишіи; и я, ободренный симъ геройскимъ подвигомъ, смѣло вступаю въ обширное море краснорѣчія, бурное море, въ которомъ погибала слава многихъ новѣйшихъ и древнихъ говоруновъ. —

Кто не спитъ, слушатели, кто не вкушаетъ сладости сна? Злодѣй, пресупникъ! ибо и невинный, приговоренный къ смерти, и несчастный спрдадецъ подъ бременемъ бѣдности и зла, — и они смыкаютъ вѣжды свои, омоченныя слезами,

и они усыпляютъ свои горести. — Сладоспное усыпленіе, испинный даръ небесъ, оставшійся на днѣ сосуда неоспорожной Пандоры! ты вмѣспѣ съ надеждою, спвоею сеспрою, украшаешь жизнь волшебными мечпами!... Ахъ! сонъ еспѣ свидѣтель и порука совѣспи нашей! Сонъ, надежда, и добрая совѣсть, какъ при Хариты неразлучны: они супѣ брапья и сеспры одного семейспва. Бросьше взоръ свой на сего спящаго младенца: (здѣсь Орапоръ — указалъ на картину) Это ангелъ, копорый покоишься на лонѣ невинности; розы горятъ на ланипахъ малюшки; уста его улыбаются... они ищутъ, кажешься, поцѣлуевъ матери: дыханіе ихъ легко и сладоспно, какъ дыханіе упреннаго вѣшерка, посѣпившаго благоуханную розу.

Спи же, малюшка! пока спраспи и люди, ненавистники сна, не лишили тебя способности спать, и пока Фортуна поддерживаешь тебя благодѣшельною рукою на краю зіяющей бездны!

Взглянише на сонъ благошворительнаго смерпнаго: онъ спихъ и спокоепъ, какъ ночь весенняя. (Орапоръ взглянулъ на хозяина, копорый съ спрудомъ могъ сокрытъ сладкія слезы на глазахъ). Душа его, копорой ничто не преняспивуетъ изливаться наружу, дышешь на его устахъ, на ясномъ челѣ его, даже на опущенныхъ рѣсницахъ. —

Сердце его *утопаетъ* въ веселіи, пульсъ его ударяетъ тихо и ровно, — онъ щасливъ, онъ совершенно благополученъ: ибо онъ учинилъ доброе дѣло, ибо сонъ напоминаетъ ему несчастнаго, котораго онъ извлекъ изъ пропасти, съ которымъ плакалъ наединѣ. — Кажется, Ангелъ-хранитель присущесвуетъ у ложа праведника и отгоняетъ благовонными крилами мечты и призраки; кажется, сама Надежда сыплетъ на него цвѣты свои обильною рукою, и онъ, сказавъ ли горькую истину? онъ просыпается едва ли столько щасливъ: ибо первый взоръ его часпо, очень часпо встрѣчаетъ неблагодарнаго. Чпо нужды? онъ уже наслаждался во снѣ!

(Мы замѣшимъ, чпо хозяинъ, вздохнувъ очень горестно, прошепталъ между прочимъ: друзья мои! я жалю опъ искренняго сердца о томъ, кпо не заснулъ послѣ добраго дѣла).

Взгляните теперь на орапая, который засыпаетъ на жесткомъ ложѣ; взгляните на поденщика, который, окончивъ трудъ свой, бросается на голый камень, и съ ношею плечъ своихъ слагаетъ все бремя душевное; взгляните на рапника, упруженнаго походомъ, дождемъ, холодомъ: онъ нѣсколько дней сражался со спихіями и со смершію, кровь и потъ лились ручьями, голодъ изнурялъ его; но онъ заснулъ — и все забыло,

и онъ щасливѣе Сапрапа, засыпающаго шонкимъ сномъ на персяхъ воспочной Одалиски. Скажише мнѣ шеперь: что награждаетъ спрадальцевъ сихъ за труды, пошъ и раны? Конечно не скупыя награды царей и вельможъ, но сонъ, благодѣшель чловѣковъ!

Кто изъ насъ не любилъ, и кто не спалъ вопреки любви своей?

(Послѣ этого вопроса краткое молчаніе. Одна изъ молодыхъ дѣвушекъ пошупила черные глаза, другая покраснѣла. Старая вдова А. открыла табакерку и поднесла ее съ ласковою улыбкою хозяину, успремивъ на него спрасшныя взоры, которые, казалось, дѣлали слѣдующій вопросъ: и ты любилъ меня въ молодости, другъ мой, но любовь не лишала тебя сна; не правда ли? — Орапоръ продолжалъ).

Сладоспенъ сонъ любовника: онъ видитъ бархатные луга, орошенные ручьями, сады Армидины, царство Луны и Сильфовъ; все предметы и все мѣста украшены присупсшвіемъ его возлюбленной. Вездѣ она съ нимъ, ходишь рука съ рукою, вездѣ неразлучна, и въ хижинѣ, и въ палапахъ, и въ общесствѣ, и въ пуспынѣ. Сонъ и самыя печали услаждаетъ. Любовница тебѣ измѣнила, или новая Галафея невнимательна къ швоимъ пѣснямъ; цѣломудренна какъ Цинпія, или какъ Зиновія,

едва, едва склоняешъ къ тебѣ суровые взоры? ... Ушѣшься, печальныйъ спрадалецъ! я не стану тебѣ совѣповать вооружаться терпѣніемъ Спои-ка, или пошоплять любовь свою въ чашѣ вина (*), или забыть въроломную. Но никто не опнималъ у тебя сна, никто не лишалъ тебя способности усыплять сердце швое посредствомъ сладостныхъ мечпаній? Спи же, любовникъ, спи опъ вечера до утра, опъ утра до вечера, и, къ наказанію швоей каменной Лауры, ты вѣрно когда нибудь проснешься съ прежнимъ спокойствіемъ, съ прежнимъ равнодушіемъ: ибо сонъ, успокоивая спра-спи, испребляетъ даже ихъ вредное начало. Чшо есть сердце наше? Море. Удержи дыханіе въпровъ, и оно спокойно.

(Море — сердце — дыханіе въпровъ — спокойно! ... повпоряли слушапели, и громкія руко-плесканія раздались въ залѣ).

Природа, благая мать смерпныхъ! ты начинаешъ наказывать преспупника, оскорбителя правъ швоихъ, прежде законовъ человѣческихъ. — Взгляните на юношу, кошорый въ первый разъ нарушилъ священные законы нравшвенности: взоръ его пасмуренъ, неперпвливъ; онъ ищепъ чего-шо, ибо убѣгаетъ самаго себя, сего *внутренняго полубога*, кошораго мы носимъ въ груди сво-

(*) Ou bien buvez, c'est un parti fort sage. Volt.

ей; онъ ищетъ разсвѣянiя въ шумномъ свѣтѣ, въ опасныхъ удовольствiяхъ, и горе ему, если новыя преступленiя изгладятъ слѣды первыхъ! Но если, ведомый рукою совѣсти, онъ скроемъ на минуту опъ взоровъ человѣческихъ, и тамъ, въ безмолвномъ уединенiи, предастся размышленiю: по слезы — вѣспники добраго сердца — слезы раскаянiя омочатъ его ланины, душа его успокоится, прояснѣетъ, подобно мупной водѣ, яснѣющей опъ времени въ чистомъ сосудѣ; душа его придетъ въ лучшее состоянiе, и сонъ, — награда великаго, добраго дѣла, — сонъ заключитъ его въ *мягкiя объятiя*: ибо сонъ, вопреки всѣмъ наблюдашелямъ спраспей человѣческихъ, идетъ непосредственно за первымъ раскаянiемъ, — явная премудрость попечительнаго Промысла, который вручаетъ язвы сердца нашего посредствомъ благошворнаго усыпленiя.

Но теперь, какiя ужасныя карпины представляюща взорамъ нашимъ? Преступникъ, преступникъ закоренѣлый въ злодѣянiяхъ! Гласъ оскорбленной Природы подобно грому раздался въ его сердце, и гласъ сей былъ ужасенъ: *злодѣй! ты не будешь спать!* Вопъ приговоръ пиранамъ, сластолюбцамъ, рушителей спокойствiя общественнаго! Повторимъ сильныя слова Лапинскаго Спиховорца: »Уже ли спрашный ревъ быка Фаларидова, уже ли мечъ, прицѣпленный къ злопому

крову и висящій надъ главою вѣнчаннаго ширана, спрашивае, ужаснаго грызенія совѣсти того несчастнаго, который блѣднѣя говоритъ, и сполна пихо, что жена, лежащая съ нимъ на одномъ ложѣ, слышать не можетъ: я бѣгу, бѣгу къ погибели? «Знали ли сонъ Діонисій Сиракузскій и шѣ изверги природы, шѣ ряды вѣнчанныхъ злодѣевъ Рима, копорыхъ, какъ говоритъ Расинъ, одно имя есть ужасная обида ужасному ширану? Вкушалъ ли сонъ и шопъ щасливый злодѣй Брипаніи (Кромвель), копорого жизнь была загадка, копорый, подобно древнему ширану, укрывался каждый день въ новомъ убѣжищѣ? Между шѣмъ какъ Герой Сѣвера, сей великій мужъ, копорого жизнь достойна пера Плутархова — ибо малѣйшее его дѣяніе есть подвигъ ума — между шѣмъ, говорю я, какъ Суворовъ спалъ на плацѣ подъ открытымъ небомъ, въ виду огней непріятельскихъ и на канунъ рѣшительнаго сраженія!

И такъ, почтенные слушатели! способность спать во всякое время есть признакъ великой души (Надобно замѣтить, что это весьма понравилось Собранію Лѣнивыхъ). Древность, неисчерпаемый источникъ истины и басенъ, Древность, хранилище опытности, развертываетъ передъ нами свои харшіи. — Примѣры обильны и убѣдительны. Александръ на канунъ ужасной битвы

съ Даріемъ засыпаетъ ввечеру; Парменіонъ принужденъ его будить: ибо знамена Перскія блиспали уже вблизи спана Греческаго. Кашонъ имѣлъ привычку засыпать при наступленіи опасности: ибо ничто не могло поколебать великаго духа Героя Споиковъ. *Mediis tempestatibus placidus*. Августъ спитъ мертвымъ сномъ во время упорнаго морскаго сраженія, происходившаго у береговъ цвѣтущей Сициліи. Марій — и что всего чудеснѣе — Марій засыпаетъ подъ деревомъ во время послѣдней битвы съ Силлою, и тогда только сонъ покидаетъ неуспрашимаго вождя, когда сонмы nepřіятелей обратили въ бѣгство его воинство. Гибельный сонъ, но не менѣе того славный! Мудрый Эпименидъ, если вѣришь Историкамъ (когда не вѣрить или, то вѣрить ли кому?) проспалъ 57 лѣтъ сряду; и я вамъ клянусь Геродотомъ, ошцомъ Лѣтописцевъ, что есть народы на Сѣверѣ, копорые спятъ въ теченіе шести зимнихъ мѣсяцевъ, подобно суркамъ, не просыпаясь. Ученые опыскали, что сіи народы обипали въ Россіи; и это не подлежитъ теперь ни какому сомнѣнію, по крайней мѣрѣ въ Обществѣ нашемъ.

Изъ всего мною сказаннаго ясно извлекается слѣдующее заключеніе: сонъ есть признакъ великаго духа и доброй души. Доброй души — ибо сонливый человекъ не способенъ дѣлать зла, ко-

*

торое пребуеиъ великихъ усилій, безпокойсва и безпреспанной дѣятельности. — Посмотрите, какъ говоришь о безпечномъ снѣ Лафонпенъ, жертвовавшій ему половиною жизни своей, и котораго добродушіе вошло въ пословицу:

Je ne dormirai point sous de riches lambris :

Mais voit-on que le somme en perde de son prix?

En est-il moins profond, et moins plein de délices?

Je lui voue au desert de nouveaux sacrifices.

Но почему сонъ естъ спихія лучшихъ Поэтовъ? опъ чего они предаются ему до излишества, забываютъ все — и славу, и попомсво, и золотое правило Древности, которое говоришь именно, что праздность безъ науки — смерть, *otium sine litteris mors est*? Вопросъ важный, доспойный вниманія мудрецовъ и котораго я рѣшилъ не смѣю, боюсь вооружить противъ себя неусыпныхъ, но усыпительныхъ Писателей, которые — о святопапство! — и самое божество Ночи (*) оскорбляютъ кропаніемъ спиховъ. Знаю только, что Поэты всегда прославляли сладость сна; подобно нѣжнымъ дѣтямъ, ласкающимъ добраго родителя, они давали ему множе-

(*) У древнихъ Ночь была старѣйшимъ всѣхъ божествомъ.

ство пріятныхъ названій : сонъ утѣшитель смерп-
ныхъ! оправднй! тихій! сладоспный и пр. На-
чиная опъ Омера, всѣ они, всѣ до одного опи-
сывали менѣе или болѣе, хуже или лучше сіе успо-
коеніе души и тѣла. Тибулъ, котораго вся жизнь
была одно сладоспное мечпаніе безъ пробужденій
(проспите мнѣ это выраженіе), Тибулъ не въ
одномъ мѣспѣ выхваляетъ сонъ. — Я всегда съ
живымъ удовольспвіемъ привожу на память спи-
хи его :

Подъ тѣнію древесной отдыхаю,
Которая меня прохладою даритъ.
Сквозь солнце иногда дождь мелкой чупъ шумитъ :
Я слушаю его, помалу погружаюсь
Въ забвеніе и сномъ пріятнымъ наслаждаюсь.

Дмитріевъ.

Какая испинная любовь къ наслажденіямъ тихимъ!
какая любовь ко сну! Далѣе :

Иль въ мрачну, бурну ночь въ объятіяхъ драгой
Не слышу и грозы, шумящей надо мной!
Вошъ сердца моего желанья и утѣхи!

Дмитріевъ.

Первые два спиха показываюпъ маспера наслаж-
дапсья; послѣдній принадлежитъ къ малому числу
спиховъ, написанныхъ опъ души.

Ахъ! почтенное сословіе сонныхъ! если бы я не боялся прапы времени, которое можно посвящать съ такою пользою на сонъ;...

(И въ самомъ дѣлѣ Орапоръ началъ замѣчать нѣкошорую наклонность ко сну въ своихъ благосклонныхъ слушапеляхъ. Лучшія, краснорѣчивыя слова, имѣющіе странное дѣйствіе на лѣнливыхъ духомъ, дѣйствіе, подобное журчанію ручейка: сперва нравятся, а потомъ клоняшъ ко сну).

... Еслибъ помные глаза ваши не показывали, что онъ вамъ спановишся нужнѣе краснорѣчивѣйшаго панегирика... (Эпопъ въпорый членъ длиннаго періода былъ прерванъ сперва зѣваніемъ слушапелей, а потомъ и самаго Орапора, который однакожъ сдѣлалъ геройское усиліе и продолжалъ): то вѣрно бѣ я предложилъ вамъ убѣдительное сравненіе двухъ народовъ: одного воинственнаго, другаго мирнаго; одного, провождающаго дни и ночи на спражѣ съ копьемъ въ рукахъ; другаго, изгнавшаго изъ предѣловъ своихъ все, что клонилъ къ нарушенію сна: и пѣшуховъ, вѣспниковъ ушра, и шумныя Художеспва, и снаряды воинственные; я сдѣлалъ бы сравненіе Спарпанцевъ со щаспливыми Сибаришами, и сравненіе мое клонилось бы въ пользу послѣднихъ; я доказалъ бы, что нѣтъ щаспія въ

дѣятельности народной, и чрезъ то открытъ бы
неисповѣдимыя испины и новое поле Полишкамъ,
поле вовсе неизвѣстное.

(При словѣ *Политика*, хозяинъ началъ зѣ-
вать такъ сильно, что Орапоръ съ трудомъ
кончилъ):

Но я вижу, что *Морфей* сыплеть на васъ
зернистый макъ свой! Я ощущаю и самъ тайное
присутствіе бога Киммеринскаго. Крикъ его со-
трясающъ благовонную росу на любимцевъ. . . .
Перстъ его смыкаетъ уста мои. . . языкъ ко-
снѣтъ. . . и я. засыпаю.

Любимель сна *Дормидонъ Тихинъ*.

ХІІІ.

АРІОСТЬ и ТАССЪ.

Ученіе Италіянскаго языка имѣетъ особенную прелестъ. Языкъ гибкій, звучный, сладоспный, языкъ воспитанный подъ щасливымъ небомъ Рима, Неаполя и Сициліи, среди бурь политическихъ и попомъ при блестящемъ Дворѣ Медисовъ, языкъ образованный великими Писателями, лучшими Поэтами, мужами учеными, Полишиками глубокомысленными, — эпопѣ языкъ сдѣлался способнымъ принимать всѣ виды и всѣ формы. Онъ имѣетъ характеръ, отличный отъ другихъ новѣйшихъ нарѣчій и коренныхъ языковъ, въ которыхъ менѣе или болѣе примѣтна суровость, глухіе или дикіе звуки, медленность въ выговорѣ и нѣчто принадлежащее Сѣверу. — Великіе Писатели образуютъ языкъ; они даютъ ему нѣкоторое направленіе, они оставляютъ на немъ неизгладимую печать своего Генія: но обратно,

языкъ имѣетъ вліяніе на Писателей. Труднось выражаешь свободно нѣкоторыя дѣйствія Природы, всѣ описанія ея, всѣ измѣненія, останавливаешь не рѣдко перо искусное и опытное. — Аріостъ, напримѣръ, выражается свободно, описываетъ вѣрно все, что ни видишь (а взоръ сего чудеснаго Прошья обнимаетъ все мірозданіе); онъ описываетъ сельскую природу съ удивительною точностію, благовонные луга и рощи, прохладные ключи и пещеры полуденной Франціи, — лѣса, гдѣ Медоръ упомянутый нѣгою поживаетъ на сладостномъ лонѣ Анжелики; роскошные чертоги Альцины, гдѣ Волшебница сіяетъ между Нимфами (*si come è bello il sol più d'ogni stella!*); все живешь, все дышешь подъ его перомъ. Переходя изъ тона въ тонъ, отъ каршины къ каршинѣ, онъ изображаетъ звукъ оружія, прескъ щиповъ, свистъ пращей, преломленіе копій, неперпѣливосць коней, жаждущихъ боя, единоборство рыцарей и неимовѣрные подвиги мужества и храброспи; или брань стихій, и Природу всегда прелестную, даже въ самыхъ ужасахъ (*bello è l'orrore*)! — Онъ рассказываетъ, и рассказъ его имѣетъ живосць необыкновенную. Всѣ выраженія его вѣрны и съ спрогою точностію прозы передаютъ чисташе-лю блестящія мысли Поэта. Онъ шушишь, и шушки его, легкія, веселыя, игривыя и часпо не-

злюбныя, распворены Аппическимъ остроуміемъ. Часпо онъ предаеся движенію души своей, и удивляешъ васъ, какъ Орапоръ, порывами и силою мужественнаго краснорѣчія. Онъ прогаешъ, убѣждаешъ, онъ невольно испоргаешъ у васъ слезы; самъ плачешъ съ вами, и смѣешся надъ вами и надъ собою; или увлекаешъ васъ въ міръ неизвѣстный, созданный его Музою; заспавляешъ еспранспвовашъ изъ края въ край, поднимаешся на воздухъ; — онъ вespупаешъ съ вами въ царство Луны, гдѣ находишъ все упраченное подъ Луною и все, чпо мы видимъ на земноводномъ шарѣ: но все въ новомъ, премѣнномъ видѣ; снова спускаешся на землю, и снова описываешъ знакомыя спраны, и человѣка и спраспи его. — Вы безъ малѣйшаго усилія слѣдуете за чародѣемъ, вы удивляешесь Поэпу и въ сладоспномъ воспоргѣ восклицаете: Какой умъ! какое дарованіе! а я прибавлю: какой языкъ!

Такъ, одинъ языкъ Ипаліанскій (изъ новѣйшихъ разумѣеся) спошь обильный, спошь живой и гибкій, спошь свободный въ словосочиненіи, въ выговорѣ, въ ходѣ своемъ, одинъ онъ въ состояніи былъ выражаешъ всѣ игривыя мечпы и вымыслы Аріоспа, и какъ еще? въ шѣснѣйшихъ узахъ спихоспворспва (Аріоспъ писалъ окпавами). Но перенесите эшого чародѣя въ другой вѣкъ,

менѣе свободный въ мысляхъ (*), болѣе поработенный правиламъ сочиненія, основаннымъ на опытноспи и размышленіи, дайте ему языкъ Сѣвернаго народа, какой заблагоразсудите, — Англійскій, или Нѣмецкій, напримѣръ: — и я твердо увѣренъ, что Пѣвецъ Орланда не въ силахъ будещъ изображать Природу шакъ, какъ онъ поспигахъ ее и какъ описалъ въ своей Поэмѣ: ибо (еще повпору) Поэма его заключаешъ въ себѣ все видимое швореніе и всѣ спраспи человѣческія: это Иліада и Одиссея; однимъ словомъ, Природа, поработенная жезлу волшебника Аріоспа (**). Но щасливому языку Италіи, богатѣйшему наслѣднику древняго Латинскаго, упрекающъ въ излишней

(*) Аріоспъ писалъ, что хощелъ, прошивъ Папъ. Онъ смѣлся надъ подложной харпшей, кошорою Императоръ Конспаншинъ уступашъ Викарию С. Петра Римъ въ попомственное правленіе, и книга его напечатана въ Римъ — *con licenzia superiōri*.

(**) Напрасно будущъ мнѣ указывашъ на Англійскихъ и Нѣмецкихъ Писателей, подражавшихъ Аріоспу. Я отдаю полную справедливостъ Виланду, оспроумному Поэпу и зиждипелю новаго языка въ своемъ опечесшвѣ; но скажу, и должно со мною согласишся, что въ Оберонѣ менѣе вещей, нежели въ Орландѣ; языкъ не столь полонъ, и заспавляетъ всегда чего нибудъ желашъ; Поэпъ не договариваетъ, и — весьма часто.

изнѣженности? Эпопѣ упрекъ совершенно несправедливъ и доказываетъ одно невѣжество; знамоки могутъ указать на множество мѣстъ въ Тассѣ, въ Аріостѣ, въ самомъ нѣжномъ Поэтѣ Валлакіузскомъ, и въ другихъ Писателяхъ, менѣе или болѣе славныхъ, множество стиховъ, въ которыхъ сильныя и величественныя мысли выражены въ звукахъ сильныхъ и совершенно сообразныхъ съ оными; гдѣ языкъ есть прямое выраженіе души мужественной, исполненной любви къ отечеству и свободѣ. Не одно — *Chiama gli abitator* — найдется въ Тассѣ; множество другихъ мѣстъ доказываютъ силу Поэта и языка. Сколько описаній битвъ въ Поэмѣ Торквато! И мы смѣло сказать можемъ, что сіи картины не уступаютъ, или рѣдко ниже картинъ Виргилія. Онѣ часто напоминаютъ намъ самого Омера.

Посмотрите на это ужасное послѣдствіе войны, на груды блѣдныхъ тѣлъ, по которымъ бѣгутъ испуганные воины, преслѣдуя матерей,

Позвольте сдѣлать слѣдующій вопросъ: если бы Виландъ писалъ въ Италіи, во время Аріоста, по какой видѣ получила бы его Поэма? — Языкъ у Стихотворца то же, что крылья у птицы, что матеріалъ у ваятеля, что краски у живописца.

прижавшихъ трепещущихъ младенцевъ къ персямъ своимъ :

Ogni cosa di strage era già pieno;
Vedeansi in mucchj e in monti i corpi avvolti.
La i feriti su i morti, e quì giaceano
Sotto morti insepolti, egri sepolti.
Fuggian premendo i pargoletti al seno,
Le meste madre, co capègli sciolti:
E'l predator di spoglie e di rapine
Carco, stringea le vergine nel crine. —

» Всѣ мѣсна преисполнились убійствомъ. Груды и
» горы убіенныхъ! Тамъ раненые на мерзвыхъ,
» здѣсь мерзвыми завалены раненые; прижавъ къ
» персямъ младенцевъ, убѣгающъ опчаянныя ма-
» тери съ раскиданными власами; и хищникъ,
» опягченный ограбленными сокровищами, хва-
» щаетъ за власы дѣвъ успрашенныхъ. «

Желаєте ли видѣть поле сраженія, покры-
тое шерпѣливыми воинами, — карпину един-
ственную, величественную! Солнце проливаетъ
лучи свои на долину; все сіяетъ: и оружіе разно-
цвѣтное, и спальные доспѣхи, и шлемы, и щипы
и знамена. Слова Поэты имѣютъ нѣчто блестя-
щее, торжественное, и мы невольно восклицаемъ
съ нимъ: bello in sì bella vista anco è l'orrore!

Grande e mirabil cosa era il vedere

Quando quel campo, e questo a fronte venne:

Come spiegate in ordine le schiere;
Di mover già, già d'assalire accenne:
Sparse al vento ondeggiando ir le bandiere,
E ventolar sù i gran cimier le penne;
Abiti, fregj, imprese, arme e colori
D'oro e di fero al sol lampi e folgori.

Sembra d'alberi densi alta foresta
(L'un campo e l'altro, di tant'aste abonda!)
Son tesi gli archi, e son le lance in resta:
Vibransi i dardi, e rotasi ogni fionda. —
Ogni cavallo in guerra anco s'appresta:
Gli odj e'l furor del suo signor seconda:
Raspa, batte, nitrisce e si raggira;
Gonfia le nari, e fumo e foco spira.

Bello in sì bella vista anco è l'orrore!

» Опкрылось великолѣпное и удивительное
» зрѣлище, когда оба войска выпроились одно
» прошивъ другаго, когда развернулись въ порядкѣ
» полчища, двигаясь и нападать гошовья! Рас-
» пущенныя по вѣпру знамена волнуяся; на вы-
» сокихъ гребняхъ шлемовъ перья колеблющаяся;
» испещренныя одежды, вензели и цвѣты оружія,
» злато и сшаль яркимъ блескомъ и сіяніемъ лучи
» солнечныя отражающъ. «

» Въ густой и высокой лѣсѣ сомкнулись копья:
» столь многочисленно и то и другое воинство!
» Нашануны луки, обращены копья, сверкающъ
» дрошки, пращи крупящяся, самый конь жаждетъ

» кровавой биввы: онъ раздѣляетъ ненависть и
» гнѣвъ ожесточеннаго всадника; онъ роешь зем-
» лю, бьешь копытами, ржешь, крупнѣя, раз-
» дуваетъ ноздри, и дымомъ и пламенемъ пышетъ.»

Но бивва закипѣла, часъ ошъ часу спанови-
ся сильнѣе и сильнѣе. Въ сраженіи есть минушы
рѣшительныя; я на опытъ знаю, что онѣ не
столь ужасны. Побѣдитель преслѣдуетъ, побѣж-
денный убѣгаетъ; и шопъ и другой увлекаются
примѣромъ товарищей своихъ, и шопъ и другой
заняты собою. — Но минута ужасная есть та,
когда оба войска, послѣ продолжительнаго и упор-
наго сопротивленія, истощивъ всѣ усилія храбро-
сти и искусства воинскаго, ожидаютъ рѣшитель-
наго конца, — побѣды, или пораженія; когда всѣ
гласы, всѣ громы, сольются во едино и сосна-
вятъ нѣчто мрачное, неопредѣленное и безпре-
сманно возрастающее: эту минушу Поэтъ опи-
сываетъ съ необыкновенною вѣрностію:

Così si combatteva: e in dubbia lance

Col timor le speranze eran sospese.

Pien tutto il campo è di spezzate lance,

Di rotti scudi, e di troncato arnese:

Di spade ai petti, alle squarciate pance

Altre confitte, altre per terra stese:

Di corpi altri supini, altri co'volti

Quasi mordendo il suolo, al suol rivolti. —

Giace il cavallo al suo signore appresso,
Giace il compagno appo il compagno estinto,
Giace il nemico appo il nemico, e spesso
Sul morto il vivo, il vincitor sur vinto.
Non v'è silenzio, e non v'è grido espresso,
Ma odi un non sò che roco, e indistinto.
Fremiti di furor, mormori d'ira,
Gemiti di chi langue, e di chi spira.

L'arme, che già si liete in vista foro,
Facceano or mostra spaventosa e mesta.
Perduti ha i lampi il ferro, i raggi l'oro,
Nulla vaghezza ai bei color più resta.
Quanto apparia d'adorno, e di decoro
Ne'cimieri, e ne fregi, or si calpesta.
La polve ingombra ciò ch'al sangue avanza.
Tanto i campi mutata avean sembianza! (*)

» Такъ раповало воинство съ равнымъ спрахомъ
» и надеждою. Все поле завалено преломленными
» копьями, разбишыми щипами и доспѣхами. Мечи
» вонзилися въ грудь, въ прободенные панцыри;
» иные по землѣ размешаны. Здѣсь прупы ницѣ

(*) Въ сихъ прехѣ Окшавахъ безсмертный Тасъ превзошелъ себя. — Здѣсь полная карпина. Ничего лишняго, ничего наплянутаго, сверхъестественнаго. Non v'è silenzio non v'è grido espresso, и при слѣдующіе списа живописны. — Въ послѣдней окшавѣ Спиховворецъ повпоряешъ всѣ подробности и кончитъ какъ мастеръ: Tanto i campi avean mutata sembianza.

» поверженные въ прахъ; тамъ трупы лицомъ обра-
» щенные къ солнцу. «

» Лежишь конь близъ всадника, лежишь по-
» варишь близъ бездыханнаго товарища; лежишь
» врагъ близъ врага своего и часпо мершвый на
» живомъ, побѣдншель на побѣжденномъ. — Нѣтъ
» молчанія, нѣтъ криковъ явспвенныхъ; но слы-
» шися нѣчто мрачное, глухое: клики опчаянія,
» гласы гнѣва, воздыханія спраждущихъ, вопли
» умирающихъ. «

» Оружіе, дошолъ пріятное взорамъ, являешъ
» зрѣлище ужасное и плачевное. Упратила блескъ
» и лучи свои гладкая спаль. Упратили красоту
» свою разноцвѣтные доспѣхи. Богатые шлемы,
» прекрасныя лапы въ прахъ ногами попраны. Все
» покрыто пылью и кровью: споль ужасно пре-
» мѣнилось воинство (*)!

(*) Сія картина поля сраженія напоминаетъ намъ пре-
красные списы Ломоносова:

Различнымъ образомъ повержены тѣла:

Иный съ размаху мечъ занесъ на сопосапа,

Но прежде прободенъ, удара не скончалъ.

Иный, забывъ врага, прельщался блескомъ злата;

Но мершвый на корысть желанную упалъ.

Иный опъ сильнаго удара убѣгая

Часть I.

Мы не можемъ останавливаться на всѣхъ красотахъ освобожденнаго Іерусалима; ихъ множество! Прелестный Эпизодъ Эрминіи, смерть Клоринды, Армидины сады и единоборство Танкреда съ Арганшомъ: кто читалъ васъ безъ восхищенія? Вы останетесь незабвенными для сердецъ чувствительныхъ и для любителей всего прекраснаго! Но въ Поэмѣ Тассовой есть красоты другаго рода; и на нихъ должно обратить вниманіе Поэту и Критику. — Описаніе нравовъ народныхъ и обрядовъ Вѣры есть лучшая принадлежность Эпопеи. Тассъ отличился въ ономъ. Съ какимъ искусствомъ изображалъ онъ нравы рыцарей, ихъ великодушіе, смиреніе въ побѣдѣ, неимовѣрную храбрость и набожность! Съ какимъ искусствомъ приводитъ онъ Крестовыхъ воиновъ къ стѣнамъ Іерусалима! Они горятъ неперпѣніемъ увидѣвъ священные верхи града Господня. Издали воинство привѣщивуешь его непрерывными восклицаніями, подобно мореплавателямъ, открывшимъ

Спрямглавъ на низъ слезъ и стонетъ подъ конемъ;
Иный пронзенъ, угасъ, прошивника сражая;
Иный врага повергъ, и умеръ самъ на немъ.

Замѣтимъ мимоходомъ для Спихотворцевъ, какую силу получаютъ самыя обыкновенныя слова, когда они посвящены на свое мѣсто.

желанный берегъ. Но вскорѣ священный страхъ и уныніе смѣняють радость: никто безъ ужаса и сокрушенія не дерзаетъ взглянуть на священное мѣсто, гдѣ Сынъ Божій искупилъ человѣчество спраданіемъ и вольною смертію. Главы и ноги начальниковъ обнажены; все воинство послѣдуетъ ихъ примѣру, и гордое чело рыцарей смиряется предъ Тѣмъ, Кто располагаетъ по волѣ и побѣдою, и лаврами, и славою земною, и царствомъ неба. Такого рода красоты, суровыя и важныя, почерпнушы въ нашей Религіи: древніе ничего не оставили намъ подобнаго. Всѣ обряды Вѣры, всѣ спрашныя таинства обогатили Тасову Поэму. — Ринальдо вырывается изъ объятий Армиды; войско встрѣчаетъ его съ радостными восклицаніями. Юный випязъ бесѣдуетъ снова съ поварищами о войнѣ, о чудесахъ очарованнаго лѣса, копорыя онъ одинъ можетъ разрушить: но простой опшельникъ Пепръ совѣтуетъ рыцарю исповѣдью очистишься отъ заблужденій юности, прежде нежели онъ приступитъ къ совершенію великаго подвига. «Сколько ты обязанъ Всевышнему!» — говоритъ онъ: — «Его рука спасла тебя; она спасла заблуждшую овцу и причислила ее къ своему спаду. Но ты покрытъ еще шиною міра, и самыя воды Нила, Гангеса и Океана не могутъ очистить тебя: одна благо-

дашь совершишь сіе.» Онъ умолкъ, и сынъ прелестной Софіи, сей гордый и неперпѣливый юноша, повергаешся къ стопамъ смиреннаго опшельника, исповѣдуетъ ему прегрѣшенія юности своей, и очищенный отъ оныхъ идетъ безпрепятственно въ лѣса, исполненные очарованій волшебника Исмена. — Годофредъ, желая осадить городъ, приготовляетъ махины, спѣнобинныя орудія; но строгій Пепръ является въ шаперъ къ военачальнику. »Ты приготовляешь земныя орудія« — говоритъ онъ набожному повелителю, — »а не начинаешь, опколѣ надлежишь. Начало всего на небѣ. Умоляй Ангеловъ и полки Свяшыхъ; подай примѣръ набожности войску.« И на упротъ опшельникъ развѣваетъ страшное знамя, въ самомъ раю почишаемое; за нимъ слѣдуетъ ликъ медленнымъ шагомъ; Священнослужители и воины (соединившіе въ рукѣ своей кадильницу съ мечемъ), Гвильемъ и Адимаръ, заключающъ шествіе лика; за ними Годофредъ, начальники и войско обезоруженное. Не слышно звуковъ трубы и гласовъ бранныхъ; но гласы молитвы и смиренія:...

Te Genitor, te Figlio eguale al Padre,
E te, che d'ambo uniti amando spiri,
E te, d'Uomo, e di Dio Vergine Madre,
Invocano propizia ai lor desiri, и пр. и пр.

Такъ шестивуесть поющее воинство, и гласы его повсюду глгобкія долины, высокіе холмы и эхо пустынь опдаленныхъ. Кажется, другой ликъ проходишь въ лѣсахъ, доселѣ безмолвныхъ, и явственно великія имена Маріи и Христа воспѣвается. Между тѣмъ со стѣнъ города взираюшь въ безмолвіи удивленные поклонники Могаммеда на обряды чуждые, на велебїе чудесное и тѣбїе божественное. Вскорѣ гласы проклятій и хуленій невѣрныхъ наполняютъ воздухъ: горы, долины и пошюки пустынные ихъ съ ужасомъ повсюду.

Такимъ образомъ великій Спихопворецъ умѣлъ пропивооспавишь обряды, нравы и Религіи двухъ враждебныхъ народовъ, и изъ садовъ Армидиныхъ, опъ сельскаго убѣжища Эрминіи, перенести въ спанъ Христіанскій, гдѣ все дышетъ благоче-спіемъ, набожноспію и смиреніемъ. Самый языкъ его измѣняется. Въ черпюгахъ Армиды онъ сла-доспень, нѣжень, изобиленъ; здѣсь онъ муже-спвенъ, величеспвенъ и даже суровъ. Тѣ, копорые упрекають Ипаліанцевъ въ из-лишней изнѣженности, конечно забываютъ прехъ Поэповъ: Альфери — душою Римлянина, Данпа — зиждишеля языка Ипаліанскаго, и Петрарка, копорый нѣжность, сладость и поспоянное со-гласіе умѣлъ сочешать съ силою и крапкостію.

XIV.

ПЕТРАРКА.

S'amor non è, che dunque è quel ch'io sento?

Что же я чувствую, если и это не любовь?

Вошъ чшо говоритъ Петрарка, котораго одно имя напоминаетъ Лауру, любовь и славу. Онъ заслужилъ славу трудами посюльными и пользою, которую принесъ всему человѣчеству; какъ Ученый прилѣжный, неутомимый, онъ первый воспановилъ ученіе Латинскаго языка; онъ первый занимался крипическимъ разборомъ древнихъ рукописей, какъ истинный знапокъ и любитель всего Изящнаго. — Не по однѣмъ заслугамъ въ учености имя Петрарки сіяетъ въ Исторіи Италіанской: онъ участвовалъ въ распряхъ народныхъ, и былъ употребленъ въ важнѣйшихъ переговорахъ и посольствахъ, осыпанъ милостіями Императора Римскаго, и наконецъ опъ Роберта, Короля Неаполитанскаго — названъ и другомъ и

величайшимъ Геніємъ. Замѣтите, что Робертъ былъ ученѣйшій мужъ своего времени, и предпочиталъ (это собственныя его слова) Науки и дарованія самой діадимѣ. Наконецъ Пепрарка сдѣлался безсмертенъ стихами, которыхъ онъ самъ не уважалъ (*), — стихами, писанными на языкѣ Италіянскомъ, или народномъ нарѣчіи. — И такъ, славы никто не оспариваетъ у Пепрарки; но многіе сомнѣвались въ любви его къ Лаурѣ. Многіе Французскіе Писатели утверждали, что Лаура никогда не существовала, что Пепрарка воспѣвалъ одинъ призракъ, красоту созданную его воображеніемъ, какъ создана была Дульцинея Серваншовымъ героемъ. —

Италіянскіе крипики, ревнивели славы божественнаго Пепрарки, утвердили существованіе Лауры; они входили въ малѣйшія подробности ея жизни, и на каждый стихъ Пепрарки написали цѣлыя страницы толкованій. — Сія дань

(*) Въ этомъ неуваженіи къ стихамъ своимъ Богдановичъ много сходствовалъ съ Пепраркою. Онъ часто говорилъ М. у: „Стихи мои, которые вамъ такъ нравились, умрутъ со мною; но моя Русская Исторія переживетъ меня. Стихи мои не много стоили труда; надъ Исторіей я много пролилъ поту: на ней-то основана моя слава. . . .“ Пепрарка и Богдановичъ, обманулись!

учености дарованію покажется инымъ излишнею, другимъ смѣшною; но мы должны признайся, что только въ нѣхъ земляхъ, гдѣ умѣютъ такимъ образомъ уважать опичныя дарованія, родяся великіе Авторы. Любители Поэзіи и чувствительные люди, которые по движеніямъ собственнаго сердца, пламеннаго и возвышеннаго, угадываютъ сердце Поэта и истину его выраженій, не будучъ сомнѣваться въ любви Петрарки къ Лаурѣ: каждый стихъ, каждое слово носитъ неизгладимую печать любви.

Любовь способна принимать все виды. Она имѣетъ свой особенный характеръ въ Анакреонѣ, Феокрипѣ, Капулѣ, Проперціи, Овидіи, Тибуллѣ и въ другихъ древнихъ Поэтахъ. Одинъ сладострастенъ, другой нѣженъ, и такъ далѣе. Петрарка, подобно имъ, испытывалъ все мученія любви и самую ревность; но наслажденія его были духовныя. — Для него Лаура была нечто невещное, чистѣйшій духъ, излившійся изъ нѣдръ божества и облекшійся въ прелести земныя. — Древніе Стихотворцы были идолопоклонники; они не имѣли и не могли имѣть сихъ возвышенныхъ и опвлеченныхъ понятій о чистотѣ душевной, о непорочности, о надеждѣ увидѣться въ лучшемъ мірѣ, гдѣ нѣтъ ничего земнаго, преходящаго, низкаго. Они наслаждались и воспѣвали свои наслаж-

денія; они спирали и описывали ревность, по-
ску въ разлукѣ, или надежду близкаго свиданія. —
Слезы горести или восторга, иѣкоторыя обряды
идолопоклонства, очарованія какой-нибудь волшеб-
ницы (любовь всегда суевѣрна), воспоминаніе о зо-
лопомъ вѣкѣ и вѣчныя сожалѣнія о юности, уле-
пшающей какъ призракъ, какъ сонъ, — вотъ изъ
чего были составлены любовныя Поэмы Древнихъ,
вотъ по чему въ ихъ твореніяхъ мы видимъ бо-
лѣе движенія и лучшее развитіе страстей, однимъ
словомъ, болѣе драматической жизни, нежели въ
одахъ Пешрарки, — но не болѣе истины.

Тибуллъ, задумчивый и нѣжный Тибуллъ, лю-
билъ напоминать о смерти своей Деліи и Неме-
зидѣ. »Ты будешь плакать надъ умирающимъ Ти-
булломъ; я сожму руку твою хладѣющею рукою;
о Делія!...«

Te spectem, suprema mihi cum venerit hora,

Te teneam moriens, deficiente manu....

И сіи слова драгоцѣнны для сердецъ чувствитель-
ныхъ! Но послѣ смерти всему конецъ для Поэты;
самый Элизій не есть вѣрное жилище. Каждый
Поэтъ передѣлывалъ его по своему и переносилъ
туда грубыя, земныя наслажденія. Пешрарка на-
прощивъ того: онъ надѣется увидѣть Лауру въ

лонъ Божеспва, посреди Ангеловъ и Свяшыхъ: ибо Лаура его еспъ ангелъ непорочности; самая смерть ея — торжествъ жизни надъ смертію. »Она погасла какъ лампада« — говоришь Спихотворецъ — „смерть не обезобразила ея прелестей; нѣтъ! не смертная блѣдность покрыва ея лице: бѣлизна его подобилась снѣгу, медленно падающему на прекрасный холмъ въ безвѣпренную погоду. Она покоилась, какъ человекъ по совершеніи великихъ трудовъ: и эпо называютъ смертію слѣпыя человеки!»

Петрарка девять лѣтъ оплакивалъ кончину Лауры. Смерть красавицы не испрестила его спраши; напрошивъ того, она дала новую пищу его слезамъ, новыя цвѣты его дарованію: гимны Поэпа сдѣлались божественными. Никакая земная мысль не помрачала его печали. Горестъ его была вѣчная, горестъ Христіанина и любовника. Онъ жилъ въ небесахъ: тамъ былъ его умъ, его сердце, всѣ воспоминанія; тамъ была его Лаура! — Спихи Петрарки, сіи гимны на смерть его возлюбленной, не должно переводить ни на какой языкъ: ибо ни одинъ языкъ не можетъ выразить постоянной сладости Тосканскаго, и особенной сладости Музы Петрарковой. Но я желаю оправдать Поэпа, котораго часто Крипика (опидавая впрочемъ похвалу гармоніи спиховъ его) спавишь

наравнѣ съ обыкновенными Писателями по часпи изобрѣшенія и мыслей. Въ прозѣ оспажушся однѣ мысли.

» Исчезла швоя слава, мїръ неблагодарный! и ты сего не видишь, не чувспвуешь. Ты не доспойна была знатъ ее, земля неблагодарная! ты не доспойна бытъ попираема ея священными спопами! Прекрасная душа ея преселилась на небо. Но я, несчастный! я не могу любить безъ нее ни смерпной жизни, ни самого себя! Лаура! шебя призываю со слезами! слезы послѣднее мое утѣшеніе; онѣ меня подкрѣпляютъ въ горести. Увы! въ землю превратились ея прелести; онѣ были здѣсь залогомъ красоты небесной и наслажденій райскихъ. Тамъ ея невидимый образъ: здѣсь покрывало затемнявшее его сіяніе. Она облечется снова и на вѣки въ красоту небесную, которал, безъ сравненія превосходитъ земную. Ея образъ являеся мнѣ одному (ибо кто могъ обожасть ее, какъ я?), онѣ являеся и прелестнѣе и свѣплѣе. Божественный образъ ея, милое имя, которое опизывается споль сладоспно въ моемъ сердцѣ, — вы единспвенные опоры слабой жизни моей.... Но когда минувное заблужденіе исчезаетъ, когда я вспомню, что лишился надежды моей въ самомъ цвѣтѣ и сіяніи: любовь! ты знаешь, что со мною тогда бываетъ, знаешь и она, та которая при-

ближилась къ божественной истинѣ. . . Я страдаю; а она изъ жилища вѣчной жизни съ гордою улыбкою презрѣнія взираетъ на земное одѣяніе свое, здѣсь оспавленное. Она о тебѣ одномъ вздыхаетъ, и умоляетъ тебя не затмишь сіянія славы ея, побойся на землѣ распроспраненнаго; да будетъ гласъ твоихъ пѣсней еще звучнѣе, еще сладоспнѣе, если сладоспны и драгоцѣнны! были очи ея твоему сердцу! « — Древность ничего не можетъ представить намъ подобнаго. Гореспъ! Пепрарки услаждается мыслію о безсмертіи души, строгою мыслію, которая одна въ силахъ искоренить спраспи земныя; но Поэзія не теряетъ своихъ красокъ. Спиховорець: умѣлъ сочешашъ землю и небо; онъ заспавилъ Лауру заботишъся о славѣ земной, единспвенномъ сокровищѣ, которое осталось въ рукахъ ея друга, осиротѣлаго на землѣ. Иначе плачетъ надъ урною любовницы древній Поэспъ; иначе Овидій сѣшуетъ о кончинѣ Тибулла: ибо всѣ понятія Древнихъ о душѣ, о безсмертіи были неопредѣленны. — Пепрарка, пораженный ужасною вѣспію о кончинѣ Лауры, написалъ нѣсколько спрокъ на заглавномъ листѣ Виргилія, который весь наполненъ былъ его замѣчаніями: ибо Пепрарка читалъ Виргилія! и училъ наизустъ безпреспанно. Сія рукопись, драгоцѣнный оспапокъ

двухъ великихъ людей, хранилась въ Амброзіанской библіотекѣ, а нынѣ, если не ошибаюсь, находишся въ Парижѣ. Простота не многихъ спрокъ, начертанныхъ въ глубокой горести, прелестна и спойтъ лучшаго гимна. Изъ нихъ-то можно видѣшь, что Петрарка не сочинялъ свою спрасъ, и что стихи его были только слабымъ воспоминаіемъ того, что онъ чувствовалъ.

Вопъ сіи спроки. »Лаура, славная по качествамъ души своей и споль долго мною прославляемая, предшала въ первый разъ моимъ глазамъ въ началѣ моего юношескаго возраста, въ 1327 году 6 Апрѣля, въ церкви С. Клары, въ Авиньонѣ, въ первомъ часу по полудни. И въ томъ же самомъ городѣ, въ томъ же мѣсяцѣ, 6 числа, въ первомъ часу, 1348 года, сія небесная лампада попухла, когда я находился въ Веронѣ, не вѣдая ничего о моемъ несчастіи. — Въ Пармѣ узналъ я эту плачевную новость чрезъ письмо друга моего Лудовика, того же года, въ Маѣ, по утру. Ея числѣйшее, ея прелестное шѣло было положено, въ самый день ея смерти, въ церкви Кармелишовой. Я увѣренъ, что ея душа возвратилась на небо, откуда она пришла, пакъ какъ Сципіонова, по словамъ Сенеки. « —

Петрарка любилъ; но онъ чувствовалъ всю суешность своей спраси, и съ нею боролся не

однажды. Любовь къ Лаурѣ и любовь къ славѣ подѣ конецъ жизни его слились въ одно. Любовь къ славѣ, по словамъ одного Русскаго Писателя, есть послѣдняя спрасть, занимающая великую душу. — Поэмы: Тріумфъ Любви, — Непорочности, — Смерти — Божества, въ которыхъ и самый снисходительный критикъ найдетъ множество несообразностей и оскорбленій вкуса, заключающіе однакоже въ себѣ неувядаемыя красоты слога, выраженія и особенно мыслей. Въ нихъ-то Спихотворецъ описываетъ всѣ мученія любви, коюрой міръ, какъ пирану, приноситъ непрестанныя жертвы. — » Я знаю « — говоритъ онъ — » какъ непоспоянна и претѣнчива жизнь любовниковъ. Они по робки, по предприимчивы. Немного радостей награждаютъ ихъ за непрерывныя мученія. Знаю ихъ нравы, ихъ воздыханія, ихъ пѣсни, прерывные разговоры, внезапное молчаніе, крапкій смѣхъ и вѣчныя слезы. Любовь подобна сладкому меду, распущенному въ соку полынномъ (*). « Сію послѣднюю мысль Тассъ повторилъ въ своей Поэмѣ. Пѣвецъ Іерусалима испыталъ всѣ мученія любви.

(*) Гордый и пламенный Альфіери называетъ Петрарку учителемъ любви и Поэзіи. *Maestro in amare ed in Poesia.*

Во времена Пепрарковы, столь смежныя съ временами Рыцарства, любовь не утратила еще своего владычества надъ людьми всѣхъ сословій. Во Франціи, отъ Короля до простого воина, каждый имѣлъ свою даму: *Madame et St. Denis!* восклицали Французскіе рыцари въ пылу сраженій, и совершали неимовѣрные подвиги. Рыцарь Сиръ де Флеранжъ, водружая знамя на стѣнѣ крѣпости, взятой приступомъ, кричалъ своимъ товарищамъ: Ахъ! если бы видѣла красавица своего рыцаря! — Трубадуры воспѣвали красоту; за ними и всѣ Поэты (не исключая важнаго и мрачнаго Данте, остроумнаго и веселаго Боккачіо), всѣ прославляли своихъ красавицъ, и имена ихъ оспались въ памяти Музъ. Исторія Парнасса Италійскаго есть исторія любви. Въ одномъ изъ своихъ *Триумфовъ* Пепрарка исчисляетъ великихъ мужей древнихъ и новѣйшихъ, копорые всѣ учинились жертвами страсти. Конечно здравый вкусъ негодуешь на сочешаніе именъ Давида и Соломона съ именами Тибулла и Проперція; но нѣкоторыя мѣста сей Поэмы имѣютъ особенную прелесть, а болѣе всего тѣ, въ копорыхъ Спихопворецъ исчисляетъ своихъ друзей въ пѣну у суроваго бога.

— «Я увидѣлъ *Виргилія*» — говоритъ онъ — «съ нимъ *Овидія*, *Капулла* и *Проперція*, копорые всѣ столь пламенно воспѣвали любовь — и наконецъ нѣжнаго

Тибулла. Юная Гречанка (Сафо) шеспвовала рядомъ съ возвышенными пѣвцами, воспѣвая сладкіе гимны. Бросивъ взоры на окрестныя мѣста, я увидѣлъ на цвѣтущей зеленой долинь толпу, разсуждающую о любви. Вошъ Данте съ Беапприкою! вошъ Сельважіа съ Чино! и пр. и пр. Но теперъ я не могу сокрытъ моей гореспи: я увидѣлъ друзей моихъ, и посреди ихъ Томасса, украшеніе Болоніи, Томасса, копорого прахъ исплѣваепъ на землѣ Мессинской. О минувныя радости! гореспная жизнь! кто опнялъ у меня такъ рано мое сокровище, моего друга, безъ которого я не могъ дышати? Гдѣ онъ теперъ находишся? — Прежде онъ былъ со мною неразлученъ. Жизнь смерпныхъ, гореспная жизнь! ны не что иное, какъ сонъ больного спрадальца, пусная басня романа! — Уклонясь въ сторону отъ прямаго пути я вспрѣнилъ моего Сокраша и Лелія. Съ ними желалъ бы я долѣе шеспвовати. Какая чеша друзей! Ни проза, ни стихи мои не могушъ ихъ достойно прославишь; ихъ нагая добродѣшель и безъ пѣсней Музъ заслуживаепъ пощпеніе міра. Съ ними я похитилъ слишкомъ рано славный лавръ, копорый доселѣ украшаепъ мою главу, въ воспоминаніе той, кошую обожаю! — Лавръ (Лауго) напоминаепъ имя Лауры, и пошому быть вдвое драгоцѣненъ сердцу Поэша. По

смерти славнаго Колонны и Лауры Спихопворецъ воскликнулъ :

Rotta è l'alta Colonna, è l verde Lauro !

Мы замѣтили уже, что неумѣренная любовь къ славѣ равнялась или спорила съ любовью къ Лаурѣ въ пламенной душѣ Пепирарки. Одна чистѣйшая набожность и возвышенныя мысли о безсмертіи души могли уменьшать ихъ силу, и то временно; но искоренить совершенно не имѣли власти. Съ какимъ чистосердечнымъ сокрушеніемъ описываетъ онъ борьбу Религіи съ любовью къ славѣ ! Въ каждомъ словѣ видѣнъ Христіанинъ, который знаетъ, что ничто земное ему принадлежаще не можетъ; что всѣ труды и усилія человека напрасны, что слава земная исчезаетъ, какъ слѣдъ облака на небѣ: знаетъ твердо, убѣжденъ въ сей истинѣ, и все не преспающе жертвоваше своей спраси ! » Мой умъ занявъ сладкою и горестною мыслию (говоритъ онъ), мыслию, которая меня ушруждаетъ и исполняетъ надеждою мѣлкое сердце. Когда вообразу себѣ сіяніе славы, то не чувствую ни хлада зимы, ни лучей солнечныхъ, забываю спрашную блѣдность моего чела и самыя недуги. Напрасно желаю умертвить сію мысль; она снова и сильнѣе рождается въ моемъ сердцѣ. Она вепрѣшила меня въ пеленахъ

младенчества, день ото дня со мною возрастала, и страшусь, чтобы со мною не заключилась въ могилѣ. Но къ чему послужають мнѣ сіи льстивыя желанія, когда моя душа отдѣлилась отъ бреннаго тѣла? Послѣ кончины моей если и вся вселенная будетъ обо мнѣ говорить.... суеда! суеда! Одинъ мигъ разрушаетъ все труды наши. Такъ! я желалъ бы обнять истину и забыть на вѣки суебную тѣнь славы!» —

И самый слогъ Пепрарки сообразно съ предметами измѣняется: важность мыслей въ Триумфѣ Смерти и Божества дають слогу особенную силу, возвышенность и краткость. Часто два или три слова заключаютъ въ себѣ мысль или глубокое чувство. Ода, въ которой Поэтъ обращается къ Ріензи (такъ полагаетъ Вольтеръ, а другіе критики утверждаютъ, что сія Ода писана не къ Ріензи, а къ Колоннѣ), сія Ода въ которой онъ умоляетъ народнаго Трибуна священными именами Сципіоновъ и Брусовъ, распоргнувъ оковы Рима и поставивъ его на древнюю степень сіянія и славы, напоминаетъ намъ прекрасныя Оды Горація. Она исполнена древняго вкуса и того величія, которое Италіяне, чувствительные ко всему изящному, называютъ *Grandioso* въ Поэзіи, въ Ваяніи, въ Живописи, во всѣхъ Искусствахъ. Римъ былъ счастіемъ Пе-

пратки. Онъ не могъ просиить Папъ перенесенія прона въ Авиньонъ, и вопъ въ какихъ словахъ изливаетъ свое негодованіе передъ защитникомъ правъ народныхъ; вопъ какимъ образомъ взываетъ къ воскресителю столицы міра:

«Сіи древнія стѣны, предъ коими міръ благоговѣетъ и смертные спрашатся, когда обращаютъ вспять взоры на давно минувшіе вѣки, сіи камни надгробные, подъ коими исплѣвается прахъ великихъ людей, славныхъ даже до разрушенія міра: всѣ сіи развалины древняго величія надѣются воскреснуть побою. — О великіе Сципіоны! о вѣрный Брутъ! съ какою радостію узнаете вы благодѣяніе новаго Героя! съ какимъ веселіемъ и ты, Фабрицій, узнаешь вѣсть сію! Ты скажешь: мой Римъ еще будетъ прекрасенъ!»

Надежды Пепратки не сбылись. Но любители изящной Поэзіи знаютъ наизустъ прекрасные стихи любовника Лауры, обожателя древняго Рима и древней свободы. Ни любовь, ни мѣлкія выгоды самолюбія, ни опасность — говоришь испину въ смутныя времена междоусобія, ничто не могло ослабить въ немъ любви къ Риму, къ древнему опечеству добродѣтелей и Музъ, ему драгоценныхъ: ибо ничто не могло погасить любви къ Изящному и къ истинѣ въ его сердцѣ. Узнавъ неистовые поступки Ріензи, съ чистосер-

дечною гордостію, достойною лучшихъ временъ Рима, Петрарка писалъ къ нему: »Я хотѣлъ прославить себя; спрашисъ теперь, чѣобы я не превратилъ моей похвалы — въ жестокую Сатиру! « Но всѣ угрозы и совѣты Петрарки были напрасны. Свобода, дарованная Риму изступленнымъ Трибуномъ, походила на свободу Робеспьерову: началась убійствами, кончилась шираниствомъ. —

Всѣ знаютъ, что Петрарка воспользовался пѣснями Сицилійскихъ Поэтовъ и Трубадуровъ шазливаго Прованса, которые много заняли у Мавровъ, народа образованнаго, гостепріимнаго, учиваго, ученаго и одареннаго самымъ блестящимъ воображеніемъ. — Опъ нихъ онъ заимствовалъ игру словъ, изысканныя выраженія, ошвленные мысли и наконецъ излишнее употребленіе аллегорій; но сіи самыя недоспажки дають какую-то особенную оригинальность его Сонетамъ и прелестъ чудесную его неподражаемымъ Одамъ, которые ни на какой языкъ перевести не возможно. Слога не лзя присвоить, говоритъ Бюффонъ, сей исполинъ въ искусствѣ писать: и особенно слогъ Петрарки. — Любовь къ цвѣтамъ господствовала на Воспокѣ. До сихъ поръ Арабскіе и Персидскіе Стихотворцы безпрестанно сравниваютъ красоту съ цвѣтами и цвѣты съ

красою. Цвѣты играютъ большую роль у любовниковъ на Воспокѣ. Раждающаяся любовь, ревность, надежда, однимъ словомъ вся суешная и прелесная исторія любви изъясняется посредствомъ цвѣтовъ. Трубадуры также любили воспѣвать цвѣты, — а за ними и Петрарка. Желаете ли видѣть, какимъ образомъ онъ воспользовался цвѣтами? Еще разъ повторяю: я удерживаю одну пѣнь слога живаго, исполненнаго нѣги, гармоніи и эпического сердечнаго изліянія, которое только можно чувствоватъ, а не описывать. Ксипи о цвѣтахъ: слогъ Петрарки можно сравнить съ симъ чувствительнымъ цвѣткомъ, который вянетъ отъ прикосновенія.

» Если глаза мои останавливаются на розахъ бѣлыхъ и пурпуровыхъ, собранныхъ въ золотомъ сосудѣ рукою прелесной дѣвицы: тогда мнѣ кажется, что вижу лице той, которая всѣ чудеса Природы собою заимѣваетъ. Я вижу бѣлокурые локоны ея, по лилейной шеѣ развѣянные, бѣлизною и самое молоко заимѣвающей; я вижу сіялщины, сладостнымъ и тихимъ румянцемъ горящія! Но когда легкое дыханіе зефира начинаетъ колебать на долинѣ цвѣточки желтые и бѣлые, тогда воспоминаю невольно и мѣсто и первый день, въ который увидѣлъ Лауру съ развѣянными

власами по воздуху, и воспоминаю съ горестію начало моей пламенной спрасши.»

Такимъ образомъ цвѣшокъ въ полѣ, закапъ солнца, водопадъ шумящій въ уединенной рошѣ, малѣйшее обстоятельство въ Природѣ напоминали Петраркѣ красоту, вѣчно любезную его сердцу. Путешествіе Стихотворца чрезъ лѣса Арденскіе или чрезъ Альпы, прогулка Лауры въ лодкѣ по озеру, или обряды набожности, ею совершенныя при наступленіи какого нибудь праздника, — все служило поводомъ къ Сонету или новой Одѣ; ни одно чувство, ни одно духовное наслажденіе, ни одно огорченіе не было упущено для Музы. Сіе смѣшеніе глубокой чувствительности и набожности чистосердечной съ тонкимъ познаніемъ свѣта и людей, съ обширными свѣдѣніями въ Исторіи народовъ, — сіи слѣды и воспоминанія классическихъ красотъ древнихъ Авторовъ, разсыянные среди блестящихъ и романтическихъ вымысловъ Сицилійскихъ Поэтовъ, наконецъ сей очаровательный языкъ Тосканскій, исполненный величія, сладости и гармоніи неизъяснимой, сіе щастливое сочешаніе любви, Религіи, учености, Философіи, глубокомыслія и суетности любовника : все это вмѣстѣ въ стихахъ Петрарки представляетъ членіе усладительное и совершенно новое для любителя Словесности. Надобно

преданья своему сердцу, любишь Изящное, любишь пищу души, возвышенные мысли и чувства, однимъ словомъ, любишь сладостный языкъ Музъ, чптобы чувствовашъ вполнѣ красоту сихъ волшебныхъ пѣсней, копорыя предали попомству имена Петрарки и Лауры. Мы знали людей, копорые смотрѣли холодными глазами на Аполлона Бельведерскаго; мы знали людей, копорые никогда не препешали опъ восхищенія при чтеніи стиховъ Державина; и мы не удивляемся, чпо есть Писатели, для копорыхъ слагашель мадригаловъ Дорашъ и Петрарка — одно и то же. Часто умные люди опказывали ему въ уваженіи! Умъ не рѣдко бываетъ шупой судія произведеній сердца. Но для шѣхъ, копорые любили хопя одинъ разъ въ жизни, споить только назвашъ Петрарку: они знаютъ ему цѣну, и чувствуютъ вполнѣ прелесть Поэзіи, копорая не разъ опзывалась въ ихъ сердцахъ. — *Il cantar che nell'anima si sente!*

Прилипаніе. Я сдѣлалъ открытіе въ Италіанской Словесности, къ копорому меня не руководствовали иностранные Писатели, покрайней мѣрѣ шѣ, кои мнѣ болѣе извѣстны. Я нашелъ многія мѣста и цѣлыя стихи Петрарки въ Освобожденномъ Іерусалимѣ. Такого рода похищенія доказываютъ уваженіе и любовь Тасса къ Петраркѣ. Мудрено ли? Петрарка былъ его пред-

иеспивенникомъ; онъ и Данте открыли новое поле Словесности своимъ соотечественникамъ; безпрестанное чтение сихъ образцевъ, особенно пѣвца Лауры, столь близкаго сердцу чувствительнаго пѣвца Танкреда и Эрминіи, — это чтение вѣзало въ памяти его многіе стихи и выраженія, которыя онъ невольнымъ образомъ повторялъ въ своей Поэмѣ. Кто не знаетъ прелестной Оды: *Chiare, fresche e dolci acque*, которой Вольтеръ подражалъ столь удачно, и неподражаемаго Эпизода Эрминіи въ 7 пѣсни Освобожденнаго Иерусалима? Нѣтъ сомнѣнія, что Тассъ имѣлъ въ памяти стихи Петрарки, которые можно назвать сокровищемъ Италіанской Поэзіи. Любовникъ Лауры обращается къ Триадѣ, источнику окрестностей Авиньона (*), котораго воды прохлаждали красавицу. На благовонныхъ берегахъ его, освященныхъ нѣкогда присупіемъ единственнѣйшей для него женщины (*che sola a me rag donna*), онъ желаетъ, чтобы покоились его останки. Можетъ быть, говоритъ онъ, можетъ быть тамъ, гдѣ увидѣла меня въ благословенный день перваго свиданія, тамъ любопытный взоръ ея будетъ меня искать снова, и увы! прахъ одинъ найдетъ, прахъ между камней разсыянный. и проч. — Опять сихъ унылыхъ мыслей Поэтъ переходитъ снова къ роскошному описанію Лауры, оспавляющей спуденія воды источника; облако цвѣпковъ разсыпалось на красавицу — *ed ella si sedea umile in tanta gloria*. Древность не производила ничего подобнаго. Самое рожденіе Венеры изъ пѣны морской и пришествіе ея на землю, которая запрепешала отъ сладострастія, почувствовавъ при-

(*) А не къ Воклюзѣ, какъ полагали нѣкоторые Писатели.

косновеніе богини, не столько плѣняетъ воображеніе. — Но перейдемъ къ Тассу. — У него Эрминія, нашедъ убѣжище у пастырей, оплакиваетъ вѣчную разлуку съ Танкредомъ. Дочь Царей, покрытая рубищемъ, но и въ рубищѣ прелестная и величественная, начерпываетъ имя Танкреда на корѣ древнихъ дубовъ и вязовъ, и съ нимъ всю печальную повѣсть любви своей. Сколько разъ перечитываетъ ее, и проливая слезы, обращается къ рощамъ, нѣмымъ свидѣтелямъ ея муки: „Сокройте, сокройте въ себѣ мою тайну, дружественныя рощи! Можете быть вѣрный любовникъ, когда нибудь привлеченный прохладою тѣней вашихъ, съ сожалѣніемъ прочитаетъ мои печальныя приключенія, и пронувшій до глубины сердца, скажетъ: счастье и любовь неблагодарностию воздали за шокія спраданія и за примѣрную вѣрность! Можете быть — если небо внимаетъ благосклонно усерднѣйшимъ моленіямъ смертныхъ — можете быть въ сіи пустыни зайдетъ случайно и шопъ, который ко мнѣ столько равнодушенъ, и обращая взоры на то мѣсто, гдѣ будутъ покоиться мои бранныя останки, позднія слезы прольетъ въ награду за мои спраданія и вѣрность....

Теперь увидимъ похищенія. Въ Одѣ, которая начинается: *Nella stagione ch'el Ciel rapido inchina etc.*, Пепрарка описываетъ паспунку, которая при закатѣ солнца спѣвши въ сельское убѣжище и тамъ забываетъ уснулость:

La noja, e'l mal della passata vita.

Тассъ въ III пѣсни Іерусалима, воспѣвая торжественное шествіе Крестовыхъ воиновъ къ священному граду,

сравниваетъ ихъ съ мореплавателями, которые, открывъ желанный берегъ, послѣ бурь и трудовъ забываютъ опасности минувшія :

La noja, e'l mal della passata vita.

Въ Сонетъ: *Zefiro torna e'l bel tempo rimena etc.*, Петрарка говоритъ, что весна все оживляетъ, поля улыбаются, небо свѣплъетъ; Зевесъ съ радостію взираетъ на Киприду, милую дочь свою; воздухъ, вода и земля дышутъ любовью :

Ogni animal d'amar si riconsiglia.

И у Тасса мы видимъ эпикъ спихъ въ садахъ Армиды:—

Raddopian le colombe i baci loro,

Ogni animal d'amar si riconsiglia.

Есть и другія похищенія; но я не могу ихъ теперь привести на память.

XV.

ГРИЗЕЛЬДА.

Повѣсть изъ Боккаччо.

Въ давнія времена, спаршимъ въ родѣ Маркизовъ Салуцкихъ оставался по смерти родственниковъ своихъ, молодой *Гвальtierи*. Цѣлые дни онъ проводилъ на псовой и соколиной охотѣ, былъ не женатъ, бездѣтенъ и вовсе не помышлялъ о супружествѣ. Впрочемъ, онъ былъ довольно благоразуменъ, и особенно слылъ шаковымъ у женщинъ. Но это благоразуміе не нравилось его подданнымъ: они часто упрашивали его вступить въ союзъ брачный. — Вамъ нуженъ наследникъ, а намъ господинъ, говорили добрые люди. Многіе изъ нихъ вызывались сыскашь невѣсту отъ честнаго отца и матери, невѣсту, которая подавала бы о себѣ лестную надежду и со временемъ сдѣлала его щастливѣйшимъ супругомъ. — Друзья мои, отвѣчалъ имъ Гвальtierи, вы принуждаете

меня приспустишь къ тому, что мнѣ никогда не нравилось, на что я никогда не хотѣлъ рѣшиться. Я знаю, какъ трудно сыскать женщину намъ по сердцу и нравами и душою; знаю, что худой выборъ дѣлаетъ несчастіе цѣлой жизни. Вы говорите, что можно положиться на доброту родителей и по нраву ихъ судить о нравѣ дочери; — вы заблуждаешесь, друзья мои! Какъ узнать совершенно отца? какъ узнать тайные поступки матери? И, если бы отецъ и мать были люди совершенно честные, то кто, скажите мнѣ, поручится, что дѣти ихъ будутъ на нихъ похожи? Если же хотите, чтобы я непременно носилъ узы брачныя и былъ доволенъ моимъ состояніемъ (по крайней мѣрѣ на себя одного жаловался, въ случаѣ неудачи) то предославъ мнѣ самому сдѣлавъ выборъ. Если супруга моя не будетъ достойна вашей любви и уваженія, я почи себя совершенно счастливымъ, что уступилъ просьбамъ вашимъ. — Подданные отвѣчали, что на все согласны; только бы онъ не замедлилъ вступить въ желанное ими супружество.

Съ давняго времени Маркизу нравилась дѣвушка, очень бѣдная. Она жила въ сосѣдствѣ его замка, въ совершенномъ уединеніи; была довольно миловидна, и спраннымъ Маркизу показалось, что онъ найдетъ съ нею счастье. Опложивъ всѣ поиски

и распросы, онъ рѣшился безъ дальнихъ размышленій предложить ей свою руку. Призвалъ ошца ея — бѣднѣйшаго изъ бѣдняковъ — и съ нимъ ударилъ по рукамъ. Все дѣло приведено къ концу, и Гвальпіери созвавъ пріятелей своихъ и подданныхъ, сказалъ имъ: Друзья! вы желали, чшобы я женился; исполняю желаніе ваше, болѣе въ угожденіе вамъ, нежели себѣ. Вы обѣщали почищать супругу мою, каковъ бы ни былъ мой выборъ: — я сдержалъ мое слово — сдержите ваше. Объявляю вамъ, чшо здѣсь, въ сосѣдствѣ, нашелъ я себѣ невѣсту, обручусь съ нею немедленно и введу ее въ мой замокъ. Вы съ своей стороны приготовьте богатый пиръ свадебный; придумайте, какъ лучше и достойнѣе принять супругу вашего владѣльца: однимъ словомъ, устройте все такъ, чшобы я былъ доволенъ вами, какъ вы моимъ выборомъ. — Всѣ въ одинъ голосъ отвѣчали, чшо выборъ его будетъ имъ по сердцу, чшо они будутъ любить и уважать его супругу, какого бы она ни была происхожденія. — И весь домъ зашумѣлъ: начали приготавливать великолѣпный пиръ свадебный. Гвальпіери пригласилъ множество пріятелей, сосѣдей и родственниковъ: у богатыхъ за друзьями дѣла не спанеетъ. Наконецъ призываетъ къ себѣ горнишную дѣвушку, роспу одинакаго съ будущею невѣстою, и велитъ кроить

по ней платье пышное и уборы великолѣпные. Кромѣ того приготоовлено всякой всячины; множество поясовъ богатыхъ, колець изумрудныхъ, серегъ яхонтовыхъ и вѣнецъ брачный: однимъ словомъ, все, что нужно для молодой. Насталъ условный день, и Маркизь приведя всѣ дѣла въ порядокъ, сѣлъ на коня и сказалъ приближеннымъ: Государи мои, пора намъ отправиться за невестою. И всѣ поскакали веселою вереницею въ то селеніе, гдѣ жилъ отецъ нареченной. Она спояла у колодца и спѣшила вытаскивать ведра, надѣясь съ подругами идти на встрѣчу Маркизовой свадьбы, которая приближалась ближе и ближе къ селу. Гвальпіери называетъ ее по имени, *Гризельдою*, потомъ спрашиваетъ: гдѣ отецъ твой? — Дома — отвѣчала она и покраснѣлась, какъ алыи макъ. Гвальпіери слѣзаетъ съ коня, приказываетъ толпѣ ожидать себя на улицѣ, а самъ идетъ прямо въ низкую хижину бѣднаго *Жіанукола*. — Я прѣхалъ за *Гризельдою*, но прежде всего, хочу поговорить съ нею въ твоѣмъ присутствіи. Правлюсь ли я? Если пакъ, то будетъ ли она во всю жизнь угождать мужу своему, никогда не огорчаться поступками его и повиноваться малѣйшей волѣ его? — *Гризельда*, пошупя глаза, отвѣчала: Буду безъ сомнѣнія! — Гвальпіери, довольный отвѣтомъ, беретъ ее за руку и при

всей толпѣ провожаемыхъ и челяди своей, раздѣ-
ваешъ и наряжаешъ въ великолѣпныя брачныя
одежды, а на волосы, копорые одна природа до
сихъ поръ убирала, торжественно надѣваешъ въ-
нецъ брачный. Всѣ удивились. — Друзья, отвѣ-
чалъ онъ, вотъ та дѣвица, копорую желаю имѣть
супругою, та, копорая согласна жить и умереть
со мною. Потомъ оборотясь къ Гризельдѣ, (а она
отъ стыда и радости свѣта Божія не видѣла):
правду ли я говорю, Гризельда? желаешъ ли ты
быть моею женою? — Желаю, Государь. — Дѣ-
ло сдѣлано и обрядъ къ концу. По выходѣ изъ
церкви посадили ее на богатаго коня и съ вели-
кою честію проводили въ замокъ. Пиръ былъ
испивно великолѣпный, какъ будто Маркизъ со-
чепался съ дочерью Короля Французскаго; а но-
вобрачная, къ удивленію всѣхъ, съ нарядомъ пе-
ремѣнила нравъ, поступъ и душу. Мы сказали
уже, что она была снѣжнаго роста, пригожа и
миловидна; а наряды еще болѣе придали блеску
красотѣ ея. Она такъ умѣла плѣнить каждого
обхожденіемъ, учтивостію, сердечною доброшою,
что всѣ забыли въ ней дочь убогаго Жіанукола,
паспущку овечекъ, и щипали за дочь какого ни-
будь знатнаго Принца. Всѣ, ее знавшіе въ перво-
бышномъ состояніи, не могли надивиться. Кро-

поспѣ ангельская, послушаніе чудесное, дѣлали мужа ея щасливѣйшимъ изъ всѣхъ мужей.

Однимъ словомъ, съ подчиненными и подданными она обходилась такъ ласково, шихо, мило-спиво и привѣспливо, что каждый полюбилъ ее, какъ душу. Всѣ говорили за одно, даже и шѣ, которые сей выборъ сперва оуждали, — что Гвальпіери поскупилъ очень благоразумно, что онъ самый проницапельный человекъ: ибо могъ опкрышь подъ сельскимъ, бѣднымъ рубищемъ сполько доброшы, сполько прелесныхъ качествъ! И не только въ Маркизствѣ Салуцкомъ, но повсюду Гризельда умомъ и поведеніемъ оправдала спранный поскупокъ мужа своего. Въ теченіе перваго года она обрадовала его рожденіемъ прелесной дочери. Въ замкѣ по этому случаю былъ праздникъ великолѣпный.

Но Маркизу вздумалось испыпашъ ангельскій нравъ и терпѣніе супруги пруднѣйшими, жесточайшими опытами. Сперва началъ онъ оскорблять ее рѣчами, попомъ принявъ на себя видъ печальный и смущенный, сказалъ ей однажды, будшо подданные его начинающъ ропшашъ за то, что онъ избралъ въ супруги бѣдную дѣвушку, низкаго состоянія — а болѣе еще попому, что она родила дочь, а не сына. Не измѣнясь ни мало ни въ лицѣ, ни въ голосѣ: дѣлай что хочешь, Государь,

опивъчала оскорбленная — дѣлай то, чего шре-
буешь чesпъ, польза и слава имени швоего. Я
всѣмъ буду довольна: ибо не забываю, что была
послѣднею изъ слугъ швоихъ; не забываю того,
что шы для меня сдѣлалъ — для меня, бѣдной
дѣвушки! — Такой опившъ очень понравился Мар-
кизу. Но, нѣсколько дней спустя, онъ объявилъ
ей снова, что подданные его не могутъ болѣе
шерпѣшь его дочери... и удался. Вскорѣ лв-
ляеися одинъ изъ вѣрнѣйшихъ слугъ его, и съ
слезами на глазахъ начинаетъ говорить: Прости-
те, Государыня... но я подъ смертнымъ спра-
хомъ долженъ исполнить то, что мнѣ приказалъ
супругъ вашъ... Онъ велѣлъ мнѣ взять младенца
вашего, и...

И не могъ сказать болѣе. — Несчастная мать,
услыша сіи несвязныя рѣчи, соображая ихъ съ
шѣмъ, что говорилъ Маркизь, вмигъ на мрачномъ
лицѣ служишеля прочишала участь невиннаго мла-
денца — бросилась къ колыбели, поцѣловала дочь
свою, благословила съ сердцемъ, исполненнымъ же-
сточайшей горести, и не измѣняясь ни мало въ
лицѣ, вручила ее служишелю. — Исполняй то,
что предписалъ тебѣ господинъ нашъ; но умо-
ляю тебя, не отдавай ее на жертву дикимъ звѣ-
рямъ... если тебѣ эшо не предписано! — Служ-
ишель взялъ младенца на руки и скрылся. Гвалъ-

пієри, свѣдавъ опѣ него, какимъ образомъ Гризельда исполнила спротоое приказаніе, удивился ея пшвердоспи, но намѣренія своего не опложилъ. Съ вѣрнымъ служишелемъ онѣ немедленно опсправилъ дочѣ свою въ Болонію, къ ближайшей родспвенницѣ своей, кошорую умолялъ дашь ей воспитаніе опличноое, но никому ни подѣ какимъ видомъ не объявляшь о ея рожденіи.

Въ скоромъ времени Гризельда снова сдѣлалась маперью и даровала жизнь прекрасному мальчику. Опець принимая на руки новорожденнаго, былъ внѣ себя опѣ радости; но, не довольспвуясь первымъ опыномъ, снова жеспочайшимъ перзаніемъ рѣшилсѣ испытать сердце нещаспной супруги своей. — Подданные мои, сказалъ онѣ однажды, еще болѣе оскорблены съ шѣхъ порѣ, какъ пы ушѣшила меня сыномъ: они съ ужасомъ помышляють о шомъ, чшо внукъ бѣднаго паспуха — опща швоего — будешѣ ихъ господиномъ. Если я не удаю шебя и не возьму другой жены, шо они выгоняшь меня изѣ обласпей моихъ. — Съ шерпѣніемъ и покорностію Гризельда высплушала слова супруга своего. Успройште все ко благу вашему; обо мнѣ же не заботьшесь нимало, Государь! Въ вашемъ щаспій заключаетсѣ мое благополучіе. — Черезъ нѣсколько дней Гвальпієри послалъ за новорожденнымъ и велѣлъ сказашь ма-

пери, что ему готовился одинакая участь съ прежнимъ младенцемъ ; а самъ , тайно отпра- вилъ его въ Болонію къ прежней родственницѣ. Великодушная Гризельда перенесла эту потерю съ прежнею швердоспію, безъ слезъ и роптанія, и въ глубинѣ сердца своего утаила несказанную горестъ мапери. Гвальпіери удивился. — Нѣптъ! повпорялъ онъ самъ себѣ, ни одна женщина не можетъ сравниться съ нею!

Подданные думали , что Маркизь велѣлъ умершвишь дѣшей своихъ : всѣ оуждали его по- спупокъ, называли его жеспокимъ опцомъ, и безъ жалоспи не могли смопрѣшь на бѣдную машь. Женщины, ее окружавшія, часто плакали и со- крушались при ней объ участи невинныхъ малю- шокъ, и она всегда говорила имъ : не плачьше, милья подруги; вспомните, что шакъ угодно бы- ло опцу ихъ.

Прошло нѣсколько годовъ со времени рожде- нія дочери. Маркизь задумалъ сдѣлашь послѣдній опытъ и объявилъ своимъ приближеннымъ, что не хочешъ имѣшь супругою Гризельду ; что онъ по молодоспи лѣптъ обручился съ нею; наконецъ, признался, что поступилъ очень безразсудно ; а чшобы загладить проспупокъ свой, рѣшается просить Папу о разводѣ и позволеніи обручиться

съ другою. Всѣ осуждали намѣреніе Маркиза, но онъ былъ непоколебимъ.

Гризельда вскорѣ объ этомъ услышала. Возвратившись въ бѣдный домъ отца своего, снова сдѣлавшись паспущкою овецъ, видѣвъ супруга своего, до сихъ поръ спрастно обожаемаго, въ объятіяхъ другой жены... все это терзало, раздира-ло ея душу. Но она рѣшилась перенести послѣд-ніе удары судьбы съ прежнею швердоспїю, съ прежнимъ великодушїемъ. Вскорѣ прибыло изъ Рима разрѣшеніе Папы (оно было подложное) и Маркизь его обнародовалъ. Призывающъ Гризельду и въ присутствїи многочисленной толпы жесто-косердый Гвальтїери говоритъ ей: Вотъ разрѣ-шеніе Папы на другой бракъ. Я долженъ отверг-нуть тебя. Ты знаешь, что многіе изъ поддан-ныхъ моихъ дворянъ — знатные и сильные владѣль-цы; они сами имѣютъ своихъ подданныхъ; а швои родителѣи всегда были землепашцами... Тебѣ нель-зя быть супругою Маркиза Салуцкаго! Возвращаю тебѣ приданое *твое* и тебя — отцу швоему: я избралъ себѣ другую въ супруги.

Гризельда превозмогла всю горестъ оскорблен-ной женщины, и сїясь удержавъ слезы и рыда-нія, сказала голосомъ довольно швердымъ: »Я помню мое низкое происхожденіе, неприличное ва-шему знатному роду; помню, что по милоспїи

Бога и вашей, Государь, я была возведена на столь высокую степень, и что все мое счастье было временное! Мое дело повиноваться слепому волею господина моего. Вотъ обручальное кольцо: возьми его; но позвольте мнѣ возвратиться къ отцу моему въ той одеждѣ, въ которой прибыла я въ замокъ. Вамъ нечего возвращать мнѣ: ни золота, ни серебра, никакихъ сокровищъ я не принесла въ приданое; вы взяли меня нагую, и, если мать дѣшей вашихъ должна нагая возвратиться къ престарѣлому отцу своему, — то она исполнила волю вашу. Но, именемъ любви и непорочности заклиная васъ, Государь, дайте, ахъ! дайте мнѣ хотя одно покрывало последнюю защиту стыдливости.

Гвальtierи, почти пронумый до слезъ, шарая сохранить суровый и суровый видъ. Согласенъ на покрывало — сказалъ онъ — но ... больше ничего! — Все приближенные умоляли его дать ей по крайней мѣрѣ одно плащье. Какъ? говорили они, супруга Маркиза Салуцкаго, наша старая госпожа, явившаяся полуобнаженной посреди улицы, какъ нищая, какъ преступница, какъ самая последняя изъ женщинъ! ... Напрасныя просьбы! — Полуобнаженная, безъ обуви, безъ покрова на голову, съ распущенными волосами, заливаясь горькими слезами, она вышла изъ замка и сопровож-

даемая рыданіями слугъ и женщинъ, съ зардѣвши-
мися опть слезъ глазами, явилась къ несчастному
опцу. Жіануколо никогда не хопѣлъ вѣришь, что
дочь его останется Маркизою; онъ съ трепетомъ
ожидалъ судьбы, ее постигшей, и свято сохра-
нилъ рубища, оставленные ею въ бѣдномъ быту
его. Съ слезами возвращаетъ ихъ дочери. Она,
великодушная до конца, презирая судьбу неспра-
ведливую и жестокою, спокойно принимается за
прежніе пруды сельскіе, въ дому опеческомъ.

Между тѣмъ Маркизь немедленно объявляетъ,
что сватается за себя дочь славнаго Графа Па-
нагскаго, приготавливаетъ великое шоржесиво и—
посылаетъ за Гризельдою. — Скоро будешь въ за-
мокъ моя невѣста, говоритъ ей Гвальшіери, я
желаю принять ее съ великими почестями. Ты
знаешь, что въ замкѣ ни одна женщина, кромѣ
тебя, не умѣетъ убирать покоевъ и учреждать
порядка, для великаго шоржесива приличнаго. На
тебя возлагаю эту обязанность. Учреждай, пове-
лѣвай всѣмъ: пригласи заблаговременно женщинъ,
какихъ тебѣ угодно; угощай, принимай ихъ, какъ
хозяйка и попомъ — можешь возвратиться въ
свою хижину. Каждое слово, какъ оспрая игла,
кололо чувствительное сердце Гризельды: ибо она
не преспавала обожать неблагодарнаго супруга. —
Я на все готова, опвѣчала спрадалица; и, въ

сельскомъ рублищѣ, прежняя повелительница замка, начала убирать покон, распавлять по заламъ креслы, распилать ковры узорчатые, приготавливать столъ и все, что было по потребно — какъ будто бы она была просшая служанка или ключница. Однимъ словомъ, она рукъ не опускала, пока все не было кончено и распоряжено о важной вещи до послѣдней бездѣлки. Госпи приглашены: все гошово, въ ожиданіи веселаго пира. И вотъ настаетъ день свадебный. Гризельда въ рублищѣ, но съ лицомъ веселымъ и привѣпливымъ, угощаетъ наѣхавшихъ женъ и дѣвицъ боярскихъ, какъ добрая, домовитая хозяйка. Гвальшіери тайно посылаетъ въ Болонію къ супругу родственницы своей Графини Панагской, у котораго въ домѣ воспитывались его дѣти; приглашаетъ его въ замокъ свой съ пѣмъ, чшобы онъ и Графиня привезли съ собою дѣшей его и множество госпей почешныхъ, но никому не объявляли о его намѣреніи. Дочери Маркизовой минуло двѣнадцать лѣтъ: она была красоты чудесной, а шеспилѣній братъ ея походилъ на нее совершенно.

Графъ Панагскій, окруженный безчисленною толпою госпей почешныхъ, съ сими прелесными дѣшми пушлся въ путь и черезъ нѣсколь-ко дней прибылъ благополучно въ Салуццо, гдѣ собрались всѣ живели деревень, селъ и городовъ

сосѣднихъ: всѣ ожидали съ неперпѣніемъ нареченной невѣспы.

Пріемная зала открылась и невѣспу встрѣпили съ чрезвычайными почестями и церемоніями. Гризельда вышла на встрѣчу и поклонясь ей низко примолвила: Добро пожаловать, Государыня! Всѣ барыни и дѣвицы, идя къ столу, упрашивали Маркиза удалить прежнюю жену, или, по крайней мѣрѣ, дать ей приличное платье: Маркизь не согласился.

Въ столовой взоры всѣхъ обратились на невѣспу: всѣ превозносили ее до небесъ, а иные шептали другъ другу: Маркизь нашъ сдѣлалъ выгодный обмѣнъ! Сама Гризельда спояла, какъ очарованная, и невольно дивилась красотѣ дѣвушки и малолѣтшаго брата.

Наконецъ желанія Маркизовы были удовлетворены въ полной мѣрѣ. Онъ испыталъ всю силу перпѣнія Гризельды; онъ увѣрился, что ничто, никакое испытаніе не можетъ поколебать сей твердой души; что впередъ можетъ положить на нее всю надежду свою. Онъ рѣшился облегчить свинцовое бремя печали, которую она силилась спаять во глубинѣ сердца своего. Но проницательный супругъ легко угадывалъ ея грусть на лицѣ, въ самомъ голосѣ. При всемъ собраніи гостей великъ онъ ей приблизиться и съ кол-

кою улыбкою повпоряешъ : Понравилась ли тебѣ моя невѣста ? — » Ахъ, какъ не понравилась, отвѣчала Гризельда ; и если она сколько же благо-разумна, сколько пригожа, то вы будете щасливѣйшимъ супругомъ ! Но . . . умоляю васъ, Госу-дарь, не терзайте ее, какъ прежнюю жену : она не перенесетъ такихъ мученій. Пренная супруга ваша еще самой юности была знакома съ горемъ и трудами, а эта, вы сами видите, какъ еще молода и какъ нѣжно воспитана. »

Гвальпери съ радости замѣнилъ, что Гризельда находилась въ обманѣ и ни мало не измѣнялась въ доброшѣ сердечной, подвинулъ стулъ и посадилъ ее возлѣ себя. Она зашрепешала.

» Гризельда « — сказалъ Маркизь, по нѣкоторомъ молчаніи » пора тебѣ собрать плоды терпѣнія твоего ; пора открыть глаза тѣмъ, которые полагали, что я жестокъ и неправосуденъ. Я достигъ моей цѣли ; я научилъ тебя нести тяжелый крестъ супружества и быть во всемъ примѣрною женою : подданныхъ научилъ уважать твой рѣдкія качества и, впередъ не нарушать нашего покоя. Вотъ вся цѣль моихъ испытаній. Въ награду за любовь твою, которую ты мнѣ доказала и словомъ и дѣломъ, безцѣнная Гризельда ! въ награду за счастье мое, котораго ты была и будешь единственною виновницею, я отдаю

все, что похитилъ у тебя, и всѣ раны сердца однимъ словомъ исцѣляю на вѣки. Вручаю шу, копорую ты называла моею невѣстою, вручаю брата ея . . . они твои — они дѣти наши, а я снова твой супругъ, счастливейшій изъ смертныхъ!»

Маркизь, обнявъ ее съ восхищеніемъ, цѣловалъ съ необыкновенною нѣжностію, и, распроганную, упоающую въ слезахъ, повелъ къ удивленной дочери: всѣ были въ удивленіи неописанномъ. Женщины въ радости подхватили Гризельду подъ руки и повели въ особенную комнату, сняли рубище, надѣли великолѣпное платье и торжественно проводили въ залу.

Начался пиръ веселый. Всѣ были въ радости. Каждый выхвалялъ Маркиза, называлъ его мудрымъ, проницательнымъ, а Гризельду до небесъ превозносили. Наконецъ и госпи разъѣхались. Послали за бѣднымъ Жіануколомъ. Онъ былъ принятъ въ замокъ съ почестями и уваженіемъ, какъ пещь богатаго владѣльца, и въ объятіяхъ дочери своей кончилъ счастливую спароснь. Маркизь не переспавалъ обожая свою Гризельду и былъ конечно счастливейшій супругъ и отецъ во всей Испаніи.

Теперь вы согласишесь со мною, друзья мои, что въ хижинѣ мы чаще встрѣчаемъ небесныхъ

дарованія, по еспь: добродѣшель, честность и
перпѣніе, нежели въ палапахъ и шеремахъ вели-
колѣпныхъ. Часпо въ лачугѣ таишся пошъ, кпо
бы доспоинъ былъ сіяшь въ коронѣ и повелѣвашъ
людьми; а въ палапахъ ———— но оспавимъ эпо!
Спрашиваю только, кпо сравнивается въ перпѣніи
съ Гризельдою? Кпо, подобно ей, перенесетъ съ
лицемъ спокойнымъ, даже веселымъ, жеспочайшія,
неслыханныя испыпанія, какимъ подвергнулъ ее
Гвальпіери? ...

XVI.

ПРЕДСЛАВА и ДОБРЫНЯ.

Старинная повѣсть.

Древній Кіевъ упопалъ въ веселіи, когда го-
нецъ принесъ вѣсть о побѣдѣ надъ Печенѣгами.
Скачешъ всадникъ за всадникомъ, и послѣдній воз-
вѣщаешъ приближеніе побѣдоноснаго войска. Шум-
ными толпами испекающъ Кіевцы чрезъ враша
Сѣверныя; радостный гласъ цѣвницъ и восклица-
ній народныхъ раздается по холмамъ и долинамъ,
покрытымъ снѣгомъ и веселою Апрѣльской зе-
ленью. Пыльное облако уже показалось въ опда-
леніи; оно приблизилось, разсѣялось и обнажило
спальные доспѣхи и распущенные спяги войска,
пылающіе огнь лучей упреннаго солнца. Влади-
мѣрь, счастливый Владимѣрь ведетъ рапъ свою,
и красныя дѣвы сыплютъ предъ конемъ его цвѣ-
ты и травы весенніе. Въ устройствѣ рапномъ
приходишъ дружина, шихо и поржеспвенно, рядъ
за рядомъ; и шумныя толпы воспорженныхъ Кі-

евцевъ непрерывно восклицають : » Да здравствуетъ побѣдитель Печенѣговъ, храбрый Владиміръ! « — Герой, по обычаю древнему, преклонилъ мечъ свой къ землѣ, благосклонно поклонился народу и сказалъ богатырскимъ голосомъ : » Чеснь и слава Добрынь; онъ избавитель мой. « Богатырь, сидящій на борзомъ конѣ своемъ, опрѣшилъ злупую запону забрала, снялъ шлемъ и открылъ голову предъ народомъ и Владиміромъ, въ знакъ почтенія и благодарности. Слезы блистали въ очахъ его; черныя кудри, колеблемыя дыханіемъ въпра развѣвались по плечамъ, и правая рука его лежала на сердцѣ. Воспорженные Кіевляне снова воскликнули : » Чеснь и слава Добрынь и всей дружинѣ Русской! « — Цвѣты посыпались на юношу изъ рѣзныхъ кошницъ прекрасныхъ женъ и дѣвъ Кіевскихъ, и эхо разнесло по благоуханной долинь, гдѣ видны были развалины храма, посвященнаго вѣчноюной Зимцерлѣ : » Чеснь и слава дружинѣ! «

Супруга Владиміра, прекрасная Царевна Анна, и дочь ея Предслава, выходятъ на встрѣчу къ Великому Князю. Онъ проспиряетъ къ нимъ свои руки, попеременно прижимаетъ къ спальной бронѣ — подъ копорой билось нѣжное сердце — по супругу, по дочь свою, и всѣ шруды рапные забыты въ сію сладкую минуточку свиданія! — Вла-

димиръ указываетъ имъ на Добрыню: »Воптъ избавишель мой!« говоритъ онъ, обращаясь къ супругъ, къ царедворцамъ и съдовласымъ мудрецамъ Греческимъ, пришедшимъ съ Царевною изъ Царяграда. »Воптъ избавишель мой!« продолжаетъ Великій Князь: »когда единоборство съ исполномъ Печенѣгскимъ кончилось побѣдою, когда войска мои ринулись во слѣдъ бѣгущимъ врагамъ: тогда я, увлеченный побѣдою, скакалъ по грудамъ шѣлъ и впоргся въ толпу опчаянныхъ враговъ. Мечи ихъ засверкали надо мной, стрѣлы пробили шлемъ и щипъ; смерть была не избѣжна. Но Добрыня разсѣялъ толпы враговъ, впоргся въ средину ужасной сѣчи: онъ спасъ меня! Чѣмъ и какъ заплачу ему? — Слезы благодарности заблещали въ очахъ прекрасной Анны; она подала супругу своему и Добрынь правую и лѣвую руку, и повела ихъ по узорчатымъ коврамъ въ высокій перемъ Княжескій. Предслава взглянула на Добрыню, и ланишы ея запылали, подобно алой зарѣ предъ ушреннымъ солнцемъ; и длинныя рѣсницы ея покрылись влагою, какъ у спыдливой дѣвы, взглянувшей на жениха своего при блескъ брачныхъ свѣщильниковъ.

Прекрасна ты была, Княжна Кіевская! Осѣненная длинною фашою, ты была подобна спыдливому мѣсяцу, когда онъ сквозь тонкій шуманъ

смотришь на безмолвныя долины и на синій Днѣпръ, сверкающій въ просѣкахъ дубовыхъ. Но опъ чего сильно бьется дѣвическое сердце твое, подъ парчами и злагою дымкою? Опъ чего бѣлая грудь твоя волнуется, какъ лебедь на заливахъ Чернаго моря, когда полуденный вѣперъ расколыхае воды его? Опъ чего глаза твои блистаютъ огнемъ, когда они невольно обращаются на прекраснаго вишязя? — Ахъ! и Добрыня давно любилъ тебя! давно носилъ образъ твой въ сердце, въ пламенной груди своей, покрытой тщетно спальною кольчугою. Повсюду образъ твой, какъ тайный призракъ, за нимъ слѣдовалъ: и на потѣшныхъ играхъ, гдѣ легкія копья ломаются въ честь красныхъ женъ и дѣвъ Кіевскихъ; и на войнѣ проливъ Ляховъ и Половцевъ, на спрашныхъ битвахъ, гдѣ стрѣлы свисаютъ какъ вихри, и острые мечи, ударяя по шлемамъ, наносятъ глубокія раны. Давно уже богатырь любилъ красавицу; но никогда не являлась она ему столь прелестною, какъ въ сіи минушы славы и радостей народныхъ. Тщетная любовь! испочникъ слезъ и горести! Все разлучаетъ тебя съ возлюбленной: и высокій санъ ея, и слава Владиміра, и слава предковъ красавицы, повелителей Царяграда! Ты знаешь сіе, несчастный Добрыня, знаешь — и любишь. Но сердце твое чуждо ра-

доспей, чело твое мрачно посреди веселій и торжествъ народныхъ. Какъ дерево, котораго соки погибли отъ морозовъ и непогодъ зимнихъ, не воскресаешь съ весною, не распускаешь отъ вешняго дыханія молодыхъ листковъ и почекъ, но стоишь уныло посреди холмовъ и долинъ бархатныхъ, гдѣ все нѣжится и пируетъ: такъ и ты, о випязь, часто мраченъ и безмолвенъ стоишь посреди шумной грядницы, опершись на булатное копье. Все послыло для тебя: и красная площадь, огражденная высокимъ пыномъ (поприще словушыхъ подвиговъ), и столы дубовые, на которыхъ блестятъ кубки и златыя чары съ медомъ искромешнымъ и заморскими винами; все послыло для тебя: шурій рогъ недвижимъ въ рукѣ богатырской, и унылые взоры твои ничѣмъ не прельщаются! ниже плясками юныхъ Гречанокъ (*), подругъ Предславиныхъ, которыя, раскинувъ черныя кудри свои по плечамъ, подобнымъ

(*) Извѣстно по Исторіи, что въ Княженіе Владиміра І находилось множество Грековъ при его Дворѣ. Скажемъ мимоходомъ, что мы не позволяли себѣ большихъ опущеній отъ Исторіи; но просимъ Читателя не забыть, что Повѣсть не Лытопись. Здѣсь вымыселъ позволенъ. Относительно къ баснямъ:

Rien n'est beau que le vrai, le vrai seul est aimable,
Принимается въ другомъ значеніи. — Сох.

въ бѣлизнѣ снѣгамъ Скандинавіи, и сплещясь рука съ рукою, увеселяють слухъ и взоры Владиміра разнообразными хороводами и нѣжнымъ, прощаящимъ пѣніемъ. Онѣ прекрасны, подруги Предславины.... но что звѣзды вечернія предъ краснымъ мѣсяцемъ, когда онѣ выходятъ изъ-за роши и въ полной славѣ?

Долго ли тайшья любви, когда она взаимна, когда все пишется ея, даже самая робость любовниковъ? Тогда сердца подобны двумъ ручьямъ, копорые невольно, какъ будто влекомые тайною силою, по покашамъ долинъ и оплогихъ холмовъ ищутъ другъ друга, сливаясь воедино, и дружныя воды ихъ составляютъ единую рѣку, тихую и прозрачную, копорая по долгомъ и счастливомъ печеніи исчезаетъ въ моряхъ неизмѣримыхъ. Счастливы они, если не найдутъ преградъ въ своемъ печеніи!

Такъ красавица и рыцарь невольно, неумышленно прочишали во взорахъ, въ молчаніи и въ словахъ опривисшихъ, имъ однимъ понятныхъ, — взаимную спрассь. Они не видѣли подъ цвѣтами ужасной пропасти, навѣки ихъ разлучающей, ибо она засыпана была руками двухъ сильныхъ волшебницъ: руками любви и надежды! Предслава не помышляла объ опасности. Добрыня тогда только ужасался своей спрасси, тогда только

доспей, чело твое мрачно посреди веселій и торжествъ народныхъ. Какъ дерево, котораго соки погибли отъ морозовъ и непогодъ зимнихъ, не воскресаетъ съ весною, не распускаетъ отъ вешняго дыханія молодыхъ листковъ и почекъ, но стоитъ уныло посреди холмовъ и долинъ бархатныхъ, гдѣ все нѣжится и пируетъ: такъ и ты, о випязь, часто мраченъ и безмолвенъ стоишь посреди шумной грядицы, опершись на булатное копье. Все послыло для тебя: и красная площадь, огражденная высокимъ пыномъ (поприще словуныхъ подвиговъ), и столы дубовые, на которыхъ блестятъ кубки и златыя чары съ медомъ искромешнымъ и заморскими винами; все послыло для тебя: турій рогъ недвижимъ въ рукѣ богатырской, и унылые взоры твои ничѣмъ не прельщаются! ниже плясками юныхъ Гречанокъ (*), подругъ Предславиныхъ, которыя, раскинувъ черныя кудри свои по плечамъ, подобнымъ

(*) Извѣстно по Исторіи, что въ Княженіе Владиміра І находилось множество Грековъ при его Дворѣ. Скажемъ мимоходомъ, что мы не позволяли себѣ большихъ опускленій отъ Исторіи; но просимъ Читателя не забыть, что Повѣсть не Лытопись. Здѣсь вымыселъ позволенъ. Относительно къ баснямъ:

Rien n'est beau que le vrai, le vrai seul est aimable,
Принимается въ другомъ значеніи. — Сох.

въ бѣлизнѣ снѣгамъ Скандинавіи, и сплещясь рука съ рукою, увеселяющъ слухъ и взоры Владиміра разнообразными хороводами и нѣжнымъ, просяжнымъ пѣніемъ. Онѣ прекрасны, подруги Предславины.... но что звѣзды вечернія предъ краснымъ мѣсяцемъ, когда онѣ выходятъ изъ-за роуи и въ полной славѣ?

Долго ли пайшья любви, когда она взаимна, когда все пипаешъ ее, даже самая робость любовниковъ? Тогда сердца подобны двумъ ручьямъ, копорые невольно, какъ будто влекомые шайною силою, по покашамъ долинь и оплогихъ холмовъ ищущъ другъ друга, сливающья воедино, и дружныя воды ихъ соспавляющъ единую рѣку, пихую и прозрачную, копорая по долгомъ и счастливомъ печеніи исчезаешъ въ моряхъ неизмѣримыхъ. Счастливы они, если не найдущъ преградъ въ своемъ печеніи!

Такъ красавица и рыцарь невольно, неумышленно прочипали во взорахъ, въ молчаніи и въ словахъ опривистыхъ, имъ однимъ поняшныхъ, — взаимную спрасш. Они не видѣли подъ цвѣшами ужасной пропащи, навѣки ихъ разлучающей, ибо она засыпана была руками двухъ сильныхъ волшебницъ: руками любви и надежды! Предслава не помышляла объ опасности. Добрыня тогда только ужасался своей спрасши, тогда только

сердце его заливалось кровью, когда прекрасная Анна, мать его возлюбленной, обращала къ нему привѣпливую рѣчь, или когда Владиміръ выхвалялъ посламъ чуждыхъ народовъ силу и храбрость своего избавителя. Юноша спрашивался неблагодарности.

Теремъ молодой Княжны былъ отдѣленъ отъ высокихъ перемовъ Владиміра. Длинные деревянные переходы, украшенные рѣзьбою, соединяли сіи зданія. Вѣковые дубы, насажденные руками опважнаго Кія — какъ говоритъ преданіе — осѣняли уединенную обитель красавицы. Часпо весенніе вечера она просиживала на высокомъ крыльцѣ, опершись рукою на дубовыя перилы; часпо взоры ея стремились въ синюю даль, гдѣ высокіе холмы, величественно возвышаясь одинъ надъ другимъ, непримѣнно сливались съ небесной лазурью; часпо, отдаливъ усердныхъ прислужницъ, одна среди безмолвія ночнаго, она предавалась сладкимъ мечпаніямъ дѣвческаго сердца, мечпаніямъ, кошорыя невольно украшались образомъ Добрыни. Когда мѣсяцъ осребрялъ высокіе верхи дубовъ и кленовъ и тихое дыханіе полночи колебало листья, перебирая ихъ одинъ послѣ другаго, тогда Предславу обнималъ ужасъ. Ей мечталось видѣть Добрыню. Она вперяла прилежно слухъ и взоры — но все было тихо, безмолвно, — мечта исчезала

а съ ней и тайный, но сладостный страхъ. Такъ молодая Княжна пишала поску и любовь свою, когда Добрыня воевалъ Печенѣговъ съ Великимъ Княземъ Владиміромъ. Она переносилась мысленно на поля, обогренныя кровью: опасности, окружающія опца ея, ужасали сердце красавицы; но при мысли, что Добрыня падеть подъ мечемъ или булавою варвара, сердце ея обливалось кровью, тяжело поднималась высокая грудь и слезы падали обильно росю на заплашвейныя шкани.

Теперь сіи деревянные переходы, оштенные шѣнію сполѣшнихъ дубовъ, сія тайная обипель невинности, учинилась свидѣпельницею ея радости. Спращный вишязь позабылъ и страхъ и благодарностъ — все забыто, когда сердце любишь. Вишязь, въ часы шуманной полуночи, приходилъ къ Княжнѣ, и шамъ, у ногъ ея, повѣрталъ ей сердечную поску и мученія, клялся въ вѣрности и упопалъ въ счастья. Но любовники были скромны. Тихъ и ясенъ ручей при испокѣ; но скоро, возрасшая собственными водами, спановишся быспръ, порывисптъ, мушенъ. Такова любовь при рожденіи; таковы и наши любовники.

Между шѣмъ всѣ народы покорялись Великому Князю. И воинспвенные жипели Дуная, и дикіе Хорвапы, сыны густыхъ лѣсовъ и пущынь, и Печенѣги, піющіе вино изъ череповъ убіенныхъ

*

враговъ на сраженіи: всѣ платили дань Христіанскому владыкѣ. Народы сѣверныхъ, жили шуманныхъ береговъ Варяжскаго моря, обитали неизмѣримой и безплодной Біарміи, спрашивались и почиали Владиміра. Многіе владѣльцы желали вступити въ бракъ съ Предслагою, желали, но тщетно: ибо они были всѣ служители идоловъ или поклонники Магомета. Часто на холмахъ, окружающихъ Кіевъ, неизвѣстный випязь спановилъ злопоглавый шаперъ и вызывалъ на единоборство богатырей Кіевскихъ. Ристалище открывалось, и пришлецъ, почти всегда побѣжденный, со стыдомъ удалялся въ свое отечество. Випязи иноплеменные ежедневно увеличивали дворъ Владиміровъ. Межъ ними блистали красотой и храбростью: Гориславъ Ляхскій, юноша прекрасный, какъ солнце весенняго утра, храбрый Стефанъ Угорскій и сильный Андроникъ Чехскій, покрытый косматой кожей медвѣдя, котораго онъ задавилъ собственными руками въ безплодныхъ пустыняхъ, орошенныхъ Вислою. Всѣ они преобладали руки Предслагою, всѣ состязались съ богатырями Кіевскими и угощаемы были подъ богатыми наметами гостепріимнымъ Владиміромъ. »Не наживу друзей серебромъ и золотомъ,« говорилъ онъ: »нѣтъ; а друзьями наживу, по примѣру дѣда и отца моего, сокровища и славу!«

Но ужасная туча собиралась надъ главами нашихъ любовниковъ. Радміръ, сынъ Князей Болгарскихъ, владыка Хрисіанскаго поколѣнія, спѣшивъ заключивъ союзъ съ народомъ Русскимъ и тайно пребуевъ руки Предславиной. Владиміръ принимаетъ богатые дары его и даетъ ласковый отвѣтъ посланнику Болгарскому: Радміръ вскорѣ являлся на берегахъ Днѣпровскихъ. Десять спавокъ, одна другой богаче, блистающъ при восходѣ солнечномъ, и сіи спавки принадлежатъ Радміру, которъй, окруженный блистательной толпою вишазей Дунайскихъ, вступающъ въ перема Княжескіе. Видъ его былъ величественъ, но суровъ; взоры пронзательны, но мрачны; стройный станъ его былъ препоясанъ искривленнымъ мечемъ, руки обнажены; грудь покрыта легкою кольчугой, а внизъ раменъ висѣла кожа ужаснаго леопарда. Предслава увидѣла незнакомца, и сердце ея запрестало отъ тайнаго предчувствія. Невольный румянецъ, замѣняемый смертною блѣдностью, обнажали страсши, волнующія грудь красавицы. Взоры ея искали Добрыни, которъй безгласенъ, блѣденъ, споялъ въ толпѣ царедворцевъ; но надменный Радміръ полковалъ въ свою пользу явное смущеніе красавицы и ободренный своимъ заблужденіемъ: » Повелишель земли Русской!« сказалъ онъ, » шебъ извѣстны храбрыя поколѣнія

Болгаровъ, населяющихъ обильные берега Дуная. Мечъ храбрыхъ Славянъ не одинъ разъ прищуплялся о сіе желѣзо (указывая на свой мечъ); не одинъ разъ лилась кровь обоихъ народовъ, народовъ равно славныхъ и воинственныхъ, ошъ которыхъ препеналъ и Западъ и поколѣнія сѣверныя: ибо гдѣ не извѣстна храбрость Болгаръ и Славянъ? Храбрые Россы унизили надменные спѣны Царя-града; ты разсѣялъ въ прахъ спѣны Корсунскія: мечемъ предковъ моихъ избишъ безчисленные полчища Грековъ, ими выжженъ градъ, носившій имя древняго Ореста. Мудрые предки мои приняли Вѣру истиннаго Бога (*); и ты, Владиміръ, ошвергъ служеніе идоловъ, и ты капища претворилъ во храмы. Я желаю швоего союза, о повелипель земли Русской! Соединенные народы наши воедино удивяшъ подвигами вселенную, расширяшъ за Уралъ предѣлы швоего владычества.... У швоего знамени будущъ сражашся мои воины. Мечъ мой будешъ швоимъ мечемъ.... Но да введу

(*) Болгары были Магомешанскаго Исповѣданія, но не всѣ: ибо Императоръ Михаилъ, побѣдивъ ихъ, принудилъ приняшъ Христіанскую Вѣру (Смошри Неспора). Они же разорили Адрианополь, носившій въ древности имя основателя своего, Ореста (и объ этомъ упоминаешъ Неспоръ). Соч.

въ домъ пресварѣлаго опца моего пвою дочерь, да назову Предславу супругою!... Владиміръ! я ожидаю благосклоннаго отвѣта.»

Царедворцы и младые вицязи Русскіе съ не-
годованіемъ взирали на гордаго Радмира; они съ
неперпѣніемъ ожидали рѣшительнаго отвѣта. Но
нѣ изъ нихъ, копорые посѣдѣли не на полѣ раш-
номъ, а въ служеніи *гридницы*, лучше знали серд-
це своего владыки: они прочитали во взорахъ его
совершенное согласіе, и хитрая ихъ улыбка одо-
брила рѣчь надменнаго Радмира. Рѣшительность
въ битвахъ, пылая храбрость и духъ величія
Болгарскаго владыки, духъ, алкающій славы и по-
двиговъ, давно были извѣстны Владиміру; гордые
слова, гордый и величавый видъ его, напоминали
ему о годахъ его юности; и наконецъ союзъ двухъ
народовъ, доселѣ непріязненныхъ, но равно хра-
брыхъ и сильныхъ, союзъ двухъ народовъ, скрѣп-
ленный бракомъ Предславы, долженствовалъ воз-
величить Княжество Русское — и мудрый Влади-
міръ подалъ руку свою, въ знакъ согласія. Краса-
вица безмолвна, блѣдна, — какъ жертва, обречен-
ная року, — склонясь на руку прекрасной Анны,
робкими, медленными шагами приблизилась къ сво-
ему опцу, копорый подалъ ей *чашу пиршества*,
исполненную сладкаго меда. Совершающа дравній
обрядъ праопцевъ: женихъ принимаетъ чашу изъ

рукъ стыдливой невѣсны и выпиваетъ до дна сладостный напишокъ.

Десять дней сряду солнце Кіевское освѣщаетъ радушные пиры въ перемахъ Княжескихъ. Десять дней сряду все торжествуетъ и радуется. Но красавица проливаетъ слезы на лоно мапери. Единственное утѣшеніе въ горести! — Часно ужасная пайна гошова вылетѣвъ изъ груди ея и всегда замираетъ на робкихъ устахъ. Анна приписываетъ къ нѣжности сердечной поску дочери своей, и слезы ея пекутъ съ слезами красавицы. Но гордый Радмѣрь, познавшій въ первый разъ любовь, близко проникнувъ ужасную пайну. Съ негодованіемъ взираетъ на слезы, и силился подавить въ глубинѣ сердца своего ужасную спрасъ — ревность, спутницу пламенной любви.

Между тѣмъ насътитъ великій день, посвященный играмъ богатырскимъ. При восходѣ лучезарнаго солнца, голосъ бранной трубы раздается въ заповѣдныхъ лугахъ, и на возвышенномъ мѣстѣ, устланномъ коврами Вавилонскими (похищенными при взятіи Корсуна), возвышается высокій наметъ Княжескій. Тамъ возсѣдаетъ Владимѣрь съ супругою и прекрасною Предславой. Тамъ, подъ другими шатрами, засѣдаютъ спарцы и жены Кіевскія. Изъ нихъ спарѣйшины называющіяся судьями тризны, ибо награда храбраго искони

принадлежала мудрости и красоте. Народъ спекался за спавками, и безчисленные толпы его покрывающъ ближнія возвышенія. Посреди рапнаго мѣста, пѣшіе и конные вишязи ожидали знака для начатія игръ. Грозный Роальдъ, вишязь Новгородскій, возвышался межъ ними, какъ древній дубъ посреди низкаго кустарника. Юный Переяславъ, богатырь низкаго рода, но низвергнувшій разъяреннаго вола, Переяславъ, побѣдившій исполина Печенѣговъ, гордился чудесной силою. Онъ былъ пѣшъ; кожа безобразнаго звѣря, имъ расперзаннаго, развѣвалась на широкихъ его раменахъ. Тяжелая сѣкира, копорую и при воина нашего вѣка едва ли поднятъ могущъ, лежала на правомъ плечѣ богатыря. Онъ ожидалъ борца, и громкимъ голосомъ вызывалъ на поединокъ всѣхъ вишязей; вызывалъ — щещно! всякой спрашивался неспешивенной его силы. Гордый Свенальдъ, древле пришедшій съ оплогихъ береговъ озера Нево, Свенальдъ, воевода Владиміровъ, являлся въ толпѣ вишязей въ бронѣ вороненой, въ желѣзномъ шлемѣ, на копоромъ вѣперъ развѣвалъ широкія крылья орлиныя. Израненная грудь его, на копорой спруилась сѣдая брада; черный шлемъ, исполненное копье и щипъ величины необычайной, напоминали Кіевцамъ о товарищѣ отважнаго Свяшослава. Но межъ вами, о вишязи, находилась слав-

ная воишельница, припекшая съ береговъ басно-
словнаго Термодона (*). Высокая грудь ея, гдѣ ро-
зы сочешались съ свѣжими лиліями, грудь ея, по-
добная двумъ холмамъ чистѣйшаго снѣга, покры-
та была легкою шкандью. Черные власы красави-
цы, едва удержанные злешою повязкой, развѣва-
лись волною по плечамъ, за кошорыми звѣнѣлъ
рѣзной шулъ, исполненный стрѣлъ. Нешерпѣли-
вый конь ея, легкій какъ вѣпръ, былъ покрытъ
кожею ужаснаго леопарда; ноги его воздымали обла-
ко праха; злешыя бразды его, омоченныя пѣною,
громко звѣнѣли, и онъ, казалось, гордился своею
всадницею. Мечъ, кованный въ Дамаскъ, блиспалъ
въ правой рукѣ ея, а лѣвая покрыва была щипомъ
серебра лишаго. Все въ ней обличало дѣву:
и гибкій спанъ, подобный пальмѣ или спешлю
лилейному, и маленькая нога, обушая въ багряный
полусапогъ; но рука ея спрахъ врагамъ и дерз-
кимъ вишязямъ! — Кіевцы, пораженные новымъ
для нихъ зрѣлищемъ, громко выхваляли красавицу,
и сердце, гордое сердце дѣвицы сильно билось отъ
радости.

Но Добрыня явился, и всѣ взоры на него
обратились, и ланишы Предславы запылали ро-
зами. Вишязь вошелъ въ толпу, одѣшый шонкимъ

(*) Конечно Царь-дѣвица. — Соч.

панцыремъ, на которомъ блиспала голубая повязка — шайный подарокъ его любезной. Бѣлыя перья развѣвались на его шлемъ. Мечъ-кладенецъ висѣлъ на широкомъ поясѣ у лѣвой бедра. По поданному знаку изъ шапра Княжескаго, юные гридни подвели ему коня, на которомъ Владиміръ воевалъ въ молодоспи. Давно уже никто не сѣдлалъ его, давно уже на свободѣ топталъ онъ праву въ заповѣдныхъ лугахъ Кіевскихъ. Преданіе говоритъ, что конь сей былъ нѣкогда посвященъ Свѣшовиду, и имѣлъ даръ пророчества (*). Въ знакъ дружбы своей, Владиміръ его опдаешъ випязю. Добрыня смѣло вложилъ ногу въ злшое спремя; конь почувсшвовалъ сѣдока, преклонилъ смиренно дикую свою голову и радостнымъ ржаніемъ огласилъ луга и долины.

Знакъ былъ поданъ спарѣйшинами, и взоры успремились на высокую мѣшу, посшавленную на концѣ поприща. Къ ней былъ привязанъ быспрокрыый соколъ. Спрѣлки опдѣлились, и въ числѣ ихъ прекрасная воишельница. Злшый лукъ зазвѣнѣлъ въ ея рукахъ и спрѣла помчалась по воздуху; но щещное оспріе ударилося въ дерево, зашашалось, и успрашенная ппица запрепешала

(*) Конь бога Свѣшовида имѣлъ даръ пророчества. Смощри *Мифологию Славянъ*, Г. Кайсарова. — Соч.

крыльями. Юный Гориславъ вынулъ каленую стрѣлу, и пернашая, пущенная изъ сильныхъ рукъ его, разсѣкла воздухъ пламенною спезею. Такъ пролетаетъ молнія или звѣзда воздушная по синему небу! Стрѣла перерѣзала нити, которыми былъ привязанъ соколъ — и птица, свободная отъ узъ быспро полетѣла надъ главами зришелей. Добрыня натягиваетъ лукъ свой, пускаетъ мѣшкую стрѣлу... и соколъ лежитъ у ногъ Предславы, и народъ восклицаетъ: »Честь и слава Добрынь!« а сердце красавицы ушопало въ веселіи.

Изводящъ на поприще дикаго вола, воспитаннаго на пажитяхъ Черкаскихъ: ужасная глава его, вооруженная крупными рогами, поникла къ землѣ; взоры дикіе и мушныя обращены были на толпу, копорая раздалась въ ту и другую сторону. Андроникъ, дерзкій выпязь, желая разъярить чудовище, вонзилъ въ ребра его легкое копье: острие впилося, древко зашаталось и черная кровь хлынула рѣкою. Разъяренный волъ бросается на толпу, шажелыя ноги его вздымающъ къ небесамъ облако праха и пыли: пышетъ черный дымъ, искры сыплются изъ глубокихъ его ноздрей, — и страшный ревъ подобный грому, оглушаетъ ушрашенныхъ зришелей. Между тѣмъ отрокъ Переяславъ испоргается изъ толпы, и сильными мышцами ухватывается за рога дикаго звѣря. Начи-

наелся ужасная борьба. Трижды разъяренный воль опрокидывалъ богатыря и давилъ его своею громадою; трижды богатырь опрокидывалъ звѣря, и ноги его, подобныя столбамъ тяжелаго зданія, глубоко входили въ песокъ. Наконецъ храбрый юноша, уже близкій къ погибели, вскакиваетъ на хребетъ его, обхватываетъ жилистыми руками.... и чудовище, изрыгая ручьи кровавой пѣны, падаетъ бездыханно. Богатырь, покрытый пылью и попомъ, однимъ махомъ секиры своей обрубаеъ ужасную голову чудовища, приподымаеъ ее за крупные рога и бросаеъ къ спавкѣ Княжеской. Прекрасныя Княжны ужаснулись, а Кіевцы удивленные симъ новымъ и чудеснымъ зрѣлищемъ, провозглашающъ богатыря побѣдителемъ.

Радмѣрь, сохраняя глубокое молчаніе, споялъ близъ спавки Княжеской. Онъ желаетъ сорвать палму побѣды, требуетъ позволенія войти въ толпу храбрыхъ, и въ тайнѣ сердца своего полагаетъ совершить побѣду надъ Добрынею.

Начинающія игры не менѣе опасныя, но въ копорыхъ сила и храбросъ должны успунить искусству; всадники раздѣляются на двѣ споронны; каждый изъ нихъ выбираетъ соперника; Радмѣрь назначилъ Добрыню — и выпязъ благословляетъ сей выборъ! Въ рукахъ его и жизнь и слава соперника, въ рукахъ Предславы награда побѣ-

дишело: златый кубокъ, чудо искусства Греческихъ художниковъ.

Разъѣзжающія по широкой равнинѣ: легкіе кони летящъ какъ вихри, одинъ на встрѣчу другому, копья ударились въ щипы. Добрыня удвоилъ удары — и Радмиръ, проспертый на землѣ, глохнетъ пыль и прахъ! — Русскій вишазъ покидаетъ коня своего, мечъ сверкаетъ въ рукъ Болгара, удары сыплются на доспѣхи любовника Предславы, звонкіе иверни летящъ съ кольчуги, — мщеніе и гнѣвъ владѣетъ рукою вишазей, равно храбрыхъ и искусныхъ. . . . Но Владиміръ подаетъ знакъ, и вишазы остановились.

Ибо внезапно воздухъ помрачился тучами. Зашумѣли вихри, и громъ приждалъ ударилъ надъ главами зришелей. Сердца малодушныхъ женъ и спарцевъ, копорые впайнѣ поклонялись мстительному Чернобогу, исполнились ужасомъ. Празднество кончилось, мечи и копья вишазей опустились долу; но дождь и снѣгъ безпрестанно шумѣли и наполняли внезапными ручьями путь и окрестную равнину. Порывистый вихрь сорвалъ вошкнущія древки и разметалъ далеко наметы Княжескіе. Народъ укрывался подъ развалинами древнихъ капищъ и толпами бѣжалъ къ городу. Анна прижала къ груди своей Предславу, и робкою, но поспѣшною стогою, ведомая Владиміромъ

и окруженная вѣрными гриднями, удалялась въ шепетъ свой. Гласы бѣгущаго народа, шопотъ скачущихъ по полямъ всадниковъ, свистъ разъяренныхъ вихрей, дождь, падающій рѣками: все сіе успрашало прекрасную Княжну. Омоченные власы рассыпались по высокому челу ея, вихрь сорвалъ легкіе покровы съ главы, дыханіе ея перерывалось отъ скорого бѣга, и она, изнемогая, почти бездыханна упала на пупи, въ дальнемъ разспояніи отъ Кіева. Анна и Владиміръ спѣшили къ ней на помощь, и Радміръ предложилъ ей коня своего. Сердце Добрыни въ свою очередь запылало ревностью: онъ желалъ бы самъ проводить Княжну, желалъ бы ... тщетное желаніе! Ненавистный Болгаръ женихъ ея, онъ одинъ имѣетъ сіе право. Между тѣмъ служитель Радміровъ подводилъ коня за звучація бразды — Предслава приблизилась къ нему ... она увидѣла безпокойство Добрыни, прочитала въ глазахъ выпязя глубокую печаль его, и горестный вздохъ вылетѣлъ изъ груди прекрасной дѣвицы. Женихъ ей подалъ свою руку.... о счастье! нешерпѣливый конь, успрашенный шумною толпою, вырвался изъ рукъ клеверца и ширлою исчезъ во мракъ. Болгарскій Князь, снѣдаемый гнѣвомъ, бросился вслѣдъ за нимъ: тщетны были его спаранія, и ревность на крылахъ въспра заставила его возвратиться къ Предславъ. Но

Добрыня, по приказанію Владиміра, сидѣлъ уже на конѣ съ Княжною; уже борзый конь вихремъ уносилъ счастливую чепу, и великое пространство поля опдѣляло любовниковъ отъ ревнивца. Сладкія минуты для Добрыни! красавица обнимала его лилейными руками, сердце ея билось — билось такъ близко его сердца, нѣжная грудь ея прикасалась къ стальной кольчугѣ, дыханіе ея смѣшивалось съ его дыханіемъ (ибо вишнязь безпрестанно обращалъ къ ней голову свою) — и лице ея, омоченное холодными ручьями дождя и снѣга, разгорѣлось, какъ сильное пламя ... конь мчался вихремъ.... и вишнязь, въ первый разъ въ жизни, сорвалъ продолжительный, сладоспный поцѣлуй съ полуошверсныхъ устъ милой всадницы. Гибельный поцѣлуй! онъ разлился какъ огонь, глубоко проникъ въ сердце, и зашмилъ свѣтлыя очи красавицы облакомъ любви и сладоспрасія. Она невольно преклонила голову свою на плечо вишнязя, подобно нѣжному маку, опягченному излишними каплями Майской росы. Благовонные власы ея, развѣваемые дыханіемъ въпровъ, касались ланищъ счастливаго любовника; онъ осыпалъ ихъ сладкими поцѣлуями, осушалъ ихъ своимъ дыханіемъ, и упоеніе обоихъ едва ли кончилось, когда быстрый конь примчался къ шерему Владиміра, когда онъ трижды ударилъ неперпѣливымъ копытомъ о зе-

млю и прислужницы Княжескія вышли имъ на встрѣчу съ пылающими свѣпильниками.

Владиміръ возвратился въ высокіе перема и тамъ нашелъ печальную и блѣдную Предславу. Ахъ, если бы маперь ея, кошорой ласковыя руки осушали омоченные волосы дочери, если бъ маперь знала, какая буря свирѣпствовала въ ея сердцѣ, опъ чего лиліи покрыли блѣдностію чело и ланишы, опъ чего высокая грудь красавицы споль томно волнуется подъ покровами!...

Но вскорѣ Княжна, окруженная подругами, скрылась въ перемъ свой, ибо глубокая ночь уже давно покрывала землю. Добрыня, увлеченный любовію, забывъ и долгъ и собственную безопасность, Добрыня, пользуясь ночнымъ мракомъ, поспѣшилъ къ перему красавицы. Все начинало вкушать сонъ въ черпогахъ Княжескихъ, но буря не умолкала. Ужасно скрипѣли древніе дубы, осѣняющіе мирную обитель красоты, и градъ шумѣлъ безпрестанно, падая на деревянный кровъ перема. Тусклый свѣтъ ночной лампы едва мерцалъ сквозь густыя вѣтви, и богатырь, стоящій на сырой землѣ, сохранялъ глубокое молчаніе. Онъ желалъ опличить образъ Предславы, мелькающій въ окнахъ перема, приблизился, и увидѣлъ ее. Тамъ, въ тайномъ уединеніи, освѣщенная лучемъ лампы, являлась она посреди своихъ прислуж-

ницъ, подобно дѣвѣ, посвященной служенію Знѣга, подобно жрицѣ, когда она въ глубокую ночь, уклонившись въ Муромскія убѣжища, медленно приближается къ жертвеннику, на которомъ пылаетъ неугасаемое пламя, — медленно снимаетъ предъ тайнымъ божествомъ дѣвственныя покровы и совершаетъ неисповѣдимые обряды.

Какъ билось сердце швое, храбрый юноша, когда красавица, опдаливъ подругъ, опрѣшила узлы тайнственныхъ покрововъ! Какъ билось сердце швое, несчастный и вмѣстѣ счастливѣйшій изъ смертныхъ, когда рука ея обнажила грудь, подобную двумъ глыбамъ чистѣйшаго снѣга; когда волосы ея небрежно рассыпались по высокому челу и по алебастровымъ плечамъ! — Нѣтъ, не въ силахъ языкъ человѣческій изобразить спрасей, пылающихъ въ груди нашего рыцаря! Но вы, пламенные любовники, перенеситесь мыслями въ тѣ времена спрасей и блаженства, когда случай или любовь, властительница міра (ибо и случай ей покорствуеетъ), когда любовь открывала предъ вами свои тайнства; вы, счастливцы, можете чувствовать блаженство Добрыни!

Робкій голосъ его называлъ имя Предславы и въперъ прижды заглушалъ его. Наконецъ красавица услышала; встревоженная, приблизилась къ окну, и при блѣдномъ лучѣ свѣщальника узнала

его. Долго смотрѣла она, какъ въперъ развѣвалъ черныя его кудри, какъ снѣгъ сыпался медленно на открытую голову возлюбленного; долго въ недоумѣніи глядѣла она . . . и наконецъ сожалѣніе (преданіе говоришь: любовь), владѣя робкою рукою, пихонько оподвинуло желѣзные припворы перема — и випязь упалъ къ ея ногамъ! — »Что ты дѣлаешь?« сказала прекрасная: »что ты дѣлаешь, несчастный? Бѣги опъ меня, сокройся, пока мспишельный богъ. . . . Ахъ! я навѣки швоей не буду! Небо разлучаетъ насъ.« — »Люди разлучаютъ насъ;« прервалъ ее Добрыня: »Люди разлучаютъ два сердца, созданныя одно для другаго, въ одинъ часъ, подъ одною звѣздою, созданныя, чшобы ушопашъ въ блаженствѣ, или глубоко, глубоко лежатъ въ сырой землѣ, но лежатъ вмѣстѣ, неразлучно!« — Удались, заклиная себя. . . .« — »Ахъ, Предслава! шы моя навсегда . . . женихъ швой, сей Болгаръ, долженъ упасъ опъ меча храбраго!« — »Ахъ, что шы хочешь предпринять? А судьба матери моей? а гнѣвъ, неукротимый гнѣвъ Великаго Князя? . . .« — »Такъ, Предслава: я вижу, шы меня не любишь. Бракъ съ повелишелемъ обильныхъ спранъ Дунайскихъ льспишъ швоему честполюбію. Вѣроломная женщина! шы не любишь Добрыню, шы забыла священнѣйшій долгъ, кляшвы любви! . . . Но смершь

мнѣ оспаеся въ награду за вѣрность! — Сілющій мечъ висѣлъ при бедрѣ героя, правая рука его лежала на злой рукоятки; но Предслава слабая и вмѣстѣ великодушная, Предслава бросилась въ его объятія, горячія слезы текли изъ глазъ ея, слезы любви, распоренныя сердечною поскою. Любовники долго безмолвствовали. Сама любовь запечатлѣвала спыдливыя уста красавицы; вскорѣ слезы сладострастія заблещали, какъ перлы на длинныхъ ея рѣсницахъ, розы запылали на щекахъ, грудь, изнемогая подъ бременемъ любви, едва, едва волновалась, и прерывистый, томный вздохъ, подобный шептанію Майскаго вѣтерка, засыпающаго на цвѣтахъ, вылетѣлъ изъ груди ея, вылетѣлъ, ... и замеръ на пламенныхъ устахъ любовника.

Быстро мчится время на крылахъ счастья, любовь осыпаетъ розами своихъ любимцевъ; но время, прикосновеніемъ хладныхъ крылъ своихъ, вскорѣ и самыя розы сладострастія превращаетъ въ шерны колючіе! — Все безмолвствовало въ обители красавицы. Свѣпильникъ, догара, изрѣдка бросалъ пламень свой ... и она проснулась отъ очарованія, среди мрака бурной ночи. Напрасно вѣспазъ прижималъ печальную къ груди своей, напрасно пламенныя уста его запечатлѣвали тихое, невольное роптаніе: рука ея шепетала въ рукѣ

любовника, слезы лились обильными ручьями, и холодный ужасъ застудилъ послѣдній пламень въ крови печальной любовницы.

Наконецъ горестный поцѣлуй прощанія соединилъ на минушу души супруговъ. Красавица вырвалась изъ объятій выпязя. Добрыня надвинулъ сіяющій шлемъ свой, открылъ двери шерема, ведущія на длинные переходы.... О ужасъ! онъ увидѣлъ, при сомнительномъ блескѣ мѣсяца, копорый едва мелькалъ сквозь облако, увидѣлъ ужасный призракъ.... вооруженнаго рыцаря! и сердце его, незнакомое со страхомъ, задрепетало не за себя, за красавицу. Предслава упала бездыханна на прагъ свѣшлицы. Но мечъ уже сверкалъ въ рукѣ незнакомца, страшный голосъ его раздался во мракѣ, »Вѣроломные! мщеніе и смерть!« — Добрыня, лишенный щита и брони, вооруженный однимъ шлемомъ и оспрымъ мечемъ своимъ, щепино отбивалъ удары: тайный врагъ нанесъ ему тяжелую рану и кровь ударилась ручьями. Богатырь, пылая мщеніемъ, поднялъ мечъ свой обѣими руками — незнакомецъ уклонился — ударъ палъ на перилы, щепы и искры посыпались, столбы зданія зашатались въ основаніяхъ и сердце незнакомца исполнилось ужасомъ. Красавица, пробужденная опть омрака, бросилась въ объятія Добрыни; щепино дрожащая рука ея удерживала его руку,

тщешно слезы и рыданія умоляли соперника: ревность и мщеніе кипѣли въ лютомъ его сердцѣ. Онъ бросился на Добрыню, и выпязь, прижавъ къ окровавленной груди своей плачущую супругу, долго защищалъ ее мечемъ своимъ. Отъ частыхъ ударовъ его разбился шлемъ соперника, иверни падали съ кольчуги, гибель его была неизбежна.... Но правая нога измѣняетъ несчастному Добрыню; онъ скользнулъ по помоспу, омоченному ручьями дождя и крови — несчастный падаетъ, защищая красавицу, и хладный мечъ соперника прижды по самую рукоять вбивается въ его сердце.

Свѣшильники, принесенные успрашенными дѣвами, спекающимися изъ шерема, освѣтили плачевное зрѣлище.... Радміръ (ибо это онъ былъ, сей незнакомецъ, завлеченный ревностію къ шерему Предславы), Радміръ довершалъ свое мщеніе. Добрыня, плавая въ крови своей, успрямилъ послѣдній, умирающій взоръ свой на красавицу; улыбка, — печальная улыбка поухла въ очахъ его, — и имя Предславы вмѣстѣ съ жизнью замерло на устахъ несчастнаго.

Нѣтъ ни жалобъ, ни упрека въ устахъ красавицы. Нѣтъ слезъ въ очахъ ея. Хладна какъ камень, безопѣшна какъ могила; она бросила печальный, умоляющій взоръ на пришедшаго Владимира, на опчаянную маперь, и прижавъ къ ногѣ

груди своей сердце супруга, пала бездыханна на
оледенѣлый его шрупъ какъ лилія, сорванная
дыханіемъ непогодъ , какъ жертва , обреченная
любви и неизбѣжному року.

Насилу досказалъ ! —

I.

ПИСЬМА И ОТРЫВКИ ИЗЪ ПИСЕМЪ.

Къ Д. В. Д.

Парижъ, 25 Апрѣля 1814.

» Письмо ваше, опѣ 25 Января, я получилъ на маршѣ опѣ Випри къ Феръ-Шампенуазу, и не могу вамъ описать удовольствія, съ какимъ я прочиталъ его! Спѣо разъ благодарю васъ за пріятное ваше посланіе къ полуварвару, Бапюшкову, покрышному военнымъ прахомъ; забывшему и Музу и ея служителей, но не забывшему друзей, изъ числа копорыхъ вы всегда жили въ моемъ сердцѣ. Сколько и сколько пріятныхъ минушъ, проведенныхъ съ вами, даюшъ мнѣ право на ваше воспоминаніе! Въ жизни моей я былъ обманушъ во многомъ, кромѣ дружбы: ею могу еще гордиться; она меня примиряетъ съ жизнію, часшо печальною, и съ міромъ, копорый покрышъ развалинами, гробами и спрашными воспоминаніями. Теперь нѣсколько словъ о себѣ. Вы не будете требовать

опѣ меня цѣлой книги, по еспѣ, описанія моихъ походовъ и спранспвѣй: для эптого не доспанешъ у меня бумаги, а у васъ терпѣнія! Скажу вамъ проспо: я въ Парижѣ. *La Messagère indifférente*, молва, извѣспила васъ давно о нашихъ побѣдахъ, чудесныхъ по испинѣ; эпто все давнымъ давно извѣспно, и расположено въ Англійскомъ клубѣ, и въ газетахъ, и въ Журналахъ, и въ офиціальныхъ одахъ; однимъ словомъ: эпто спарина для васъ, жишелей мирнаго Пешпрограда. Но повѣрите ли, мы, копорые учаспвовали во всѣхъ важныхъ происшеспвіяхъ, мы едва ли до сихъ поръ вѣримъ, чшо Наполеонъ исчезъ; чшо Парижъ нашъ; чшо Лудовикъ на пронѣ и соопечеспвенники Монпескье, Расина, Фенелона, Робеспьера, Кушона, Даншона и Наполеона поюшъ по улицамъ: *Vive Henry quatre! vive le Roy vaillant!* Такія чудеса превосходяшъ всякое поняшпе. И въ какое коропкое время! И съ какими спранными подробносшями! Нѣшъ, любезный другъ, надобно имѣшъ весьма здоровую голову, чшобъ поняшъ всѣ дѣла сіи, и чшобы слѣдовашъ за всѣми обстоятельсшвами... Я опѣ эшой работы опказываюсь, я, копорый часпо не понималъ спиховъ N. N. Скажу проспо: я въ Парижѣ. Первые дни нашего здѣсь пребыванія были дни энпузіазма; теперъ мы покойнѣе. Бродимъ по бульвару, обѣдаемъ у *Bauvillier*, посѣ-

щаемъ иеапры; удивляемся искусству, необыкновенному искусству Тальмы; смѣемся во все горло проказамъ Брюнеша, споймъ въ изумленіи передъ Аполлономъ Бельведерскимъ, передъ картинами Рафаеля — въ великолѣпной галлерей Музеума; зѣваемъ на площади Лудовика XIV, или на Новомъ мосту, на поприщѣ народныхъ дурачествъ; гуляемъ въ великолѣпномъ Тюльери, въ Ботаническомъ саду, или въ окрестностяхъ Парижа, среди необозримой толпы Парижскихъ гражданъ, Парижскихъ грацій, спарыхъ Роялиствъ, Якобинцевъ, Бонапартистовъ и пр. и пр. Теперь мы все эпидѣлаемъ и дѣлать можемъ, ибо мы отдохнули и пѣломъ и душою. Замѣтите, что мы имѣемъ важное преимущество надъ прежними путешественниками: мы путешественники вооруженные! Я часто съ удовольствіемъ смотрю, какъ наши Казаки безпечно проѣзжаютъ черезъ Аустерлицкой мостъ, любясь его удивительнымъ построениемъ; съ удовольствіемъ неизъяснимымъ вижу Русскихъ гренадеръ передъ Трояновой колонной, или урѣшенки Тюльери, передъ arc de triomphe, гдѣ изображенъ и Ульмъ, и Аустерлицъ, и Фридландъ и Іена; еще съ большимъ удовольствіемъ смотрю на нашихъ воиновъ, гуляющихъ съ инвалидами на широкой площади, принадлежащей ихъ дому. Французы дорого заплашили за свою славу, любезный

другъ; они должны быть благодарны нашему Царю за спасеніе не только Парижа, но цѣлой Франціи; они и благодарны: это меня примиряетъ нѣсколько съ ними. Но что вамъ до народа Французскаго! За чѣмъ Башюшковъ не говоритъ о Липшерапурѣ, о Лицеѣ, о славныхъ ученыхъ мужахъ, объ остроумныхъ головахъ, о Поэтахъ, однимъ словомъ: о людяхъ, копорымъ я, живучи на берегу Ладожскаго озера и Невы, обязанъ сладосными минушами; копорыхъ одно имя пробуждаетъ въ моей головѣ тысячу воспоминаній пріятныхъ, тысячу понятій.... Извольте! я скажу вамъ, во-первыхъ, что въ шумѣ военномъ я забылъ, что существовала Академія изъ сорока Членовъ; но разъ, перейдя за Королевскій мостъ, забрелъ я случайно къ Дидоту, любовался у него изданіемъ Лафонпена и Расина, и — разговаривая съ его повѣреннымъ, — узналъ ненарокомъ, что завтра въ 3 часа по полудни впорой классъ Инспишупа будетъ имѣть торжественное засѣданіе. Вооружась билетомъ для прохода чрезъ врапа ученоши въ сіе важное святилище Музъ, я, вашъ маленькій Тибуллъ, или проще — Капитанъ Русской службы, что въ нынѣшнѣе время важнѣе, нежели бывшій Кавалеръ или всадникъ Римскій; я, вашъ пріятель, наступилъ на горло какому-то Члену Общества и во-

шелъ въ залу, пробираясь сквозь толпу любопытныхъ. »Вошъ садитесь здѣсь, или спаньше за моимъ шабурешомъ,« сказала мнѣ прекрасная женщина : »здѣсь вы все увидите, все услышите. Я спалъ за шабурешомъ, и съ удовольствіемъ взглянулъ на залу и на блестящее собраніе оппорной публики.... Парижской! — Зала прекрасная: она построена крестообразно; въ чешырехъ нишахъ, составляющихъ углы рошонды, пославлены чешыре спашуи, прекрасныя произведенія искусства Французскихъ художниковъ, спашуи великихъ людей, Сюлли, Монпескье, Боссюэша и Фенелона. Опъ рошонды возвышается амфитеатръ, посвященный для зритель рошонды, для Членовъ и важныхъ посѣпителей. Члены собирались мало по малу, и Французъ, мой сосѣдъ, называлъ ихъ : вошъ Буфлеръ! — вошъ Сикаръ! — а эшо, съ красной леншой, спарикъ Сегюръ! Вошъ Эшьень, сочинитель хорошей комедіи; возлъ него Пикаръ, любимый Авторъ Парижскій. Съ ними были и другіе Члены прочихъ классовъ Инспитута, которые имѣютъ право засѣдать въ торжественныхъ собраніяхъ. Ни Парни, ни Фоншаня я не видалъ. Шапобріана, кажешся, не было. Наполеонъ не согласенъ былъ на принятіе его въ Члены за нѣсколько спрокъ ... прошивъ правленія, или прошивъ его особы: за то и Шапобріанъ не по-

щадила его въ послѣднемъ сочиненіи, которое вамъ безъ сомнѣнія извѣстно. Наконецъ при блескѣ публики, при непрестанныхъ восклицаніяхъ: *vive Alexandre! vive le général Sacken!* вошли наши Герои. — Лакрешель, Секретарь Академіи, читалъ имъ привѣтствіе. Я съ удовольствіемъ слушалъ его. Лакрешель, какъ Писашель, имѣетъ достоинство. — За нимъ снова рукоплесканія, снова восклицанія: »Да здравствуетъ Императоръ!« и пр. Они замолкли, и Г. Вильменъ, молодой человекъ 22 лѣтъ, началъ читать снова привѣтствія Государю, и просилъ публику выслушать разсужденіе о пользѣ и невыгодахъ кришки, увѣнчанное Инспираторомъ. Молчаніе глубокое! Всѣ слушали съ большимъ вниманіемъ длинную рѣчь молодого Профессора, весьма хорошо написанную, какъ мнѣ показалось; часто аплодировали блестящимъ фразамъ, и болѣе всего тому, что имѣло какое-нибудь отношеніе къ нынѣшнимъ обстоятельствомъ. »Браво, Г. Вильменъ! продолжайте!« говорили женщины. Онъ мыслитъ, *il pense*, говорили мужчины, поправляя галстухъ съ обыкновенною важностью. . . и всѣ были довольны. »Какъ онъ молодъ!« шептали женщины; »какъ онъ молодъ, и два раза увѣнчанъ Академіей: въ первый разъ за похвальное слово Монпаню,« . . . — »въ кошоромъ много глубокихъ мыслей,« прибавилъ мужчина, мой сосѣдъ. »Не му-

дрено!« продолжалъ другой: » онъ говорилъ о Монпанъ. « По окончаніи рѣчи, Президентъ обнялъ два раза молодого Профессора и провозгласилъ его побѣдителемъ, при шумныхъ рукоплесканіяхъ публики. Государь нашъ и Король Прусскій сказали ему нѣсколько учпивыхъ словъ; молодой Авторъ былъ на розахъ !!! —

Нынѣшній годъ была предложена къ увѣнчанію *Смерть Баярда*; но, по слабости поэзіи, не получила обыкновенной награды. Теперь угадайте, какой предметъ назначенъ для будущаго года? — *Польза прививанія коровьей оспы!!* По этому, любезный другъ, можете судить о сосполянн Французской Словесности. Ее не любилъ Наполеонъ; математикъ во всякомъ случаѣ бралъ преимущество надъ Членомъ Инспишупа: что не мало послужило къ упадку Академіи Французской. Правленіе должно лелѣять и баловать Музъ: иначе, онѣ будутъ безплодны. Слѣдуя обыкновенному печенію вещей, я думаю, что вѣкъ славы для Французской Словесности прошелъ, и врядъ можете ли когда-нибудь воропиться. Впрочемъ, мирное опечеспвленное правленіе Лудовика будетъ для Музъ во сто разъ благосклоннѣе судорожнаго правленія Корсиканца, копорый и въ великолѣпныхъ памяшникахъ Парижскихъ доказалъ, что онъ не имѣетъ вкуса, и что *Музы отъ него чело свое сокрыли.*

Теперь вы спросите у меня: что мнѣ болѣе всего понравилось въ Парижѣ? — Трудно рѣшить. — Начну съ Аполлона Бельведерскаго. Онъ выше описанія Винкельманова; эпо не мраморъ, — богъ! Всѣ копіи эпой безцѣнной спашуи слабы, и пошъ, кто не видалъ сего чуда искусства, пошъ не можеть имѣть о немъ понятія; чпобъ восхищаться имъ, не надобно имѣть глубокія свѣдѣнія въ искусствахъ: надобно чувствовать! Спранное дѣло. Я видѣлъ простыхъ солдатъ, копорые съ изумленіемъ смопрѣли на Аполлона; шакова сила генія! Я часто захожу въ Музеумъ, единственнo запѣмъ, чпобы взглянуть на Аполлона, и, какъ опъ бесѣды мудраго мужа, или милой, умной женщины, по словамъ нашего Поэта, *лучшимъ возвращаюсь*. Ни слова о другихъ рѣдкостяхъ, ни слова о великолѣпной карпинной галлерей, единственной въ своемъ родѣ! Ни слова о рѣдкостяхъ Парижскихъ, ни слова о театрахъ, о Дюшенуа, о Тальма, и пр. и пр. Я боюсь вамъ наскучить моими замѣчаніями; но позвольте, мимоходомъ, разумеется, похвалить женщинъ. — Нѣтъ! онъ выше похвалъ:

Предъ ними испощаетъ

Любовь златой колчанъ;

Все въ нихъ обворожаетъ:

Походка, легкій станъ,

Полунагія руки,
И полный нѣги взоръ,
И успѣ волшебны звуки
И спраспный разговоръ;
Все въ нихъ очарованье!
А ножка, милый другъ:
Она Харишъ созданье,
Кипридиныхъ подрутъ!
Для ножки сей, — о вѣчны боги!
Усѣйше розами дороги,
Иль пухомъ лебедей!
Самъ Фидій передъ ней
Въ восторгъ утопаетъ; —
Поэтъ на небесахъ!

»И такъ мнѣ болѣе всего понравились ноги, прелеспныя ноги прелеспнѣйшихъ женщинъ въ мірѣ! *De gustibus non disputandum.* — У Англійскаго Генерала не давно спрашивали Французскіе Маршалы: что ему болѣе всего понравилось въ Парижѣ? — *Русскіе гренадеры*, отвѣчалъ онъ. Пусть С. скажетъ вамъ шеперь, что ему понравилось въ столицѣ міра: здѣсь, мы съ нимъ видимся каждой день; бродимъ по улицамъ, и часпо, очень часпо воспоминаемъ о Д. — Ему уступаю перо до перваго случая.»

II.
КЪ С.

Гошенбургъ, 19 Іюня, 1814 года.

Исполняю мое обѣщаніе, любезный другъ, и пишу къ тебѣ изъ Гошенбурга. Послѣ благополучнаго плаванія прибылъ я вчерашній день на пакет-ботъ Альбіонъ, здоровъ и веселъ, но въ большой успалости отъ морскаго утомительнаго переѣзда. Успалость не помѣшаетъ рассказывать мои походы. Садись и слушай. Оставя тебя среди вихря Лондонскаго, я сѣлъ съ великимъ Рафаэломъ въ фіакръ и въ безпокойствѣ доѣхалъ до почтоваго двора, боясь, чтобы карета подъ надписью въ Гаришь не ускакала безъ меня въ урочное время. Къ счастью, она была еще на дворѣ и около нея рой почтовыхъ служителей, ожидающихъ почтенныхъ путешественниковъ. Дверцы отворены: я пожалъ руку у своего Империанца, громкаго именемъ, но смиреннаго званіемъ, и, со всей возможной важностію, занялъ первое мѣсто: ибо я первый вошелъ въ карету. Другіе спутники мои (заплашившіе за проѣздъ дешево) утѣлись на крышкѣ, на козлахъ, распустили огром-

ные зонтики и начали, по обыкновенію всѣхъ земель, бранишь кучера, который медлилъ ударить бичемъ и спокойно допивалъ кружку пива, разговаривая со служанкою пракшира. Между тѣмъ, какъ съ кровли каретной сыпались гошдемы на кучера, дверцы отворились: двое мушинъ сѣли возлѣ меня, и колымага пронулась. Къ счастью по были Нѣмцы изъ Гамбурга, люди привѣтливые и добрые. Мы не успѣли выѣхать изъ предмѣстій Лондона и карета остановилась: въ нее вошелъ новый спутникъ. Въ послѣдствіи я узналъ, что поварищъ нашъ былъ родомъ Шведъ, а промысломъ — глупецъ; но оригиналъ удивительной, о которомъ я, въ качествѣ историка, буду говорить въ надлежащее время. Теперь я на большой дорогѣ, прощаюсь съ Лондономъ, котораго, можетъ быть, не увижу въ другой разъ.... Лесимъ по гладкой дорогѣ, между великолѣпныхъ липъ и дубовъ — Лондонъ исчезаетъ въ туманахъ. Въ Колчесперъ, знаменитый устрицами, прибыли мы въ глухую полночь, а въ Гаришь на разсвѣтъ. Въ гостинницѣ полспаго Буля ожидалъ насъ завтракъ. Товарищи мои: Шведъ, два Гамбургца, нѣсколько Англичанъ и Шотландцевъ, всѣ въ глубокомъ молчаніи и съ важностію чудесною пили чай и поглядывали на море, въ ожиданіи попутнаго вѣтра. Таможенные приспавы ожидали насъ.

Оконча всѣ дѣла съ ними, честная компанія возвратилась къ Булю. Въ большой залѣ ожидали насъ новые поварищи, которые, узнавъ, что я Русской, дружелюбно жали мою руку и предложили пить за здравіе Императора. Поршвейнъ и Хересъ переходили изъ рукъ въ руки, и подъ вечеръ я былъ красенъ, какъ Майской день, но все въ глубокомъ молчаніи. Товарищи мои пили съ такою важностію, о которой мы, живши ма-шерой земли, не имѣемъ понятія. Насъ было болѣе двѣнадцати, со всѣхъ чешырехъ концовъ свѣта, и всѣ, казалось мнѣ, люди хорошо воспитанные, всѣ, кромѣ Шведа. Онъ часъ отъ часу болѣе опличался, желая играть роль Женшельмана и коверкая Англійскій языкъ немилосерднымъ образомъ. . . . Англичане улыбались, пожимали плечами и пили за его здоровье. Въперъ былъ пропивный и мы оспались ночевать въ Гаричѣ. На другой день по утру, Шопландецъ, поварищъ мой изъ Лондона, высокой и статный молодой человекъ, вошелъ въ мою спальню и ласковымъ образомъ на какомъ-то языкѣ (который Англичане называютъ Французскимъ) предложилъ мнѣ идти въ церковь. День былъ воскресной и народъ толпился на паперши. Двери храма отворились; мы вошли съ толпою.

Проспоша служенія, умиленіе, съ которымъ

*

всѣ молились въ молчаніи, изрѣдка прерываемомъ или пропѣжнымъ пѣніемъ или важными звуками органа, сдѣлали въ душѣ моей впечатлѣніе глубокое и сладостное. Спокойныя ангельскія лица женщинъ, бѣлыя одежды ихъ, локоны, распущенные въ милой небрежности; рой прелестныхъ дѣшей, соединяющихъ юные голоса свои съ дрожащимъ голосомъ спарцевъ, древнихъ мореходцевъ, посѣдѣвшихъ на бурной стихіи, окружающей Гаришь: все вмѣстѣ образовало картину великолѣпную, и никогда Религія и священные обряды ея не казались мнѣ столь плѣнительными! Самая церковь на берегу моря, въ приспани, откуда столько путешественниковъ пускается въ края отдаленныя міра и имѣетъ нужду въ промыслѣ Небесномъ, сей храмъ съ готическою кровлею, съ гербами, съ простою кафедрою, на которой почтенный спарецъ изъясняетъ просьбами словами глубокой смыслъ Евангелія; сей самый храмъ имѣетъ нѣчто особенное, нѣчто плѣнительное. Около двухъ часовъ я просидѣлъ съ моимъ Шотландцемъ; онъ молился съ большимъ усердіемъ, скажу болѣе, съ набожностію. Примѣру его слѣдовали всѣ молодые люди и граждане мирные и воины. Такъ, милый другъ, земля, въ которой все процвѣтаетъ, земля, такъ сказать, заваленная богатствами всего міра, иначе не можетъ поддержать себя, какъ

совершеннымъ почипаніемъ нравовъ, законовъ гражданскихъ и Божеспвенныхъ. На нихъ-то основана свобода и благоденспвіе новаго Карѳагена, сего чудеснаго оспірова, гдѣ роскошь и простота въ вѣчной борьбѣ. Это смѣшеніе простоты и роскоши меня поразило всего болѣе въ опечеспвѣ Елисаветы и Адиссона. — Въ сей день незабвенный для моего сердца, одинъ изъ путешеспвенниковъ, узнавъ, что я Русской, пригласилъ меня прогуливаться. Мы бродили по берегу морскому посреди благовонныхъ пажипей и лѣсовъ, оспьяющихъ окрестности Гарича. Толпы счастливыхъ поселянъ въ праздничныхъ плапьяхъ прогуливались вдоль по дорогѣ, или опдыхали на шравѣ. Сквозь густую зелень орѣшника и древнихъ вязовъ выглядывали миловидныя хижины приморскихъ жишелей и солнце вечернее освѣщало каршину великолѣпную. Меня все занимало, все плѣняло. Я пожиралъ глазами Англію и желалъ запечатлѣть въ памяти всѣ предметы, меня окружающіе. Сидя на камнѣ съ добрымъ Англичаниномъ — такія отккрышыя и добрыя физіогноміи рѣдко встрѣчающіяся — сидя съ нимъ въ дружеспвенной бесѣдѣ, мы забыли, что время летѣло и солнце садилось. Онъ прощался надолго съ милымъ опечеспвомъ и говорилъ о немъ съ восхищеніемъ, съ радостными слезами. Какъ не любить

шакой земли, повпорялъ онъ, указывая на плѣнительныя окрестности. Здѣсь я покидаю жену, дѣшей, родственниковъ и друзей. Брипанецъ пожалъ крѣпко мою руку, и мы возвратились въ гостиницу.

Слуга извѣщаетъ насъ, что попушный въперъ позволяеть судамъ выходить изъ гавани. Я зашрепешалъ отъ радости. Прощаясь съ товарищами, расплачиваясь съ услужливымъ хозяиномъ, сажусь въ лодку и съ нее на желанный пакетъ-ботъ Альбіонъ, къ Капибану Маю. Со мною два пассажира: проказникъ Шведъ и какой-то богатый Еврей изъ Лондона, великій щеголь и красобай. Море зашпруилось; выходимъ изъ порта. Но въперъ долго принуждаеть насъ плавать около береговъ Графсхва Суффолкъ, кошораго маяковъ мы не теряемъ изъ виду во всю ночь. Признаюсь тебѣ, положеніе мое было не завидно: жишь нѣсколько дней съ незнаемыми лицами, имѣшь въ виду морскую болѣзнь! Чшо дѣлашь? надобно покориться судьбѣ. Я сѣлъ на палубу и любовался среброшуйчатымъ моремъ, кошорое едва колебалось и отражало по маяки, по лучи мѣсяца, восходящаго изъ - за береговъ Брипаніи. Между тѣмъ Еврей рассказывалъ повѣсти, Шведъ болталъ о Ковенгартскихъ прелестницахъ, о поршнихъ, о лошадяхъ и о Норвегіи, кошорую Пар-

ламеншъ опдаешъ Принцу. Поздно возвращился я въ каюшу и спалъ мерпвымъ сномъ, поруча себя Непшуну, Наядамъ, Борею и Зефиру, Каспору и Поллуксу, покровителямъ спранниковъ, и Венерѣ, кошорая родилась изъ пѣны морской, какъ извѣстно всякому. По утру проснулся съ головою болью; къ вечеру спало хуже: я спрадалъ. Въперъ былъ пришивный и ночь ужасная. Парусы хлопали, снасти шрещали, волны плескали на палубу и заботливый Капитанъ безпрестанно повпорялъ любимую поговорку: бѣдный Юрикъ! бѣдный Юрикъ! На четвертый день свѣжій попуный въперъ надувалъ паруса, и моя болѣзнь миновалась. Все ожило. Мапросы пѣли, Капитанъ шушилъ съ Евреемъ, но Шведъ часъ опъ часу спановился несноснѣе и скучнѣе. Гдѣ укрышься опъ него? Я узналъ въ послѣдствіи, что онъ сынъ богатаго купца, родомъ изъ Шпокгольма, былъ посланъ въ Лондонъ учиться коммерціи, надѣлалъ шамъ долговъ и возвращаешся ріап ріапіо въ свое опечесство. Его дурной Нѣмецкой и Французской выговоръ приводили меня въ опчаяніе. При каждомъ движеніи судна онъ блѣднѣлъ. То ему казалось, что Капитанъ выпилъ лишнюю рюмку, то компасъ не вѣренъ, то паруса не на мѣстѣ, и то не такъ, и это худо. Пошомъ рассказы о Гайдъ-паркѣ, о биржѣ, о Плашовѣ, о Веллингтонѣ;

памъ описаніе сокровищъ опца его, и все, и все, чего мнѣ слушать не хотѣлось! То онъ давалъ совѣты Капитану, который отвѣчалъ ему гошде-момъ, то онъ удилъ рыбу, которая не шла на уд, то онъ видѣлъ кита въ морѣ, мышъ на палубѣ или синичку на воздухѣ. Онъ всѣмъ наскучилъ, и человеколюбивый Еврей предложилъ намъ бросить его въ море, какъ безбожника Діагора, на съѣденіе морскимъ чудовищамъ.

Но какіе часы я проводилъ на палубѣ въ сладостномъ очарованіи, читая Гомера и Тасса, вѣрныхъ спутниковъ воина! Часомъ, покидая книгу, я любовался открытымъ моремъ. Какъ прелестны сіи необозримыя, безконечныя волны! Какое неизъяснимое чувство родилось въ глубинѣ души моей! Какъ я дышалъ свободно! Какъ взоры и воображеніе мое лезли съ одного конца горизонта на другой! На землѣ повсюду преграды: здѣсь ничто не останавливаетъ мечтателя, и всѣ тайныя надежды души расширяются посреди безбрежной влаги.

Fuggite son le terre e i lidi tutti!

De l'onda il Ciel, del Ciel l'onda e confine!

Въ седьмой день благополучнаго плаванія восходящее солнце заспало меня у мачты. Воспюч-

ный въперъ освѣжалъ лице мое и развѣвалъ волосы. Никогда море не являлось мнѣ въ великолѣпнѣйшемъ видѣ. Болѣе прицѣпи судовъ колебалось на лазоревой влагѣ: иные шли въ Росшокъ, другія въ Англію; иные, подобно пирамидамъ, казались неподвижными, другіе, распуспя паруса, какъ лебеди шянулись длинною спнаею и исчезали въ опдаленіи. Наконецъ мы замѣпили въ морѣ одну неподвижную точку: выши Маспранда; и я привѣспивовалъ родину Гуспава и Карла. Волны спановились часъ опъ часу пише и пише, изгладились, и я увидѣлъ новую шоржеспвенную картину: совершенное спокойспвіе, глубокой сонъ бурной спихіи. Солнце казалось въ зенипѣ своемъ, осыпало сіяніемъ гладкую синеву. Къ несчастію долго ничѣмъ наслаждапсья не можно. Тишина въ морѣ ушомипельнѣе бури для мореплавашеля. Я пожелалъ въпра и сказалъ Капишану:

— — — Tu che condutti

M'hai in questo mar, che non ha fine,

Di, s'altri mai qui giunse, e se più avance

Nel mondo, ove corriamo, have abitante?...

Онъ опвѣчалъ мнѣ на грубомъ Англійскомъ языкѣ, который въ устахъ мореходцевъ еще грубѣе спановипся, и божеспвенные спихи любовника Элеоноры безъ опвѣша исчезли въ воздухъ:

Бышь можешъ, ихъ Оешида
Услышала на днѣ,
И, лошосомъ вѣнчанны,
Спаницы Нерендъ
Въ серебряныхъ пещерахъ
Склонили жадный слухъ
И сладоспно вздохнули,
На урны преклонясь
Лилейною рукою;
Ихъ перси взволновались
Подъ шонкой пеленой...
И море заструилось,
И волны поднялись!

Свѣжій вѣпръ началъ надувать паруса. Мы приближались къ утесамъ гошическимъ. Ты помнишь гавань Гошенбургскую и, можешъ бышь, подобно мнѣ, съ неперпѣніемъ проходилъ мимо Архипелага, скалъ и утесовъ, живописныхъ издали, но упомишельныхъ для мореплавателя. Наконецъ мы въ Гошенбургъ, въ новой Англіи, по словамъ Арндпа. Съ разсвѣтомъ являюща къ намъ шаможенные присавы, копорые позволяющъ намъ вспунишь на берегъ Шведской. Капитанъ Майъ со мною прощаешся и желаешъ счастливаго пути въ Россію. Шведъ спѣшишь въ городъ и забываетъ впоропяхъ свои чемоданы. Чесный Еврей подаешъ мнѣ руку, и мы шеспвуемъ съ нашими пожипками въ госпинницу Зегерлинга,

опкуда я пишу къ тебѣ сіи строки дрожащею рукою. Письменный столѣикъ шапается, полъ подо мною колеблется: споль сильно впечатлѣніе морской качки, что и здѣсь на сухомъ полу оно не исчезаетъ.

Опдохнувъ не много, иду справляться, нѣтъ ли корабля въ Петербургъ; въ противномъ случаѣ принужденъ буду ѣхать въ Штокгольмъ. Къ несчастію, вчера былъ день воскресной и всѣ банкиры и маклеры за городомъ въ увеселительныхъ домахъ своихъ. Что дѣлать? Бродить по городу, копорый показался мнѣ и малъ и бѣденъ, вопреки Арндшу. Не мудрено: я изъ Англіи! За воротами Гошенбургскими есть липовая аллея: единственное гулянье. Я прошелъ по ней нѣсколько разъ съ печальнымъ чувствомъ. Липы Шведскія такъ тощи и худы въ сравненіи съ липами Британіи! Холодными глазами смотрѣлъ я на окрестности Гошенбурга, довольно живописныя, на купцевъ и конпорщиковъ, копорые со всею возможною важностію прогуливаютъ себя, свои Англійскіе фраки, женъ, дочерей и скуку. Женщины не блистаютъ красою и спранный нарядъ ихъ не привлекаетъ.

На городской площади собираются Офицеры къ парадъ. Народъ съ большимъ удовольствіемъ

смопрѣлъ на разводъ солдатъ въ круглыхъ шляпахъ.... Ввечеру парадъ церковный, обрядъ исконно установленный.— Войско спановилося въ строй и поешъ псалмы и священные гимны: Офицеры чишаютъ молитвы. Такъ ведется въ Шведской арміи со временъ Густава Адольфа, набожнаго рыцаря и Короля властолюбиваго.

И такъ, милый другъ, я снова на берегахъ Швеціи,

Въ землѣ шумановъ и дождей,

Гдѣ древле Скандинавы

Любили честь, просые нравы,

Вино, войну и звукъ мечей.

Опъ сихъ пещеръ и скалъ высокихъ,

Смѣясь волнамъ морей глубокихъ,

Они на бранныхъ челнокахъ

Несли врагамъ и казнь и страхъ.

Здѣсь жертвы страшныя свершались Одену,

Здѣсь кровью плѣнниковъ багрились олшари;

Но въ нравахъ я нашелъ большую перемену....

Эта земля не плѣнищельна. Сладости Капуи или Парижа здѣсь неизвѣстны. Въ ней ничего нѣтъ пріятнаго, кромѣ живописныхъ горъ и воспоминаній.

Проси, милый поварищъ! Тебѣ не должно роптать на судьбу: ты въ землѣ красоты и

здраваго смысла; ты счастливъ. Но я не завидую
тебѣ, возвращаясь на дикой сѣверъ: я увижу ро-
дину и нѣсколько друзей, о коихъ могу сказать
съ Вольперомъ:

Je les regretterais á la table des Dieux.

III.

КЪ В. Л. ПУШКИНУ.

(Въ 1817 году.)

Не виновашъ, не виновашъ нисколько передъ
милымъ и почпеннымъ спароспою, хопя и ка-
жусь нѣсколько виновнымъ. Спранспвовалъ, прі-
ѣхалъ домой и опять немедленно пуспился спран-
спвовашъ; воптъ почему и не писалъ къ шебѣ,
милый спароспа: *кибитка не Парнассъ*; она ше-
бѣ скажешъ, если спросишь ее: могъ ли я писапъ
окоспенѣлый оптъ холода? Теперь дома и пишу.
Письмо начинаешся благодарноспію за дружеспво
пвое; оно у меня все въ сердцѣ.

И какъ, скажише, не любишь
Того, кпо насъ любишь умѣешъ,
Для дружеспва лишь хочешъ жишъ
И языкомъ боговъ до спароспи владѣешъ!

До спароспи? Не сердись: эпо для спиха вспав-
ка! Мнѣ Музы и опыпность шепчуптъ на ухо:

Топтъ вѣчно молодъ, кпо поешъ
Любовь, вино, Эроша,

И розы сладострастья жнесть
Въ веселыхъ цвѣтникахъ Буфлера и Марота.
Пускай грозитъ ему подагра, кашель злой
И свора злыхъ займодавцовъ:
Онъ все прудился день денской
Для области книгопродавцовъ.
„Умрешь: забышь!“ Повѣрьте, нѣтъ!
Попомство все узнаетъ:
Чѣмъ жилъ и какъ и гдѣ Поэтъ,
Какъ умеръ, прахъ его гдѣ мирно исплѣвается.
И слава, вѣрьте мнѣ, спасетъ
Изъ алчныхъ челюстей забвенья,
И въ храмъ безсмертія внесетъ
Его и жизнь и сочиненья.

Ваши сочиненія принадлежатъ славѣ: въ эпюмъ
никто не сомнѣвается.

Ты злаго Гашпара убилъ однимъ стихомъ
И пѣлъ на лиръ гимнъ, Эропомъ вдохновенный.

Но жизнь? Повѣрьте и жизнь ваша, милый
В. Л., жизнь проведенная въ стихахъ и въ празд-
ноши, въ пупешеспвіяхъ и въ домосидѣніи, въ
мирѣ душевномъ и въ войнѣ съ С...., не уйдетъ
отъ попомства, и если у насъ будутъ лексиконы
великихъ людей, стихотворцовъ и прозаисповъ,
то я завѣщаю внукамъ искасть ее подъ липпе-
рою П.

» Пушкинъ В. Л., Коллежскій Ассесоръ, родился, и проч. «

Чупьемъ Поэзію любя,
Спихами лепешаль ты, знаю, въ колыбели;

Ты былъ младенцемъ, и тебя
Лелѣялъ весь Парнассъ, и Музы гимны пѣли,
Какая колыбель усердною рукой:

„Распи, малюпка золотой!

„Распи, сокровище безцѣнно!

„Ты нашъ, въ тебѣ запечатлѣнно

„Таланта вѣчное клеймо.

„Ничпожыхъ должностей свинцовое ярмо

„Твоей не пронепъ шеи:

„Эрозювъ розы и лилей,

„Счастливы Патоса запѣи,

„Гулянья, завпраки и праздность безъ трудовъ,

„Жизнь безъ раскаянья, безъ мудрости плодовъ,

„Твои да будутъ вѣчно!

„Распи, распи, сердечной!

„Не будешь въ золотъ ходишь,

„Но будешь безъ труда на приемахъ говорить,

„Друзей любишь

„И кофе жирный пипъ! «

Чего лучше? Предвѣщаніе Музъ сбылось, какъ видите. Со мною будетъ иначе. Ваши внуки не опыщутъ моего имени въ лексиконъ славы. Много писалъ, и теперь, разсматривая старые бумаги, вижу, что написалъ мало пушнаго. Что въ

риѣмахъ, если въ нихъ мало счастливыхъ, и что въ счастливыхъ стихахъ безъ счастья! Посудите сами! Живу одинъ въ снѣгахъ, и долго-ль проживу, не знаю.

Меня преслѣдуетъ судьба,

Какъ будто я талантъ имѣю!

Она, извѣстно вамъ, слѣпа;

Но я въ глаза ей молвишь смѣю:

„Оспавь меня: я не Поэтъ,

„Я не ученый, не Профессоръ;

„Меня въ календаръ въ числѣ счастливицевъ нѣтъ,

„Я . . . опспавной Ассесоръ!“

Но бросимъ въ спорону эпу прокляшую Поэзію, для насъ самозванцовъ, и поговоримъ о дѣлѣ.

Душевно радуюсь счастью Ж***; онъ споишь его. Фортуна упала не на пень и кочку, какъ говорилъ Державинъ. Что дѣлаешь ***? Знаю вашъ отвѣтъ:

На свѣтъ и на спихи

Онъ злобой адской дышетъ;

Но въ свѣтъ копишь онъ грѣхи,

И вѣчно риѣмы пишешь . . .

Проспише, иногда счастливыя!

Числа по совѣсти не знаю,

Здѣсь время сковано споишь,

И скука только говоришь:

Часть I.

„Пора напишься чаю,

„Пора вамъ кушать, спать пора,

„Пора въ саняхъ кашаться.“

— Пора вамъ съ приемами разспаться!

Разсудокъ мнѣ твердишь сего дня и вчера.

Это всего умнѣе.

И такъ прощайте!

IV.

Къ А. И. Т.

1818 года.

Очень, очень благодарю васъ за учаспіе, которое вы принимаете въ судьбѣ моей. Сижу больной, въ колпакѣ и въ плафортѣ, и часно думаю о васъ, часно грущу какъ звѣрокъ Лафоншена, *cet animal est triste et le chagrin le rongе*. Но чаще смѣюсь о опѣ добраго сердца. Вы сполько разъ были мнѣ полезны и дѣломъ и совѣшомъ, что я имѣю право на ваше дружество. Эпопѣ силлогизмъ не такъ дуренъ, какъ вамъ съ перваго взгляду покажется. Обнимаю васъ опѣ всей души, и прошу любить вашего Ахилла, который ворчитъ про себя: ахъ! хилъ! и впрямъ боленъ простудой, насморкомъ, головою; но не умомъ, ибо знаетъ цѣну Жуковскому и Карамзину; не сердцемъ, ибо любитъ васъ по старому. —

V.

Къ А. И. Т.

Одесса, 30 Іюня 1818.

Вчера получилъ я ваше письмо, почтеннѣйшій А. И., письмо печальное и пріятное. Наканунѣ слышалъ я о поперѣ нашего С. и, признаюсь вамъ, содрогнулся. Попомъ не хопѣлъ вѣришь; письмо ваше подтвердило печальное извѣстіе. С. очень несчастливъ. Жалѣю о почтенномъ Сп. — и особливо о мамери! Все это семейство ходишь по тернамъ, и я не могу безъ горестнаго чувства вспомнить о С. и объ его худомъ здоровьѣ. Желая ему твердости душевной. — О себѣ скажу вамъ, что я уже занесъ было одну ногу въ Крымъ; послѣ завтра хопѣлъ опсправиться въ Козловъ: письмо ваше остановило меня. И такъ судьба моя рѣшена, благодаря вамъ! Я увѣренъ, что вы счастливецъ меня, сдѣлавъ доброе дѣло. Для васъ это праздникъ, подарокъ Провидѣнія. Я благодарю его не за Ишлію, но за дружбу вашу: быль вамъ обязаннымъ пріятно и сладостно! И это подарокъ Провидѣнія, которое начинаеть быть ко мнѣ благосклоннѣе. На счетъ вашъ и больше и лучше говорилъ я сію минушу,

съ человѣкомъ, который понималъ меня, Г. С.—при. На бумагѣ всего не напишешь; а если напишешь все, то будешь дурно. Но при первомъ свиданіи обниму васъ крѣпко на-крѣпко. Оно будешь скоро; сердце влечетъ меня въ Пешербургъ. Долженъ увидѣшь васъ, виновника моего путешествія (увидѣшь К. О., которую почишаю моимъ провидѣніемъ на землѣ). Напрасно усомнилась она въ моемъ пріѣздѣ. Какъ могу рѣшиться на дальнѣйшій и долгую разлуку съ опечесствомъ! Спранно сказаешь! а до сихъ поръ не чувствую большаго облегченія опъ купанья. Ксшапи о купаньяхъ: между шѣмъ какъ дружесство преклось о судьбѣ моей, я чуть не избавилъ его опъ хлопотъ. Купавшись, чуть не пошонулъ въ морѣ: шакъ зашелъ далеко и неоспорочно, во время сильной бури! Великое количество соленой воды, которую проглотилъ при пошопленіи моемъ, распростроило мою грудь. Три дни спрадалъ. Теперь легче: голосъ дружбы вылечилъ меня совершенно. Поклонъ Жуковскому! Знаешь ли онъ стихи Мейстера, Оду его на побѣду Россіи? Последнія спроки прелесны! и благодарность къ Россіи въ устахъ иностранца — дѣло конечно необыкновенное, шѣмъ болѣе, что стихи хороши! Вошъ они, если не знаете; вошъ они, если и знаете ихъ. Хорошее можно всегда повпорять.

Et toi puissant pays, terre heureuse et chérie,

Asyle favorable, et nouvelle patrie

Que m'accordent les Dieux !

Profite des bienfaits que leur main te dispense,

Et jouis du bonheur sous la douce influence

D'un regne glorieux.

J'aime tes habitans, tes fleurs et tes rivages,

Et l'air que j'y respire, et de tes bois sauvages

L'immense profondeur.

Je vais, je vais rentrer dans ces retraits sombres

Et, plein d'un doux transport, méditer sous leur ombre

Ta gloire et mon bonheur.

И я утѣшаюсь мыслию, что изъ сихъ го-
лыхъ степей, опаленныхъ солнцемъ, увижу сосны
Пешербурга, прелестную Неву и вась съ Жуков-
скимъ; съ послѣднимъ бесѣдую, но естъ: пере-
читываю ! Карамзина не выпускалъ изъ рукъ !
Здѣсь было очень жарко и Италіянская Опера
прекрасная, слѣдственно мнѣ было не худо...

VI.

Къ А. И. Т.

Неаполь, 24 Марта, 1819.

Точно такъ, какъ Тиверій, котораго островъ передъ моимъ окномъ, не зналъ съ чего начать посланіе свое къ Сенапу, — такъ я, въ волненіи различныхъ чувствъ, среди заботъ и разсѣянія, среди визитовъ и счеповъ, при непрерывномъ крикѣ народа, покрывающаго набережную, при звукѣ цѣпей преслупниковъ, при пѣніи полишинелей, лазароновъ и прачекъ, не знаю, не умѣю, съ чего начать вамъ мое письмо. Примѣръ Тиверія соблазнилелень! Начну спрогимъ выговоромъ. Какъ можно забывашъ насъ, бѣдныхъ спранниковъ? Обѣщали писашъ и вы и всѣ друзья, и никто не сдержалъ даннаго слова. Долженъ полагаашъ, что вы меня забыли. За то и вы не вправѣ требовашъ отъ меня длиннаго посланія: некогда. Завтра ѣду въ Террачину, а сегодня надобно обѣхашъ весь городъ, который длинень и неопрашенъ.

Каждый день народъ волнами припекаетъ въ обширный пеашръ — восхищаетъ музыкой

России и улаживательнымъ пѣніемъ своихъ Сиренъ, между шѣмъ, какъ Везувій, нашъ сосѣдъ, готовился къ изверженію: говоряшъ, въ Порпици и въ окрестныхъ мѣстахъ колодцы начинаютъ высыхать: знакъ, по словамъ наблюдателей, что Вулканъ спанетъ работахъ. Прелестная земля! Здѣсь бывають землетрясенія, наводненія, изверженіе Везувія, съ горящей лавой и съ пепломъ; здѣсь бывають, при томъ, пожары, повальныя болѣзни, горячка. Цѣлыя горы скрывающіяся, и горы выходятъ изъ моря; другія вдругъ превращающіяся въ огнедышца. Здѣсь опъ болохъ или испареній земли вулканической воздухъ заражается и рождаетъ заразу: люди умирають — какъ мухи. Но за то, здѣсь солнце вѣчное, пламенное; луна пухлая и крошечная, и самый воздухъ, въ которомъ таишся смерть, благовоненъ и сладокъ! Все имѣетъ свою выгодную сторону; Плиній погибаетъ подъ пепломъ; племянникъ описываетъ смерть дядюшки. На пепелъ вырастаетъ славный виноградъ и сочные овощи.... Не дали мнѣ кончить начатаго письма. Сію минуту ворошилъ изъ Гаэпы, гдѣ разсѣлся съ Великимъ Княземъ: съ нимъ было разсѣваться грустно — какъ съ Россією. Мы Его здѣсь видѣли ежедневно, окруженнаго своими; мы къ Нему привыкли, и сохранимъ навсегда въ памяти нашей Его ласки и добро-

желашельство. Мы, по еспь, двое или прое Русскихъ во всемъ Неаполѣ! Мои товарищи знаютъ весь городъ. Я никого не знаю, и брожу по улицамъ какъ въ лѣсу. Къ досадѣ моей, всѣ покидаютъ шеперь Неаполъ, и спѣшатъ въ Римъ. Г. де Бре, Серра-Каприоли и всѣ Англичане — мои знакомые. Въ бытность В. К., я познакомился съ Лагарпомъ, который бодръ плѣломъ и духомъ. Онъ всходилъ на Везувій безъ помощи проводника, и къ спыду нашему, опередилъ молодежь. Обращеніе его сполько же проспо, сколько умъ шонокъ; онъ много знаешъ, ибо все помнишъ. Здѣсь я познакомился съ К., Архіепископомъ Тарентскимъ, ученымъ мужемъ и почтеннымъ, который нѣкогда игралъ важную роль въ Королевствѣ, который, и безъ чиновъ и безъ мѣста, внушаешъ уваженіе и любовь: у него собраніе книгъ, медалей и картинъ. Скажите У....., чшобы онъ мнѣ доспавилъ экземпляръ своихъ опышовъ о шайнспвахъ Элевзинскихъ — для сего почтеннаго спарца. Они будутъ въ хорошихъ рукахъ. А мнѣ, милоспивый государь, пришлите чего нибудь Русскаго: новоспей книжныхъ, спиховъ и прозы. Спыдно, если онъ меня забудешъ. Здѣсь я часпо говорилъ о немъ съ Гр. де Бре, который Неаполъ покидаешъ со слезами на глазахъ: такія прелеспи имѣешъ сей городъ! О Неаполѣ говоришъ Тассъ,

въ письмѣ къ какому-то Кардиналу, что Неаполь
ничего, кромѣ любезнаго и веселаго, не произво-
дитъ. Не всегда весело! Не могу привыкнуть къ
шуму на улицѣ, къ уединенію въ комнахъ. Днемъ
весело бродить по набережной, осѣненной поме-
ранцами въ цвѣту; но ввечеру не худо посидѣть
съ друзьями у добраго огня, и говорить все, что
на сердцѣ. Въ нѣкоторыя лѣта это можетъ
быть нужно, для образованнаго, мыслящаго су-
щества. Какъ бы то ни было, надобно ко всему
привыкать. Напомните обо мнѣ Карамзинымъ.
Скажите имъ, что въ Баи мы вспоминали ихъ
съ Г. де Бре, среди розъ и развалинъ. На пре-
лестнѣйшемъ берегу, окруженный тысячами вос-
поминаній, я буду писать къ нимъ при первомъ
удобномъ случаѣ. Просите Пушкина, именемъ
Аріоспа, выслать мнѣ свою Поэму, исполненную
красотъ и надежды, если онъ возлюбитъ славу,
паче разсѣянія. Карамзинъ говорилъ рѣчь въ Ака-
деміи; не проплететъ ли чего нибудь и Свѣшлана?
Что она поетъ теперь и на какой ладъ? Я по-
лучилъ отъ Д. письмо, въ которомъ онъ взды-
хаетъ объ опечесствѣ. Будьте же счастливы тамъ,
друзья мои, и вѣрите, что васъ люблю, люблю
и буду любить. — Для свадьбы Принцессы и для
пріѣзда Императора, гопованія здѣсь балы,
праздники, гулянья. Здѣсь весна въ полномъ цвѣ-

пѣ; миндальное дерево покрыто цвѣтами; розы
опцвѣшаютъ, и апельсины зрѣлые падаютъ съ
вѣтвей на землю, усыпанную цвѣтами; но я при-
нимаю слабое участіе въ пирахъ людей и Приро-
ды; живу съ книгами и думаю о васъ.» —

VII.

КЪ С. С. У.

Неаполь, Маія 1819.

Спѣшу загладить мою вину, если можно молчаніе назвать виною. Часно принимался я за перо, и самъ не знаю, почему оплагалъ. Но вчерашній день пробудилъ во мнѣ голосъ совѣсти и обезоружилъ лѣнь мою, кошорая гошова была защищаясь предъ вами ложью и дурными силлогизмами (*).

Когда лучше и подробнѣе узнаю Неаполь, тогда увѣдомлю васъ, какъ идесть здѣсь Университетъ, нѣкогда знаменитый, и ученіе вообще. Но могу смѣло сказать, что Искусства пошли назадъ, и даже самая музыка. Огромный, величественный С. Карло, говорящъ знапки, гробъ хорошей музыки. Здѣсь и дурную и хорошую начинаютъ слушать съ нѣкошорымъ хладнокровіемъ.

Какая земля! Вѣрьте, она выше всѣхъ описаній для того, кто любитъ Исторію, Природу и Поэзію; для того даже, кто жаденъ къ гру-

(*) Здѣсь выпущены нѣкоторыя частныя подробности.

бымъ, чувствѣннымъ наслажденіямъ, земля сія — рай земной. Но умъ, пребывающій пищи въ наспо-
щемъ, умъ дѣлательный, здѣсь скоро завянетъ и
погибнетъ. Сердце, живущее дружбой, замретъ.
Общество безплодно, пусто. Найдете дома па-
кіе, какъ въ Парижѣ, у иностранцевъ; но живо-
спи, любезности Французской не пребудете. Едва,
едва найдемъ человѣка, съ которымъ обмѣняешь-
ся мыслями. Отъ Европы мы отдѣлены морями
и спѣною Кипайскою. М-me Stael сказала спра-
ведливо, что въ Террачинѣ кончится Европа. Въ
среднемъ классѣ есть много умныхъ людей, осо-
бенно между адвокатами, ученыхъ; но они безъ
каѳедры нѣмы, иностранцевъ не любятъ, и, мо-
жетъ быть, справедливо. Въ общества я загля-
дываю, какъ въ маскарадъ; живу дома, съ книга-
ми; посѣщаю Помпею и берега залива, наспави-
тельные, какъ книги; спрашусь только забытъ
Русскую грамму. Поздравляю любителей Поэзіи,
слѣдственно и васъ, съ прекрасными стихами
Жуковского — на смерть Королевы. Они сильны,
исполнены чувствительности, однимъ словомъ,
достойны сей славной Женщины, столь рано у
насъ похищенной; достойны Жуковского, и мо-
гутъ спать на ряду съ его лучшими произведе-
ніями. Желая вамъ счастья и семейства вашему;
да Музы спасутъ васъ и его отъ бѣдъ и горе-

VII.

КЪ С. С. У.

Неаполь, Маія 1819.

Спѣшу загладишь мою вину, если можно молчаніе назваешь виною. Часпо принимался я за перо, и самъ не знаю, почему оплагалъ. Но вчерашній день пробудилъ во мнѣ голосъ совѣсти и обезоружилъ лѣнь мою, копорая гопова была защищаясь предъ вами ложью и дурными силлогизмами (*).

Когда лучше и подробнѣе узнаю Неаполь, тогда увѣдомлю васъ, какъ идееть здѣсь Университетъ, нѣкогда знаменитый, и ученіе вообще. Но могу смѣло сказать, что Искусства пошли назадъ, и даже самая музыка. Огромный, величественный С. Карло, говоряшь знапки, гробъ хорошей музыки. Здѣсь и дурную и хорошую начинающъ слушаешь съ нѣкошорымъ хладнокровіемъ.

Какая земля! Вѣрьте, она выше всѣхъ описаній для того, кто любитъ Исторію, Природу и Поэзію; для того даже, кто жаждетъ къ гру-

(*) Здѣсь выпущены нѣкоторыя частныя подробности.

бымъ, чувствственнымъ наслажденіямъ, земля сія — рай земной. Но умъ, пребывающій пищи въ настоящемъ, умъ дѣятельный, здѣсь скоро завянетъ и погибнетъ. Сердце, живущее дружбой, замретъ. Общество безплодно, пусто. Найдете дома такіе, какъ въ Парижѣ, у иностранцевъ; но живописи, любезности Французской не пребудете. Едва, едва найдемъ человека, съ которымъ обмѣняешься мыслями. Отъ Европы мы отдѣлены морями и сѣвною Кипайскою. М-me Stael сказала справедливо, что въ Террачинѣ кончится Европа. Въ среднемъ классѣ есть много умныхъ людей, особенно между адвокатами, ученыхъ; но они безъ кафедры нѣмы, иностранцевъ не любятъ, и, можетъ быть, справедливо. Въ общества я заглядываю, какъ въ маскарадъ; живу дома, съ книгами; посѣщаю Помпею и берега залива, наспавительные, какъ книги; спрашусь только забытъ Русскую грамоту. Поздравляю любителей Поэзіи, слѣдственно и васъ, съ прекрасными стихами Жуковского — на смерть Королевы. Они сильны, исполнены чувствительности, однимъ словомъ, достойны сей славной Женщины, столь рано у насъ похищенной; достойны Жуковского, и могутъ спать на ряду съ его лучшими произведеніями. Желая вамъ счастья и семейства вашему; да Музы спасутъ васъ и его отъ бѣдъ и горе-

стей житейскихъ; Музы, однѣ богини, которыя пережили весь Олимпъ, и которыя никогда не состарѣются, пока живъ умъ человѣческій. Онѣ присушествуютъ въ домъ вашемъ, съ вами, въ васъ. Ихъ молю, да сохраняютъ васъ для друзей, для Россіи! —

VIII.

Къ В. А. Ж.

Искія, 1 Августа 1819.

Думаешь ли, милый другъ, легко быть забывшимъ побою? С—тъ пишешь такъ мало и не связно, что изъ гіероглифовъ его я вижу одно желаніе сказать: я живъ; по ешь: будь здоровъ, какъ я, и попомъ Богъ съ побою! Иногда онъ забываетъ примолвить что-нибудь — о тебѣ, а пишешь ко мнѣ въ Неаполь о дѣлахъ, для меня совершенно не любопытныхъ. Но сердце мое невольно радуется, когда имѣю опять него извѣстіе, и день, въ который получу письмо изъ Россіи, ешь лучшій изъ моихъ дней. Суди послѣ эшаго, хорошо ли тебѣ забывать меня? Увѣдомъ меня о твоихъ занятіяхъ: что началъ новаго? что кончилъ? И отсюда я слѣдую за тобой; желаю счастливаго пути твоему таланту; одна мольба: не упреди! Но ты иногда шагаешь исполиномъ, между тѣмъ какъ я здѣсь, милый другъ, въ спрахъ — забывъ языкъ опечесивенный! — совершенно безъ книгъ Русскихъ, и по нынѣшнему образу занятій моихъ, не часто заглядываю въ двѣ или

при книги Русскія, копорыя ненарокомъ взялъ съ собою, не въ Неаполѣ, а на островѣ Искіи, въ виду Неаполя; купаюсь въ минеральныхъ водахъ, копорыя сильнѣе Липецкихъ; пью минеральную воду, дышу волканическимъ воздухомъ, питаюсь смоквами, пекусь на солнцѣ, прогуливаюсь подъ виноградными аллеями — при вѣяніи Африканскаго вѣтра, и, что всего лучше, наслаждаюсь великолѣпнѣйшимъ зрѣлищемъ въ мірѣ: предо мною въ отдаленіи Сорренто, колыбель того человека, копорому я обязанъ лучшими наслажденіями въ жизни; попомъ Везувій, копорый ночью извергаетъ тихое пламя, подобное факелу; высоты Неаполя, увѣнчанныя замками; попомъ Кумы, гдѣ спростововалъ Эней, или Виргилій; Баія, теперь печальная, нѣкогда роскошная; Мизена, Пуццолі, и — въ концѣ горизонта — гряды горъ, отдѣляющихъ Кампанію отъ Аbruццо и Апуліи. Этимъ не ограничивается видъ съ моей террасы: если обращаю взоры къ сторонѣ сѣверной, то увижу часть вершины Террачины, и весь берегъ, протягивающійся къ Риму и исчезающій въ синевѣ Тирренскаго моря. Съ горъ сего острова, предо мною, какъ на ладони, островъ Прочида; къ Югу Капрея, гдѣ жилъ злой Тиверій; острова Венгонскіе къ Сѣверу и островъ Понза, гдѣ, по словамъ Антикварія, обитала Цирцея. Ночью не-

бо покривається удивительнимъ сіяніємъ; млечною
пушъ здѣсь въ иномъ видѣ, несравненно яснѣе!
Въ споронѣ Рима — изъ моря виходить спраш-
ная комета, о которой мы мало заботимся. Та-
кія карпины присыдали бы пшое воображеніе.
Природа — великій Поэтъ, и я радуюсь, что на-
хожу въ сердцѣ моемъ чувство для сихъ великихъ
зрѣлищъ; къ несчастію, никогда не найду силы
выразить то, что чувствую: для этого нуженъ
пшой палантъ! Но воспоминаніе всякихъ родовъ
дасть несказанную прелестъ сему краю и прино-
ситъ даже болѣе удовольствія сердцу, нежели
красоты видовъ. Посреди сихъ чудесъ, удивись пе-
ремѣнѣ, которая во мнѣ сдѣлалась: я вовсе не
могу писать стиховъ! Графъ Д. И. Хвостовъ ска-
зывалъ мнѣ однажды, что онъ при годѣ былъ въ
такомъ положеніи; но за то могу сказать съ
покойнымъ К., что пишу *на прозахъ* довольно
часто. Я никогда не былъ такъ прилѣженъ! Къ
несчастью, и я не могу говорить объ этомъ безъ
внутренняго негодованія, здоровье мое вѣпшаесть
безпрестанно: ни солнце, ни воды минеральныя,
ни самая строгая діета, ничто его не можесть
исправитъ: оно, кажется, для меня погибло не
возвратно, и грудь моя, которая меня до сихъ
поръ очень рѣдко мучила, совершенно отказыва-
ется. Ипалія мнѣ не помогаетъ: здѣсь умираю

опѣ холода; что же со мною будетъ на Сѣверѣ? Не смѣю и думать о возвращеніи. По пріѣздѣ моемъ, жарко принялся за языкъ Италіянскій, на кошоромъ очень трудно говорить съ нѣкошорою пріятностію и правильностію намъ, иносстранцамъ. Но это для меня было бы не бесполезно, почти необходимо во всѣхъ отношеніяхъ; я хочу короче познакомиться съ этою землею, кошорая для меня спановилась часъ опѣ часу любопытнѣе. Для самой пользы службы, надобно узнать языкъ земли, въ кошорой живемъ. Вотъ почему все вниманіе устремилъ я на языкъ Италіянскій. Между шѣмъ, чтобы не вовсе забыть свой (ибо по Русски сочинялъ возможно чисто, плавно, какъ говоришь Г. Д. И. Х.), я пишу мои записки о древностяхъ окрестностей Неаполя, кошорыя прочишаемъ когда нибудь вмѣстѣ. Я ограничилъ себя, сколько могъ, одними древностями и первыми впечатлѣніями предметовъ; все, что критика, изысканія, оставляю, но не безъ чтенія. Иногда для одной спрочки надобно пробѣжать книгу, часто скучную и пустую. Впрочемъ, мнѣ когда-нибудь послужитъ это шѣ трудъ, ибо трудъ, я увѣренъ въ это шѣ, никогда не пошереяетъ. И такъ всѣ дни мои заняты совершенно; вотъ моя исшорія, милый другъ. Если прибавить, то я совершенно доволенъ моею участью, безъ роскоши,

но выше нужды, ничего не желаю въ мірѣ; имѣю или питаю по крайней мѣрѣ надежду возвратишься въ опечесство, обняшь васъ и будешь еще полезнымъ гражданиномъ, и это меня поддерживаетъ въ часы унынія. Здѣсь, на чужбинѣ, надобно имѣть нѣкоторую силу душевную, чтобы не унывать въ совершенномъ одиночествѣ. Друзей даешь случай; ихъ даешь время. Такихъ, какіе у меня на Сѣверѣ, не найду, не найду здѣсь. Впрочемъ, это и лучше! Какое удовольствіе, вспоминая по утру, сказать въ сердцѣ своемъ: я здѣсь всѣхъ люблю равно, ш. е., ни къ кому не привязанъ и ни за кого не спрадаю! — Я за то ближе къ моимъ книгамъ, которыхъ число увеличивается по неволѣ. Скажи К — мѣ (и себѣ), что я часто объ нихъ думаю, и опдалъ бы все прекрасное, за одинъ вечеръ, проведенный съ ними. — Р. S. Я купался въ Тибрѣ и ходилъ по форуму Рима, ни мало не краснѣя. Здѣсь я читаю Тацита и Жіакони. В. скажи, что я не забуду его! какъ счастье моей скуки: онъ будетъ вѣчно въ моемъ сердцѣ, вмѣстѣ съ побою. Прошу тебя, писать ко мнѣ. Чего тебѣ споймѣть, когда ты имѣешь время — переводить какого-то Базельскаго Пиндара, на какіе-то пяти-стопные стихи, и со всѣмъ эпитомъ писать — какъ Жуковскій, — Будь здоровъ, мое сокровище, не забывай меня

въ землѣ льдовъ и снѣговъ и добрыхъ людей; я
помню себя въ землѣ землепрясеній, и въ сви-
дѣтельствѣ беру М. Е. Х., которому завидую:
онъ увидишь опечесство — и себя!

Прости!

Конецъ первой части.

Batjuškov, Konstantin Nikolaevič,

Sočinenija v prozě i stichach Konstantina Batjuškova

Bd.: 1

St. Peterburg (1834)

P.o.rel. 2891-1/2

urn:nbn:de:bvb:12-bsb10036171-1